

ПУТЕШЕСТВІЯ ВЪ МОСКОВІЮ
ЕРЕМЕЯ ГОРСЕЯ.

Переводъ съ англійскаго

ЮРІЯ ТОЛСТОГО.

МОСКВА.

Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа.

Остоженка, Всеволожскій пер., д. военнаго вѣдомства.

1907.

О личности Горсея, помимо его сочинений, имѣется очень мало свѣдѣній. Извѣстно, что онъ происходилъ изъ старинной фамиліи помѣстныхъ владѣльцевъ въ Дорсетширѣ, въ 1573 г. (см. введеніе къ англ. изданію его сочиненій, *The travels of sir Jerome Horsey*, London, Hakluyt Society, 1856 г.; у Толстого, въ его статьѣ. «Сказанія англичанина Горсея о Россіи», *Отечествен. Записки*, 1859 г. стоитъ 1572 г.); пріѣхаль первый разъ въ Россію въ качествѣ прикащика Русскаго общества купцовъ, торгующихъ въ Московіи, пробыль здѣсь 18 лѣтъ ведя, какъ видно изъ его записокъ чрезвычайно дѣятельный образъ жизни. и въ 1591 г. окончательно вернулся въ Англію. Годъ его смерти точно не извѣстенъ, но повидимому онъ, былъ еще живъ въ 1626 г. Нѣкоторыя подробности, какъ о его жизни, такъ и о судьбѣ его сочиненій можно найти въ вышеупомянутыхъ статьяхъ.

Горсей оставилъ слѣдующія сочиненія:

1) Разсказъ или повѣствованіе о путешествіяхъ, должностяхъ, службахъ и переговорахъ сэра Еремѣя Горсея (1572—1591).

2) Торжественное и великолѣпное вѣнчаніе Федора Ивановича, царя російскаго и т. д. (1585).

3) Второе и третье посольство г. Еремѣя Горсея и т. д. (1585 и 1589 г.).

Юрій Толстой, спеціально занимавшійся исторіей сношеній Россіи съ Англіей и издавшій два капитальныхъ труда въ этой области („Россія и Англія въ XVI в“ и „Памятники дипломатич. сношеній Московскаго государства съ Англіей (1581—1604 гг.)“,—перевелъ и издаваемые нынѣ сочиненія Горсея (начало перевода помѣщено было въ I книгѣ Чтеній общества за 1877 г.). Въ своемъ переводѣ Толстой до стр. 46 строго придерживается текста „Путешествій“, но, начиная съ этой страницы, онъ уже комбинируетъ всѣ три сочиненія, пользуясь наиболѣе подробнымъ текстомъ, менѣе же подробный помѣщаетъ въ примѣчаніяхъ (см. стр. 53), при чемъ дѣлаетъ эти выписки такъ тщательно, что если напр. соединить всѣ мѣста взятые изъ „Вѣнчанія“ и помѣченныя буквою В, то мы получимъ эту статью безъ пропусковъ, въ томъ видѣ какъ она напечатана въ приложеніяхъ къ англійскому изданію „Путешествій“, кромѣ поставленной въ концѣ ея и опущенной грамоты царя Федора Ивановича 1586 г. (февр. 1587 г.). Тоже можно сказать и о другой статьѣ „Посольствахъ“, гдѣ выпущены только: царскій наказъ, письмо боярина-покровителя, присланное мнѣ съ Францискомъ Черри, мой

отвѣтъ на письмо боярина и письмо посланное королевой съ Еремѣемъ Горсеемъ его величеству русскому царю, 1589 г. Къ англ. изданію „Путешествій“ приложены кромѣ того „жалоба Русскаго общества на Еремѣя Горсея“ и „бумаги относящіяся къ посольству Горсея въ Россію въ 1590—1591 гг.“; тамъ же во введеніи приведена грамота царя Ѳедора Ивановича королевѣ Елизаветѣ о привилегіяхъ англійскихъ купцовъ съ жалобами на Горсея, выраженіемъ неудовольствія по поводу сокращенія титула, употребленія малой печати и недружелюбнаго слога въ грамотахъ королевы. Надо еще замѣтить, что всѣ примѣчанія, поставленныя въ ковычкахъ, у Горсея стоятъ въ текстѣ.

Въ 1877 г. напечатаны были первыя 30 страницъ перевода сочиненій Горсея. Въ рукописи перевода, хранящейся въ библиотекѣ Импер. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ подъ № 550 и писанной самимъ Ю. Толстымъ, оказалось продолженіе этого перевода; между уже напечатаннымъ и рукописью недоставало только 2½ страницъ, которыя переведены были А. А. С—вой (стр. 31, 32 и 33 кончая словами: „на память имъ и ихъ потомству. Когда я приѣхалъ въ Гамбургъ...“). При изданіи переводъ Ю. Толстого былъ еще разъ провѣренъ А. А. С—вой по изданію „Horseys Travels. Hakluyt Society“, 1856 г. и въ сомнительныхъ случаяхъ были сдѣланы ею же соответствующія замѣчанія, которыя всѣ обозначены буквами А. С. (Примѣчанія Толстого—Ю. Т.).

РАЗСКАЗЪ ИЛИ ПОВѢСТВОВАНИЕ

О

ПУТЕШЕСТВІЯХЪ, ДОЛЖНОСТЯХЪ,

СЛУЖБАХЪ И ПЕРЕГОВОРАХЪ

СЕРА ЕРЕМѢЯ ГОРСЕЯ,

ВЪ КОТОРЫХЪ ОНЪ ПРОВЕЛЪ ПОЧТИ ЦѢЛЫХЪ ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ

Ю. В. Толстого.

РАЗСКАЗЪ ИЛИ ПОВѢСТВОВАНІЕ

О

ПУТЕШЕСТВІЯХЪ, ДОЛЖНОСТЯХЪ, СЛУЖБАХЪ И ПЕРЕГОВОРАХЪ

СЕРА ЕРЕНЪЯ ГОРСЕЯ,

ВЪ КОТОРЫХЪ ОНЪ ПРОВЕЛЪ ПОЧТИ ЦѢЛЫЯ ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

Извлеченіе это, составленное Горсеемъ и написанное собственною его рукою, было сперва посвящено достойному, многочтимой памяти Серу Франциску Уельсингему, Кавалеру, Главному Государственному Секретарю, также и другимъ достойнымъ и любезнымъ друзьямъ и родственникамъ сочинителя, желавшимъ имѣть повѣствованіе о сихъ предметахъ; въ послѣдствіи же признано ими заслуживающимъ обнародованія и для прочихъ любителей читать рассказы о странахъ чуждыхъ.

Ер. Горсей.

ПУТЕШЕСТВІЯ

С Е Р А Е Р Е М Ъ Я Г О Р С Е Я .

Члену Королевскаго Совѣта, Серу Франциску Уельсиягему, Главному Государственному Секретарю Ея Величества.

Съ той счастливой поры, когда мой достойнѣйшій другъ и родственникъ Серъ Эдуардъ Горсей, въ первый разъ познакомилъ меня съ Вашей Милостью, я умѣлъ оцѣнить, сколь много ваша благосклонность способствовала моимъ успѣхамъ и моему повышенію. По этому, зная ваше благородное желаніе узнать состояніе иностранныхъ Государствъ и то, что въ нихъ происходитъ, я, согласно съ вашими совѣтами и наставленіями, прежде мнѣ данными, считаю долгомъ благодарности сообщить вамъ тѣ извѣстія, которыя болѣе другихъ любопытны и достойны вниманія на мѣстѣ, вами занимаемомъ; тѣмъ болѣе, что этими свѣдѣніями надѣюсь поощрить другихъ, желающихъ ити по моимъ слѣдамъ, и доставить имъ пользу. Итакъ для вашей милости, и для васъ, прямо достойныхъ, добрыхъ моихъ друзей, я изложилъ, въ видѣ повѣствованія или разказа то, что вы желали знать: мои наблюденія во время моихъ путешествій, службъ и переговоровъ. Наблюденія эти относятся къ самымъ страшнымъ и замѣчательнымъ предметамъ въ извѣстныхъ нынѣ странахъ сѣверной части Европы и сѣверо-запада Скиѣи, именно въ Россіи, Московіи, Татаріи, также въ прилежащихъ къ нимъ со стороны материка земляхъ и Королевствахъ: Польшѣ, Трансильваніи, Литвѣ и Ливоніи, въ Швеціи и Даніи, лежащихъ между Сѣвернымъ океаномъ и Балтійскимъ моремъ, въ Имперіи (Римской) и пространныхъ Имперскихъ Княжествахъ верхней Германіи, въ пяти верхнихъ и нижнихъ союзныхъ кантонахъ, въ Клевѣ, Вестфаліи, Фрисландіи, въ нижнихъ странахъ нижней Германіи, обыкновенно называемыхъ Фландрією, Брабантомъ, Зеландією и Голландією, и состоящихъ изъ семнадцати соединенныхъ областей. Столицы и главные торговые города

какъ внутри этихъ странъ, такъ и при морѣ лежащія, произведенія ихъ, Университеты и древніе памятники ихъ климатъ и положеніе, ихъ законы, нарѣчія, вѣроисповѣданія, церковное и гражданское управленіе и природныя качества племенъ, ихъ обитающихъ: всѣ эти предметы я намѣренъ изложить въ четырехъ отдѣльныхъ разсужденіяхъ, столь полно и послѣдовательно, сколько мои наблюденія и семнадцатилѣтній опытъ мнѣ позволяютъ.

Посѣтивъ и обозрѣвъ сперва часть Франціи и Нидерландовъ, въ ихъ цвѣтущее, хотя и смутное, по причинѣ войны, время, я (въ 1572 году) прибылъ въ Московію, обыкновенно называемую Россією. Хотя и не имѣя особенной учености, но зная немного Греческій языкъ, я, по сходству его съ Славянскимъ, тамъ употребительнымъ, скоро достигъ вѣрнаго и свободнаго познанія сего послѣдняго нарѣчія, обильнѣйшаго и изящнѣйшаго въ свѣтѣ Славянскій языкъ. за исключеніемъ немногихъ перемѣнъ въ сокращеніяхъ и въ произношеніи, весьма сходенъ съ нарѣчіями Польши, Литвы, Трансильваніи и всѣхъ другихъ сосѣднихъ земель; онъ можетъ также служить въ Турціи, Персіи, даже въ извѣстныхъ нынѣ частяхъ Индіи и др. Я читалъ Московскія лѣтописи, писанныя и хранимыя въ тайнѣ Княземъ Иваномъ Ѳеодоровичемъ Мстиславскимъ, однимъ изъ первыхъ Русскихъ вельможъ. Въ продолженіе своей восьмидесятилѣтней жизни онъ для памяти составилъ много тайныхъ замѣчаній относительно состоянія, рода и управленія этого Государства и по дружбѣ и доброму ко мнѣ расположенію, сообщилъ ихъ мнѣ. Чтеніе это было особенно для меня полезно, когда между Русскими заходила бесѣда о событіяхъ прошедшаго времени, именно послѣдней половины княженія Василія Ивановича. ¹ Государь этотъ имѣлъ тогда только титулъ Великаго Князя Владимирскаго, Русскаго, Московскаго и проч. При Василѣ Ивановичѣ его земли и владѣнія распространились со стороны Польши, Швеціи и особенно Крымскихъ Татаръ; при смерти своей онъ оставилъ свое Государство и свой народъ въ великомъ мирѣ и спокойствіи, сильными и богатыми, и поручилъ своимъ Боярамъ управленіе и защиту своихъ владѣній и царствъ, раздѣленныхъ на четыре части. Изъ его двухъ сыновей, старшій Великій Князь Иванъ Васильевичъ, которому было пять лѣтъ, остался послѣ него княжить и управлять; другого же сына, двухъ

¹ Перечень этихъ событій я отлагаю до болѣе приличнаго мѣста.

лѣтъ отъ роду, онъ оставилъ Княземъ земли, называемой Вага. Когда Великій Князь всея Россіи, Иванъ Васильевичъ, пришелъ въ возрастъ, онъ былъ красивъ наружностью, одаренъ быстрымъ умомъ, прекрасными способностями, привѣтливостью, и былъ достоинъ править столь обширнымъ Государствомъ. Двѣнадцати лѣтъ онъ женился на Анастасіи Романовой, дочери знатнаго дворянина; бракъ этотъ много способствовалъ возвышенію ея брата, Никиты Романовича. Эта Царица была столь умна, благочестива, добродѣтельна, и имѣла столь большое вліяніе, что всѣ ея подданные чтили, любили ее и боялись ея. Великій Князь былъ молодъ и вспыльчивъ, но она управляла имъ съ удивительной кротостью и умомъ. Благодаря мужеству и храбрости своихъ Воеводъ, Духовенства и Думы, онъ сбросилъ владычество Крымскаго Хана, которому подчинились его предшественники, завоевалъ Царство Казанское и Астраханское; ² вскорѣ потомъ покорилъ всѣхъ разныхъ Князей Татарскихъ и всѣ ихъ земли, и привелъ много народовъ въ свое подданство. ³ Посредствомъ этихъ побѣдъ онъ приобрѣлъ большое могущество и большую славу, завоевалъ два отдѣльные вѣнца и Царства и по общему совѣту всѣхъ своихъ Бояръ, Дворянъ, Духовенства и народа, вѣнчался и принялъ титулъ Царя, Великаго Монарха и Великаго Князя Казанскаго, Астраханскаго, Московскаго, Владимирскаго, Новгородскаго, Русскаго: съ длиннымъ наборомъ именъ прочихъ его областей, которыхъ признанія и перечета онъ требуетъ отъ всѣхъ Посланниковъ тѣхъ Государей, съ которыми находится въ сношеніи. Онъ не переставалъ, однако же, воевать съ Крымскими Татарами, которые, своими ежегодными набѣгами, много вредили ему и его подданнымъ. По мѣрѣ того, какъ Царь становился старѣе, росло его величіе и умножались его завоеванія: онъ отнялъ у Польскаго Короля знаменитые города: Полоцкъ, Смоленскъ, Дорогобужъ, Вязму и многіе другіе, съ большими богатствами и безчисленнымъ множествомъ плѣнныхъ, на пространствѣ семи сотъ миль внутри Польскихъ предѣловъ; покорилъ Бѣлую Россію и Литву, страны съ значительными городами, изобилующія разными произведеніями, льномъ, пенькою, саломъ, кожами, зерновымъ хлѣ-

² Въ 2700 миляхъ отъ его столицы Москвы, внизъ по великой рѣкѣ Волгѣ, близъ Каспійскаго моря.

³ Паденіе и развореніе этихъ Царствъ до сего дня служить предметомъ горестныхъ пѣсень и разговоровъ между тамошнимъ племенами.

бомъ и множествомъ скота; вступилъ въ торговья сношенія съ купцами, и облагалъ ихъ также, какъ и многихъ Вельможъ и Дворянъ, большими окупами. Завоеванія эти, усиливъ могущество Царя, сдѣлали его гордымъ, сильнымъ, жестокимъ и кровожаднымъ. Когда его добрая супруга, Царица Анастасія, умерла, она была причислена къ лику Святыхъ и до сего дня почитается святою въ церквахъ. Она имѣла двухъ сыновей: Ивана и Ѳедора. Послѣ ея смерти Царь женился на одной изъ Черкесскихъ Княженъ, отъ которой, сколько извѣстно, не имѣлъ дѣтей. Едва ли можно повѣрить находящемуся въ Русскихъ лѣтописяхъ разсказу о странныхъ и языческихъ обрядахъ, съ которыми совершился этотъ бракъ; по этому не стану повторять этотъ разсказъ, но перейду ко времени, мнѣ самому извѣстному.

Могущество Царя усилилось не только покореніемъ Царствъ Казанскаго и Астраханскаго и взятіемъ въ плѣнъ большей части главнѣйшихъ Татарскихъ Князей и лучшихъ ихъ воиновъ, но также и бракомъ его съ Черкесскою Княжною, которымъ упрочилась его власть надъ Татарами. Его жестокости, непрестанныя казни, грабежи, избіеніе родовъ дворянскихъ, возбуждали неудовольствіе въ его Князьяхъ и Боярахъ; противъ тѣхъ изъ нихъ, въ которыхъ онъ замѣчалъ неудовольствіе и неповиновеніе, онъ употреблялъ Тагаръ, которые суть лучшіе и болѣе рѣшительные воины, чѣмъ Русскіе. Надутый честолюбіемъ, безумно хвалясь завоеваніемъ, которое онъ собирался совершить, Царь выступилъ къ границамъ Ливоніи и Швеціи (предѣламъ Христіанства съ этой стороны), имѣя съ собою сто тысячъ коннаго и пятьдесятъ тысячъ пѣшого войска, пушки и весь снарядъ, обозъ, съѣстные и всякіе другіе нужные припасы. На пути къ Новгороду и Искову,⁴ онъ предавалъ смерти попадавшихся войску его людей, женщинъ и дѣтей. На берегѣ восточнаго залива Балтійскаго моря, который до того времени принадлежалъ Ливоніи и имѣлъ самостоятельнаго Правителя, онъ выстроилъ, возлѣ Нарвы, сильный замокъ, Ивановъ-городъ, который господствовалъ надъ Нарвой; въ награду за рѣдкую архитектуру этого замка, онъ приказалъ выколоть глаза стро-

⁴ Новгородъ и Исковъ—два большіе торговые, приморскіе, города, въ которыхъ сосредоточивается торговля всѣхъ восточныхъ странъ; они, вмѣстѣ съ Нарвой, образуютъ равносторонній треугольникъ на восточномъ краѣ Балтійскаго моря.

ителю онаго. Изъ Пскова Царь вступилъ въ предѣлы Ливоніи, отправилъ Князя Михайла Глинскаго съ пушками осадить ближайшій замокъ, Нейгаузенъ, покорилъ его, взялъ въ плѣнъ тамошнихъ воиновъ и оставилъ тамъ 300 человекъ гарнизона, которымъ отдалъ замокъ на разграбленіе; осадилъ и взялъ другіе малые города и замки на походѣ къ Дерпту, большому и крѣпкому торговому городу, который осадилъ. Жители Дерптскіе съ печалью выкинули перемирный флагъ; изъ нихъ восемь тысячъ мужчинъ и женщинъ и дѣтей были уведены въ плѣнъ четырьмя тысячами Татаръ; казна и товары были взяты въ Царскую казну и отправлены въ Новгородъ. Царь продолжалъ походъ, не встрѣчая сопротивленія, раздѣлилъ свое войско на четыре отряда, оставивъ десять тысячъ для содержанія стражи и для перевоза снаряда чрезъ рѣки и озера, которыя, по причинѣ мороза, всѣ были покрыты крѣпкимъ льдомъ. На пути къ Чернову онъ взялъ много замковъ, городовъ и селъ, богатствъ, скота и плѣнниковъ: Гаусаль, Лойель, Венденъ, Гольдингень, Митаву и многіе другіе крѣпкіе города близъ Балтійскаго моря, всего числомъ до 30, обнесенныхъ стѣнами, городовъ на пространствѣ двухъ сотъ миль (верстъ). Плачевны были крики убиваемыхъ, толимыхъ и сожигаемыхъ. Женщины и дѣвы были обезчещены, немилосердно обнажены и выставлены на морозъ; мертвыхъ и живыхъ привязывали по три, по четыре, къ хвостамъ коней и влачили, оставляя кровавые слѣды по дорогамъ; улицы были наполнены тѣлами стариковъ, женщинъ и дѣтей; между трупами видны были многія знатныя особы въ бархатныхъ, штофныхъ и шелковыхъ одеждахъ, украшенныхъ драгоценными камнями, золотомъ и жемчугами.³ Безчисленныя толпы были такимъ образомъ уведены въ Россію. Нельзя оцѣнить богатствъ деньгами, товарами и другими сокровищами, которыя были вывезены изъ этой страны, изъ ея городовъ и изъ 600 ограбленныхъ и разоренныхъ церквей. Изъѣздивъ эту обильную страну и ограбивъ ея несчастныхъ жителей, Царь, съ своими свирѣпыми Татарамъ, приступилъ къ главному, стольному городу, Ревелю, при которомъ находится Стейколь (Steucoll), твердыня, построенная на высокой каменной горѣ, на самомъ берегу Балтійскаго моря, противъ Стокгольма въ Швеціи. Онъ осадилъ Ре-

³ Тамашніе уроженцы—красивѣйшій народъ въ свѣтѣ, какъ по своей породѣ, такъ и благодаря холодному и сухому климату страны.

вель съ двадцатью тысячами чловѣкъ, громилъ его изъ 20 пушекъ; но войны, люди и женщины внутри города ночью задѣлывали проломы въ стѣнахъ, сдѣланные ядрами въ теченіи дня: они заливали ихъ горячею и холодною водою, которая такъ плотно замерзала, что, послѣ шестинедѣльной осады, разстрѣлявъ 20 тысячъ пушечныхъ зарядовъ, Царь имѣлъ мало успѣха, потерялъ шесть тысячъ воиновъ и поспѣшно отступилъ со стыдомъ отъ города. Во время отступленія своего, по причинѣ внезапной оттепели и разлива рѣкъ, онъ лишился значительной части своего снаряда, добычи и обоза и потерялъ, по крайней мѣрѣ, 30 тысячъ чловѣкъ. Пылая гнѣвомъ отъ своей неудачи, отъ потери лучшей и лучшей части своего огромнаго войска и снаряда, онъ рѣшился совершить кровопролитнѣйшее и неистовѣйшее изъ когда либо слыханныхъ побоищъ. Онъ пришелъ въ Нарву, захватилъ и ограбилъ всѣ богатства въ этомъ городѣ, всю городскую казну и всѣ товары, умертвилъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и отдалъ добычу своему Татарскому войску. Оттуда онъ пошелъ къ Пскову, которому готовилъ ту же участь; ибо, въ своей злобѣ, повѣрилъ, что Псковитяне, вмѣстѣ съ жителями Нарвы и Новгорода, замыслили его смерть и сносились съ его врагами объ истребленіи его войска, и приписывалъ ихъ измѣнническимъ сношеніямъ и перевѣтамъ свое пораженіе при осадѣ Ревеля и понесенную имъ потерю людей и снаряда. Во Псковѣ былъ тогда одинъ юродивый, котораго тамошніе жители считали пророкомъ: этотъ обманщикъ, или колдунъ, по имени Никола Святой, встрѣтилъ Царя смѣлыми укоризнами и заклинаніями, бранью и угрозами, называя его кровопійцею, пожирателемъ Христіанскаго мяса, и клялся, что Царь будетъ пораженъ громомъ, если онъ, или кто либо изъ его воиновъ, коснется во гнѣвѣ хотя единого волоса на головѣ послѣдняго ребенка въ Псковѣ; что Ангелъ Божій хранитъ Псковъ для лучшей участи, а не на разграбленіе, и что Царь долженъ выйти изъ города прежде, чѣмъ Божій гнѣвъ разразится въ огненной тучѣ, которая, какъ самъ онъ можетъ видѣть, виситъ надъ его головой (ибо въ эту минуту была сильная и мрачная буря). Царь содрогнулся отъ этихъ словъ и просилъ его молиться объ избавленіи его и прощеніи ему его жестокихъ замысловъ. ⁶

⁶ Я видѣлъ этого негоднаго обманщика, или колдуна: и вимой и лѣтомъ онъ

Возвратясь въ Новгородъ, гдѣ оставались всѣ плѣнники, Царь, особенно озлобленный противъ этого города, рѣшился отмстить его жителямъ за ихъ измѣны и коварство: онъ ворвался въ него съ 30 тысячами Татаръ и десятью тысячами стрѣльцовъ своей охранной стражи; предалъ всѣхъ безъ разбора женщинъ и дѣвъ на растлѣніе, а городъ на грабежъ; всѣ драгоценности, блюда и сокровища были обобраны у всѣхъ жителей; молодые и старые избиты; хозяйственная утварь, товары, склады воска, льна, сала, кожъ, соли, винъ, суконъ и шелка истреблены огнемъ. Растопленный воскъ и сало залили стоки на улицахъ, по которымъ текла кровь 700 тысячъ убитыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей; потоки крови и трупы людей и животныхъ, брошенныхъ въ рѣку Волховъ (Волка), заправили ея теченіе. Исторія не упоминаетъ о подобномъ побоищѣ ни въ какой другой странѣ. Окончивъ его, Царь оставилъ раззоренный и опустѣлый городъ и возвратился съ своимъ войскомъ и съ Ливонскими плѣнниками въ свою столицу, Москву. На пути, его Воеводы и другіе чиновники, по его повелѣнію, на пространствѣ 50 миль выгоняли изъ окрестныхъ городовъ и селъ всякаго рода людей: дворянъ, крестьянъ, купцовъ и монаховъ, старыхъ и малыхъ, съ ихъ семействами и имуществомъ и скотомъ, заставляя ихъ ити очищать и заселять опустошенный великій Новгородъ. Этимъ несчастнымъ готовилась новаго рода смерть; ибо многіе изъ нихъ умерли отъ заразы, происшедшей отъ вредныхъ испареній въ городѣ, куда они прибыли, и хотя много разнаго возраста людей изъ дальнихъ городовъ и областей было послано туда селиться, Новгородъ, не смотря на всѣ старанія, не могъ сдѣлаться по прежнему многолюденъ.

Эти неистовства породили во всемъ Государствѣ такую всеобщую ненависть, такой страхъ, такое уныніе и волненіе, что много было сдѣлано попытокъ и замысловъ, чтобы погубить тирана, но онъ успѣвалъ открывать всѣ заговоры и измѣны и противоборствовалъ знатнѣйшимъ Боярамъ, даруя имъ дворянство и оказывая снисхожденіе величайшимъ и отчаяннѣйшимъ негодяямъ, которыхъ только могъ отыскать въ своемъ войскѣ. Раздѣ-

---

ходилъ голый, вынося и зной и морозъ. Посредствомъ волшебныхъ очарованій дьявола онъ дѣлалъ много чудесныхъ вещей. Его боялись и уважали какъ Государя, такъ и народъ, который всюду за нимъ слѣдовалъ.

ливъ свою добычу, онъ учредилъ склады своихъ сокровищъ въ самыхъ большихъ, укрѣпленныхъ и надежнѣйшихъ монастыряхъ и въ Москвѣ, въ которой основалъ пребываніе своего двора. Большую часть своего времени онъ проводилъ съ своими воинами, грабя и умерщвляя знатнѣйшихъ Бояръ, богатѣйшихъ сановниковъ и лучшихъ купцовъ изъ своихъ подданныхъ. Ожесточившись сердцемъ и закоснѣвъ въ преступленіи, онъ предалъ многихъ изъ нихъ ужаснѣйшимъ и постыднѣйшимъ казнямъ и пыткамъ (подлый и униженный народъ безъ искры мужества!). Не довѣря болѣе преданности недавно покоренныхъ имъ Татаръ, Царь послалъ ихъ содержать стражу на предѣлахъ Ливоніи и Швеціи, и въ завоеванныхъ городахъ и замкахъ. Подозрѣвая измѣну внутри своего Государства, и въ особенности страшась своего стариннаго врага, Крымскаго Хана,⁷ онъ собралъ изъ всѣхъ самыхъ отдаленныхъ своихъ областей огромное войско, состоявшее изъ Поляковъ и Шведовъ, и съ 100 тысячами своими конныхъ и 50 тысячами пѣшихъ воиновъ,⁸ приготовился встрѣтить своихъ непріятелей, Крымцевъ, которые угрожали нападеніемъ на его области. Въ то же время онъ отослалъ свою Черкесскую жену, постригъ ее въ монахини, заключилъ въ монастырь, а въ супруги себѣ выбралъ свою подданную, Наталію, дочь Князя Федора Булгакова, одного изъ главнѣйшихъ Намѣстниковъ, Воеводы довѣреннаго и весьма опытнаго. Булгакову вскорѣ потомъ отрубили голову, а дочь его была также пострижена въ монахини. Между тѣмъ пришло извѣстіе о походѣ Крымцевъ, извѣстіе непріятное для Царя, но радостное для большей части его Бояръ и народа, жившаго среди этихъ мученій и бѣдствій. Тиранство этого кровожаднаго Государя было справедливою казнью, посланною Богомъ на этотъ преступный народъ за то, что онъ живетъ, заботясь лишь объ ѣдѣ и итьѣ и погрязнувъ въ сквернахъ вопіющихъ грѣховъ Содомскихъ. Наступило время, назначенное Богомъ, чтобы явить Государю и народу странную кару въ поученіе всѣмъ грядущимъ поколѣніямъ. Крымскій Ханъ, пользуясь случаемъ, вступилъ въ предѣлы Россіи съ 200 тысячами конныхъ воиновъ, занялъ те-

⁷ Котораго, какъ онъ въ послѣдствіи узналъ, возбуждали напасть на Россію его собственные дворяне и подданные.

⁸ Сии послѣдніе охраняли жизнь и могущество, за которыя онъ справедливо весьма опасался.

ченіе рѣки Оки на протяженіи 50 миль, въ виду войска Царя Ивана Васильевича, въ которомъ было сто тысячъ храбрыхъ воиновъ, съ ихъ Воеводами, съ сильною артиллерію, всеми снарядами, множествомъ людей и оружія, всеми нужными съѣстными и другими припасами.. Обидаженные тайными вѣстями, Крымцы рѣшились совершить переправу вплавъ, и безъ сопротивленія вышли на противоположный берегъ отдѣлившей ихъ рѣки. Царскому войску велѣно было защищать броды и переправы на пространствѣ 25 миль и ни кто, подъ смертною казною, не смотря ни на какой предстоящій успѣхъ, не долженъ былъ преступить Царскаго наказа. Перейдя на другую сторону рѣки, непріятель, не теряя времени, спѣшилъ къ Москвѣ, находившейся только въ 90 миляхъ, гдѣ Русскій Царь считалъ себя безопаснымъ. Узнавъ о приближеніи непріятели къ Москвѣ, онъ, съ своими двумя сыновьями, казною, дворомъ, слугами и 20 тысячами стрѣльцовъ своей охранной стражи, въ день Успенія, бѣжалъ за 60 миль въ укрѣпленный монастырь Троицу. Непріятель зажегъ высокую колокольню Ивановской церкви: въ это время поднялся необыкновенно бурный вихорь, отъ котораго огонь распространился, и въ теченіи шести часовъ обратилъ въ пепель на пространствѣ 30 миль внутри города и въ пригородахъ все церкви, дома и дворцы, построенные большею частью изъ сосноваго и дубоваго лѣса. Въ этомъ пожарѣ сгорѣли и задохлись отъ раскаленнаго воздуха безчисленные тысячи людей, женщинъ и дѣтей, скрывшихся въ каменныхъ церквяхъ, въ монастыряхъ, подвалахъ и погребяхъ. Спаслись весьма немногіе какъ внутри, такъ и вѣѣ обнесенныхъ стѣнами трехъ городовъ. Рѣка и гати около Москвы были остановлены въ своемъ теченіи и запружены толнами людей, обремененныхъ золотомъ, серебромъ, драгоценными камнями, цѣбнями, серьгами, заністями и сокровищами, и старавшихся спастись отъ смерти въ водѣ, выставяя однѣ головы поверхъ ея. Не смотря на то, столько тысячъ народа сгорѣло и потонуло, что въ теченіи двѣнадцати мѣсяцовъ послѣ, не смотря ни на какіе труды и старанія, рѣка не могла быть очищена отъ труповъ. Оставшіеся въ живыхъ и многіе приходившіе изъ другихъ городовъ и мѣстъ ежедневно выкапывали въ землѣ и вылавливали въ рѣкѣ на большомъ пространствѣ кольца, драгоценности, блюда, мѣшки золота и серебра; въ послѣдствіи многіе навсегда обогатились этимъ промысломъ. Улицы города, церкви, погреба и подвалы до того были завалены грудами труповъ умершихъ и задохшихся, что дол-

го потомъ нельзя было проходить мимо по причинѣ вони и зараженнаго воздуха. Крымскій Ханъ съ своимъ войскомъ смотрѣлъ на этотъ обширный пожаръ, расположившись со всеѣми удобствами въ прекрасномъ Симоновомъ монастырѣ, въ четырехъ миляхъ отъ города, на берегу рѣки: онъ обобралъ все богатства и сокровища у тѣхъ, которые спаслись бѣгствомъ отъ пожара. Хотя сожженіе Москвы принесло Крымцамъ мало пользы, но они удовольствовались этимъ подвигомъ и отправились назадъ съ множествомъ плѣнныхъ и обремененные награбленной добычей. Правда, они опасались быть настигнуты Царскимъ войскомъ у Серпухова (Sergiar), но успѣли переправиться черезъ рѣку (Оку) также, какъ пришли.

Русскій Царь, съ своими двумя сыновьями и казною, продолжалъ свое бѣгство еще далѣе, до большаго города Вологды (въ 500 миляхъ отъ Москвы), гдѣ считалъ себя безопаснымъ. Пораженный и разстроенный несчастіемъ, которое его постигло, онъ созвалъ Думу изъ своихъ Митрополиговъ, Епископовъ и духовенства, своихъ знаменитѣйшихъ Бояръ и стариннѣйшаго дворянства и, по уходѣ непріятеля, распустилъ свое войско, не обнажившее меча на его защиту; допрашивалъ, пыгалъ и истязалъ многихъ изъ Воеводъ и главныхъ военачальниковъ; нѣкоторыхъ изъ нихъ казнилъ; описалъ въ казну ихъ имѣніе и помѣстья; истребилъ ихъ роды и семейства; приказалъ очистить, отстроить и вновь заселить Москву, что стоило огромныхъ трудовъ и стараній. Среди этихъ распоряженій, его главный врагъ, Девлетъ-Гирей (Шигъ-Алей Мурза) отправилъ къ нему посла въ сопровожденіи многихъ Мурзъ (Mousers), т. е., Татарскихъ дворянъ; все они имѣли подъ верхомъ хорошихъ коней, но были одѣты въ овчинныхъ подносаныхъ тулупахъ и въ черныхъ овчинныхъ же шапкахъ; вооруженіе ихъ состояло изъ луковъ и стрѣлъ и странныхъ богатыхъ мечей при бедрѣ. Къ этому посольству приставлена была стража, которая содержала ихъ въ темныхъ комнатахъ; имъ не давали ни хлѣба, ни питья, ни постелей; лучшая їда ихъ была вонючее конское мясо. Когда пришло время представить ихъ Царю, они подверглись многимъ другимъ обидамъ, но перенесли все съ равнодушіемъ и презрѣніемъ. Царь принялъ ихъ со всеѣмъ великолѣпіемъ своего сана, имѣя предъ собою свои три вѣнца и окруженный своими Князьями и Боярами. По его приказанію съ посла сняли овчинный тулупъ и шапку и надѣли на него одежду золотой парчи и богатую шапку. Весьма этимъ довольный, посоль

вошелъ въ Царскую палату, но сопровождавшихъ его Крымцевъ удержали за желѣзною рѣшеткой, которая отдѣляла ихъ отъ Царя. При видѣ этого посолье пришелъ въ бѣшенство, зарычалъ адскимъ, глухимъ голосомъ, и лицо его приняло звѣрское, свирѣпое выраженіе. Четыре начальника охранной стражи подвели его къ Царскому престолу. Онъ былъ отвратителемъ лицомъ и безо всякаго уваженія громко сказалъ, что «его господишь и повелитель Девлетъ Гирей (Шигъ-Алей), великій Царь всѣхъ Царствъ и Ханствъ, освѣщаемыхъ лучами солнца, спрашиваетъ Ивана Васильевича, своего подручника и, съ его дозволенія, Великаго Князя всей Россіи, какъ полюбилась ему кара мечомъ, огнемъ и голодомъ, и присылаетъ ему лѣкарство, чтобы перерѣзать себѣ горло,» при чемъ онъ вынулъ дрянной, заржавленный ножъ. Оставивъ посла безъ отвѣта, насильно вывели его изъ палаты, хотѣли отнять у него парчевое платье и шапку, но принуждены были ихъ оставить, по причинѣ упорнаго сопротивленія его и сопровождавшихъ его Крымцевъ. Ихъ опять отвели въ то мѣсто, откуда они были приведены. Царь впасть въ такое изступленіе, что послалъ за своимъ духовникомъ и рвалъ себѣ волосы на головѣ и на бородѣ. Главный Воевода просилъ его приказать изрубить Крымцевъ въ куски, но не получилъ на это отвѣта. Спустя цѣлаго времени (въ теченіи котораго съ посломъ обходились нѣсколько лучше) Царь отослалъ его съ отвѣтомъ: «Скажи бусурману и изувѣру, двоюму господину, что не онъ, но Богъ, покаралъ меня за мои грѣхи и за грѣхи моего народа. Не сомнѣваюсь, что Тотъ, Кто избралъ его, исчадіе сатаны, быть орудіемъ моего наказанія, и даровалъ ему на то случай и возможность, но милосердію и благиости своей, даруетъ мнѣ въ скоромъ времени отмищеніе и едѣлаетъ его моимъ холопомъ!» Посолье отвѣчалъ, что онъ не окажетъ ему услуги передать такой отвѣтъ. По этому Царь вскорѣ потомъ отправилъ посломъ къ Хану Аванасія Федоровича Нагого, умнаго и благороднаго дворянина, который семь лѣтъ былъ задержанъ въ Крыму, терпя многія лишенія и бѣдствія.

Царь не имѣлъ охоты ѣхать въ Москву. Однако же онъ отправилъ изъ всѣхъ городовъ своего Государства лучшихъ купцовъ, ремесленниковъ и промышленниковъ селиться въ Москву, строиться тамъ и привлечь туда торговлю; освободилъ ихъ отъ всякихъ налоговъ и пошлинъ; послалъ семь тысячъ каменщиковъ и работниковъ обнести Москву крѣпкою и красивою каменною стѣной, которая была окончена въ четыре года и уставлена хо-

рошими мѣдными пушками. Мало по малу возстановилъ судебныя и правительственныя мѣста и власти въ томъ порядкѣ и видѣ, какъ было прежде. Самъ же онъ жилъ большею частію въ Вологдѣ, на рѣкѣ Двинѣ, и въ Александровской Слободѣ; часто совѣщался съ Докторомъ Физики, Елисеємъ Бомелиемъ; съ памѣреніемъ, которое вскорѣ откроется, призывалъ изъ Англіи искусныхъ строителей, зодчихъ, плотниковъ, столяровъ, каменщиковъ, ювелировъ, лѣкарей, аптекарей и т. п., выстроилъ каменное казнохранилище; строилъ большія барки и суда, чтобы, въ случаѣ внезапности, перевезти казну въ Соловецкій монастырь, который стоитъ на берегу Сѣвернаго моря, на прямомъ пути въ Англію. Отнимая безо всякой платы, или за малую плату, у своихъ купцовъ товары, онъ вымѣнивалъ ихъ у иностранцевъ на парчи, талеры (dollers), жемчуги, драгоценныя камни и пр., которые бралъ въ свою казну; занималъ огромныя суммы у городовъ и монастырей; истощалъ всѣ ихъ богатства большими налогами и пошлинами, которыми увеличивалъ собственную казну. Все это возбудило противъ Царя такую ненависть, что, видя себя въ отчаянномъ положеніи, онъ прибѣгнулъ къ выдумкѣ, чтобы выйти изъ него. Съ памѣреніемъ уничтожить всѣ обязательства, принятыя имъ на казну, онъ раздѣлилъ города, должности и своихъ подданныхъ на двѣ части: одну назвалъ Земщиной, другую Опричиной; сдѣлалъ Государемъ или Царемъ Казанскаго Царства Симеона,⁹ отказался отъ всѣхъ Царскихъ почестей и отдалъ ему свой вѣнецъ, вѣнчалъ его, но не торжественно и безъ согласія Бояръ; заставилъ своихъ подданныхъ обращаться къ Симеону во всѣхъ дѣлахъ, просьбахъ и тяжбахъ; именемъ Симеона приказалъ отобрать всѣ прежнія привилегіи, грамоты и бумаги, а всѣ новыя выдавать его же именемъ и за его печатью. Такимъ образомъ имя Царя Симеона употреблялось въ судахъ; онъ чеканилъ монету, получалъ пошлины, пенныя деньги и другіе доходы на содержаніе своего дома, чиновниковъ и слугъ, и онъ же сдѣлался отвѣтчикомъ въ долгахъ и въ дѣлахъ, касающихся казначейства. Онъ былъ посаженъ на престолъ; прежній Царь Иванъ Васильевичъ пришелъ бить ему челомъ и приказалъ Митрополитамъ, Епископамъ, Игуменамъ, дворянамъ и чиновникамъ, а также и всѣмъ посланникамъ

⁹ Царь Симеонъ былъ женатъ на дочери Князя Ивана Федоровича Мстиславскаго, родственника царствующаго дома.

воздать ему ту же почесть; нѣкоторые изъ сихъ послѣднихъ отказались это исполнить.

Этимъ способомъ измѣнивъ и низпровергнувъ старый порядокъ, прежній Царь отказался признавать всѣ свои старые долги, и объявилъ уничтоженными всѣ данныя прежде городамъ и монастырямъ жалованныя грамоты и привилегіи. Духовенство, дворянство и земство (commons) увидѣли себя принужденными просить его, чтобы онъ умиловивился и вновь принялъ вѣнецъ и правленіе. Иванъ Васильевичъ согласился, но подѣ многими условіями, которыя были удостовѣрены и утверждены указомъ Думы (by act of Parliament). Онъ былъ освобожденъ отъ всѣхъ прежнихъ долговъ и взысканій и съ великимъ торжествомъ возведенъ вновь на престолъ; при чемъ всѣ сколько нибудь именитые люди поднесли ему безчисленное множество даровъ, составившихъ въ сложности огромное сокровище. Излишне было бы досказывать развязку этой драмы: достаточно сказать, что Царь былъ доволенъ и совершенно возвратилъ себѣ прежнюю свою власть. Удача эта была особенно для него счастлива; ибо если бы выдуманная имъ хитрость продолжалась хотя немного долѣе, онъ могъ бы всего лишиться. Онъ возстановилъ судебную власть, возвратилъ правленіе и грамоты городамъ, монастырямъ, дворянству и кунечеству, но измѣнилъ содержаніе этихъ грамотъ, выговорилъ себѣ новыя пошлины, и тѣмъ увеличилъ свои доходы. Татарское же войско онъ отпраздновалъ, подѣ предводительствомъ своихъ Воеводъ, возвратитъ (какъ онъ говорилъ) подѣ его державу города Ливонскіе, въ послѣднее время завоеванныя Королемъ Стефаномъ (Баторіемъ).

Предложивъ Герцогу Магнусу ¹⁰ вступить въ бракъ съ дочерью своего брата, Князя Андрея, ¹¹ Царь вызвалъ сего послѣд-

¹⁰ Арцы-Магнусъ (Гартигъ Магнусъ) былъ старшій сынъ Голштинскаго Герцога Христіана и родился до избранія своего отца въ Датскіе Короли; братъ Магнуса, Фридрихъ, былъ рожденъ послѣ сего избранія. Возникшія между братьями вражда и междоусобія принудили уступить свое Голштинское Герцогство въ обмѣнъ на островъ Эзелъ и за права Фридриха на Ригу и Ревель, которыя оспаривалъ Шведскій Король Юаннъ, и на многіе другіе города и замки въ Ливоніи, которые были завоеваны Русскимъ Царемъ. Ю. Т.

¹¹ Царь завидовалъ своему брату. Въ то время, какъ Иванъ Васильевичъ тиранствовалъ и былъ ненавидимъ своими подданными, онъ ясно видѣлъ, какъ Князь Андрей умѣлъ заслужить ихъ сердечную любовь.

няго изъ его удѣла, и когда онъ явился въ его присутствіе и палъ къ его ногамъ, поднялъ его и поцѣловалъ. Говорятъ, что Князь Андрей залился слезами и сказалъ ему: «Жестокій братъ! Твой поцѣлуй—лобзаніе Іуды! Не къ добру призвалъ ты меня: исполняй свое намѣреніе! (пресыщайся!)» и съ этими словами вышелъ.

На другой день онъ умеръ, и былъ торжественно похороненъ въ Москвѣ, у Никольскаго креста. Не смотря на то, Царь продолжалъ заботиться о бракѣ своей племянницы, надѣясь тѣмъ пріобрѣсти себѣ новаго союзника (Короля Датскаго). Онъ устроилъ этотъ бракъ, выдалъ свою племянницу, Марію (Люну), за Герцога Магнуса, которому уступилъ за нею въ приданое все свои доходы, города, земли и владѣнія въ Ливоніи, куда назначилъ его правителемъ, наименовалъ его Королемъ (Corcel), далъ ему сто хорошихъ коней, съ хорошей збруей, двѣсти тысячъ рублей (т. е., 600,000 долларовъ), сосуды и блюда, драгоценныя камни и богатая одежда, пожаловалъ всехъ его слугъ и чиновниковъ, и одарилъ ихъ щедрыми наградами, и наконецъ отправилъ Короля и Королеву въ великій Ливонскій городъ, Дерптъ, куда ихъ сопровождало большое число дворянъ и женъ дворянскихъ,¹² которые присутствовали при водвореніи ихъ въ ихъ владѣнія.

Опасаясь слишкомъ много распространиться объ этомъ предметѣ, отлагаю окончаніе этой исторіи до приличнаго мѣста, и буду продолжать повѣствованіе о жизни Царя Ивана Васильевича. Онъ не достигъ своей цѣли—заключить союзъ съ Королемъ Датскимъ и съ Королемъ Шведскимъ; напротивъ, оба сіи Короля объявили ему войну, также какъ и Король Польскій, который отнялъ у него Нарву и осадилъ Псковъ, два изъ главнѣйшихъ торговыхъ городовъ въ этихъ странахъ. Датчане и Шведы также отняли у него часть его владѣній; ибо все трое¹³ оспаривали обладаніе нѣкоторыми землями на сѣверныхъ берегахъ: Вардгусомъ, Колой, Соловками, Варсагой (Varsagae) и пр. Они лишили его торговли и пошлинъ, и объявили намѣреніе не пропускать Англійскихъ купцовъ и препятствовать ихъ рыбной ловлѣ у этихъ береговъ и ихъ торговлѣ съ Россіею у пристани Св. Николая и въ Холмогорахъ.

¹² Поѣздъ состоялъ изъ двухъ тысячъ лошадей.

¹³ Слѣд. и Король Польскій! Ю. Т.

Царь Иванъ Васильевичъ собралъ со всего своего Государства красивѣйшихъ дѣвъ и дочерей своихъ Бояръ и Дворянъ, и выбралъ изъ нихъ супругу для своего старшаго сына, Царевича Ивана. Ее звали Настасьею: она была дочерью Ивана Шереметева, Воеводы, знатнаго происхожденія. Бракъ этотъ сопровождался большими торжествами и празднествами; хотя и стоило бы ихъ рассказать, но они не относятся къ предмету нашего повѣствованія.

Царь жилъ въ безпрестанной опасности отъ ежедневно открываемыхъ имъ измѣнъ и замысловъ на его жизнь, и проводилъ много времени, допрашивая, пытая и предавая казнямъ и смерти тѣхъ изъ благородныхъ Воеводъ и чиновниковъ, которые были уличены въ заговорахъ противъ него. Князь Иванъ Куракинъ былъ обвиненъ въ Венденѣ¹⁴ въ то время, какъ Король Стефанъ осаждалъ этотъ городъ: его, обнаженнаго, положили на телѣгу и засѣкли до смерти на торговой площади шестью проволочными кнутами, которые изрубили его спину, животъ и внутренность. Другой, помнится Иванъ Офросимовъ, конюшій Царскій, былъ повѣшенъ за пятки на висѣлицу. Четыре палача (pallasnicks) сдирали съ него кожу и мясо сверху до низу и рубили ихъ ножами въ мелкіе куски. Одинъ изъ палачей, утомленный долгимъ рѣзаньемъ, воткнулъ свой ножъ немного далеко въ кишки мучимаго, чтобы скорѣе его покончить. Этого палача немедленно отвели въ другое мѣсто казни, отрубили ему провинившуюся руку и, такъ какъ она нехорошо была залѣчена, то онъ умеръ на другой день. Много другихъ было убито ударами въ голову и брошено въ озера и болота около (Александровской) Слободы; тѣлами и костями ихъ кормили свиней, карповъ и другихъ рыбъ, которыя были такъ огромны, что на нихъ видѣнъ былъ одинъ жиръ. Слобода эта рѣшительно была долиной Геенны или Тохета, гдѣ невѣрные Египтяне приносили своихъ дѣтей въ жертву отвратительнымъ чертямъ. Одинъ изъ главныхъ тогдашнихъ временщиковъ, Князь Борисъ Тулуновъ, былъ уличенъ въ измѣнѣ Государю и въ сообществѣ съ недовольными Боярами: его взоткнули на длинный колъ, столь заостренный, что войдя въ низъ тѣла Князя, онъ вышелъ изъ его шеи. Князь Тулуновъ оставался живъ въ теченіи пятнадцати часовъ, терпя ужасныя страданія и разго-

¹⁴ Укрѣпленномъ Ливонскомъ городѣ.

варивая съ Княгиней (duches), своей матерью, которая приведена была смотрѣть на горестное зрѣлище. Она, весьма почтенная Боярыня, за проступокъ подобный (сыновнему), была отдана 100 пищальникамъ, которые, одинъ за другимъ, замучили ее до смерти (defiled her to deathe); ея обнаженное и распухшее тѣло, по повелѣнію Царя, было брошено его псарями на пожраніе голодными псамъ. Видя тѣло ея, разрываемое на клочки, Царь сказалъ: «Кого жалую, тѣхъ содержу въ чести; а кто мнѣ измѣняетъ, тѣмъ вотъ какъ воздаю.» Приверженцы и слуги Князя (Duke) горько оплакали такое несчастіе и столь внезапную перемену судьбы. Много могъ бы я привести подобныхъ примѣровъ строгости и жестокости, оказанной Царемъ надъ тѣми, которые подпали подъ тяжелую его руку и подъ его опалу, но воздержусь изъ боязни оскорбить скромность и Христіанскія чувства моихъ читателей.

Царь наслаждался пролітіемъ крови (купаая свои руки и свое сердце въ крови); главнѣйшее его занятіе состояло въ избрѣтеніи новыхъ мученій, пытокъ и казней для тѣхъ, кто подвергался его гнѣву, или ненависти, въ особенности для тѣхъ изъ его Бояръ, которые были знатнѣе и болѣе любимы его подданными. Симъ послѣднимъ противопоставлялъ онъ величайшихъ негодяевъ изъ числа своихъ Воеводъ и воиновъ, которые пользовались его покровительствомъ и находили въ немъ поддержку. Чрезъ это возникли партіи и возродилась зависть, такъ что ни одинъ изъ желавшихъ его погибели, или сверженія, не смѣлъ довѣрить своихъ намѣреній другому. Царь видѣлъ все это и, понимая, что его положеніе съ каждымъ днемъ становится опаснѣе и отчаяннѣе, онъ расширявалъ нѣкоего Елисея Бомелія ¹⁵ и другихъ о томъ: какихъ лѣтъ была Королева Елисавета? Можетъ ли онъ ожидать успѣха, если будетъ за нея свататься? Хотя имѣя причины сомнѣваться въ успѣхѣ; ибо двѣ его жены еще были въ живыхъ, а также и по тому, что Королева отказала въ сватовствѣ многимъ Королямъ и Государямъ, онъ не терялъ надежды, считая себя выше всѣхъ прочихъ Государей, по личнымъ своимъ достоинствамъ, по мудрости, по величію и по богатству. Съ намѣреніемъ испытать счастья, онъ заточилъ свою послѣднюю су-

¹⁵ Изъ предыдущаго извѣстно, что Елисей Бомелій былъ хитрый обманщикъ; онъ получилъ степенъ Доктора медицины въ Англіи, былъ искусный математикъ и магикъ.

пругу, Царицу, въ монастырь, гдѣ ей суждено было жить, какъ бы умершею для свѣта. И, какъ я у же сказалъ прежде, имѣя съ давняго времени мысль, въ случаѣ крайности, искать вѣрнаго убѣжища въ Англіи, построилъ множество большихъ судовъ, барокъ и лодокъ въ Вологдѣ, и перевезъ большую часть своихъ богатствъ, чтобы тамъ нагрузить ихъ на суда, сплавить внизъ по рѣкѣ Двинѣ, и потомъ въ тайнѣ, на Англійскихъ корабляхъ, перевезти въ Англію, оставивъ на попеченіе своего старшаго сына, Царевича Ивана, правленіе и успокоеніе своего разстроеннаго Государства. Но, дабы оставить своему послѣднику всѣ сокровища и тѣмъ, какъ онъ полагалъ, лучше упрочить его власть, онъ привелъ въ исполненіе давнишнее свое намѣреніе: созвалъ со всего Государства Настоятелей, Архимандритовъ и Игуменовъ лучшихъ, богатѣйшихъ и главнѣйшихъ монастырей и духовныхъ обителей (ихъ было весьма много), и объявилъ имъ, что «имъ самимъ лучше извѣстно то, что онъ намѣренъ имъ сказать. Большая часть его времени, ума, силъ и юности была имъ пожертвована на войны, для ихъ обогащенія и безопасности, для сохраненія и защиты его Царствъ и народа. Имъ болѣе другихъ извѣстны опасности и невзгоды, когорыя онъ испыталъ. Они одни получили чрезъ то пользу. По тому имъ однимъ повѣряеть онъ свои сѣтованія: ибо, истощивъ свои сокровища, онъ увеличилъ ихъ богатства; упрочивъ ихъ безопасность и спокойствіе, онъ пренебрегъ свои и подвергъ себя ежедневной опасности отъ враговъ и злоумышленниковъ, какъ внутри, такъ и внѣ Государства, о чемъ, какъ онъ достовѣрно знаетъ, имъ лишь слишкомъ хорошо извѣстно. Возможно ли ему, или имъ, оставаться долѣе безъ общедной помощи? Готовность ихъ исполнить его требованіе должна быть пробнымъ камнемъ и ручательствомъ ихъ вѣрности; ибо мнимыя молитвы ихъ оказались безуспѣшны, по ихъ ли несчастію, по его ли грѣхамъ, или по грѣхамъ народа, оставляетъ онъ рѣшить всевѣдущему Богу. Нынѣ ожидаетъ онъ отъ ихъ благочестивыхъ помысловъ и дѣяній, что они удѣлятъ ему часть своихъ безсчетныхъ богатствъ. Этой жертвы требуютъ отъ нихъ крайняя нужда и бѣдственное положеніе, въ которыхъ находятся и онъ и его народъ. Принести ее для спасенія ихъ душъ и искушенія ихъ грѣховъ повелѣваютъ имъ души ихъ заступниковъ и жертвователей, Святыхъ Угодниковъ и Чудотворцевъ. Итакъ, да приготовятъ они свои помыслы къ благочестивымъ рѣшеніямъ, не лжемудрствуя и не пытаясь отказать ему!»

Высокіи и областной Соборъ былъ созванъ въ великую Консистоцію Святаго Духа, созванныя же были приведены къ присягѣ въ городѣ Москвѣ. Многіе изъ нихъ опасались, что Царь хочетъ завладѣть всѣми имуществами духовенства. Послѣ долгихъ прѣвій и совѣщаній, они подробно изложили свои разсужденія, какъ видно изъ подлинной челобитной, которую они приготовили для поднесенія Царю. Царь имѣлъ наушниковъ, которые извѣщали его обо всемъ ходѣ этого дѣла. Онъ медлилъ принятіемъ челобитной, а между тѣмъ съ своего престола металъ угрозы, которыя его тайные лазутчики переносили совѣщавшимся. Наконецъ, призвавъ сорокъ знаменитѣйшихъ и значительнѣйшихъ, по своему вліянію, Игумновъ и духовныхъ особъ, онъ сказалъ: ¹⁶ «Намъ извѣстны ваши совѣщанія и ваши рѣшенія: вы—главные между вашими злыми сообщниками. Вы не были тронуты, ваше состраданіе не было возбуждено кроткимъ изложеніемъ худого состоянія и бѣдствій моего народа и худого успѣха моихъ дѣлъ. Какую воздадимъ вамъ награду? Дворянство и народъ вопіютъ, что вы завладѣли всѣмъ богатствомъ Государства, и тѣмъ поддерживаете свою іерархію; что вы вступаєте во всякаго рода торги, захвативъ въ свои руки всѣ промыслы, и одни извлекаете пользу изъ трудовъ всѣхъ прочихъ сословіій; что вы изъяты отъ платежа пошлинъ въ нашу казну и отъ издержекъ во время войнъ; и что, при кончинѣ благороднѣйшихъ, искуснѣйшихъ и лучшихъ изъ нашихъ подданныхъ, вы, страшая ихъ совѣсть, принуждаете ихъ завѣщать вамъ свои имѣнія; что своимъ волшебствомъ, волхованіями и кудесничествомъ, вы, по точному исчисленію, владѣете нынѣ третью всѣхъ городовъ, помѣстій и деревень въ нашемъ Государствѣ. Вы покупаете и продаете души нашего народа. Жизнь ваша проходитъ въ праздности, наслажденіяхъ и роскоши, въ совершеніи самыхъ ужасныхъ грѣховъ, лихоимствѣ, взяточничествѣ и неимовѣрной лихвѣ. Вы предаетесь самымъ смертнымъ и вопіющимъ грѣхамъ—притѣсненію, пресыщенію, праздности, мужеложству и, еще хуже, если есть худшій грѣхъ,—скотоложству. Много намъ отвѣчать предъ Богомъ за то, что мы милуемъ вашу жизнь, тогда какъ столько другихъ, болѣе васъ достойныхъ, за васъ умирають. Богъ да проститъ мое къ вамъ пристрастіе. Не старался ли недавно Папа, настоятельными представленіями своего Нуцція, убѣдить насъ, чтобы мы

¹⁶ Содержаніе рѣчи слишкомъ длинно, чтобы передать ее во всей полнотѣ.

отдали васъ въ его власть, а всѣ ваши должности, преимущества и доходы въ его распоряженіе? Не испрашивала ли много разъ Греческая Церковь чрезъ Патріарха Александрійскаго измѣненія вашей Митрополіи? Да и всякій разъ чувство справедливости побуждало меня уничтожить все ваше сословіе, и тѣмъ возстановить тысячи моихъ дворянъ изъ древнѣйшихъ и бѣднѣйшихъ родовъ, предкамъ коихъ вы обязаны большею частію вашихъ доходовъ и коимъ они, по всей справедливости, принадлежатъ; ибо они пожертвовали своими почестями, своею жизнью и своими имѣніями на ваше обезпеченіе и ваше обогащеніе. Вашею алчностью и дьявольскими искушеніями мой богатый народъ и подданные обѣднѣли, и низпроверженіе такого порядка возстановило бы цвѣтущее положеніе Государства, чему хорошимъ примѣромъ служитъ доблестный Король Англійскій, Генрихъ VIII. Кромѣ хранящихся у васъ сокровищъ, однихъ доходовъ вашихъ болѣе чѣмъ достаточно на вашъ расточительный и роскошный образъ жизни. Отъ того бѣднѣютъ мои саповники и мои слуги, отъ того истощается наша казна, тогда какъ безчисленныя сокровища лежатъ у васъ какъ схороненный талантъ, неупотребляемый на дѣла благочестія. Вы говорите, что не вамъ принадлежатъ они, но Святымъ Угодникамъ и Чудотворцамъ. Тайно вдохновенный духомъ сихъ Святыхъ, заклинаю васъ ихъ именами и душами всѣхъ жертвователей и благодѣтелей вашихъ, и повелѣваю, дабы въ такой-то день вы принесли намъ списокъ всей казны и всѣхъ ежегодныхъ доходовъ, находящихся во владѣніи каждой изъ вашихъ обителей. Если списокъ этотъ не будетъ точенъ и правдивъ, то всѣ вы, карою и праведнымъ наказаніемъ Божиимъ, будете преданы на пожраніе хищнымъ звѣрямъ лѣснымъ: да совершится надъ вами казнь болѣе лютая и болѣе везанная, чѣмъ смерть, постигшая Апанія и Сапфиру за ихъ лжесвидѣтельство. Никакого отлагательства, или извиненія, не будетъ принято. Между тѣмъ мы созовемъ въ Царскую Думу всѣхъ нашихъ Бояръ и Дворянъ, Митрополитовъ, Епископовъ, Настоятелей, Архимандритовъ и Игуменовъ, дабы, въ правотѣ душъ своихъ, они сознали, сколь крайне необходимо и полезно употребить большое количество сокровищъ на защиту нашего Государства нынѣ, когда Король Польскій и Князь Литовскій, Король Шведскій и Король Датскій, заключили союзъ, а наши мятежники вступили въ сношеніе съ сильнымъ войскомъ, которое готовятъ Крымцы; а также дабы они слухомъ и зрѣніемъ были свидѣтелями того, какъ мы исполняемъ нашъ долгъ предъ

Богомъ и его Ангелами, и дабы ихъ именемъ и именемъ бѣдствующаго народа Божія возбудили васъ, имѣющихъ еще нынѣ въ рукахъ своихъ возможность исправить несчастное положеніе этого народа, за который мы принуждены столь усиленно заступаться и молить, и убѣдили бы васъ помочь его нуждамъ, искупить его и спасти.»

Я распространился объ этомъ дѣлѣ; ибо вы видите, съ какой настойчивостью оно было ведено; послѣдующее вознаграждать терпѣніе читателей за эти подробности. Главные Епископы, настоятели и Игумены, весьма огорченные, много разъ собирались и расходились. Они не могли согласиться въ своихъ мнѣніяхъ, выискивали средства къ возстанію и, вмѣстѣ съ недовольными Боярами, придумывали, какъ воспротивиться вооруженною рукою. Но между ними не было главы или начальника довольно мужественнаго, чтобы принять на себя предводительство войскомъ, которое бы могло противустать могуществу власти Царской; при томъ у нихъ не было лошадей и оружія. Царь воспользовался этимъ, и обратилъ ихъ замыслы въ свою выгоду. Онъ объявилъ измѣнниками Настоятелей всѣхъ недовольныхъ обителѣй. Дабы возбудить большую противъ нихъ ненависть, онъ призвалъ и велѣлъ привести 20 изъ главнѣйшихъ, обвинилъ ихъ въ самыхъ злодѣйскихъ и ужасныхъ преступленіяхъ и замыслахъ по такимъ неоспоримымъ и явнымъ уликамъ, что справедливость ихъ была всѣмъ очевидна, всѣми признана и что всѣ вообще сословія народа признавали преступность обвиняемыхъ. Теперь приступаемъ къ забавной развязкѣ, которая вознаградигъ ваше терпѣніе. Въ день Св. Исаіи (9-го Мая?) Царь приказалъ привести въ страшное мѣсто, обнесенное высокою стѣною, своихъ большихъ медвѣдей, дикихъ, лютыхъ и голодныхъ, которые для подобныхъ случаевъ содержались въ темныхъ подвалахъ и клѣткахъ въ великой (Александровской) слободѣ. Потомъ были приведены, одинъ за другимъ около семи главныхъ мятежниковъ, рослыхъ и тучныхъ монаховъ; каждый изъ нихъ имѣлъ въ одной рукѣ крестъ и четки, а въ другой рогатину длиною въ пять футовъ, данную ему для защиты, по особенной Царской милости. Въ слѣдъ за тѣмъ былъ снущенъ дикій медвѣдь, который, разинувъ пасть съ остервенѣніемъ рычалъ на стѣны: крикъ и вой народа еще болѣе разъярялъ его; когда же онъ почувалъ запахъ жирной одежды монаха, то свирѣло кинулся на него, настигъ его и, какъ котъ терзаетъ мышъ, растерзалъ его голову, тѣло, внутренность, ноги

и руки, разорвалъ въ клочки его платье, пока не дошелъ до его мяса, крови и костей. Такимъ образомъ былъ пожранъ первый монахъ; послѣ чего пицальники застрѣлили медвѣдя. Потомъ были по одиначкѣ выведены слѣдующіе монахи, и каждый разъ спущены на нихъ свѣжіе медвѣди, пока всѣ семеро были пожраны подобно первому. Только одинъ монахъ, болѣе другихъ искусный и ловкій, уперъ въ землю конецъ своей рогатины, намотивъ ее въ грудь медвѣдю, который съ разбѣга былъ насквозь ею проткнутъ; раны эти не избавили, однако же, монаха отъ пожранія, и оба они испустили духъ на мѣстѣ. Монахъ этотъ за свое мужество, былъ причисленъ своими братьями Троицкаго монастыря къ лику Святыхъ. Зрѣлище это было не столько пріятно Царю и прочимъ зрителямъ, сколько ужасно и непріятно сборищу Поповъ и монаховъ, которые, какъ я вамъ сказала, были собраны. Еще семеро изъ нихъ были приговорены къ сожженію и пр. Мигрополиты, Епископы, монахи и Попы всѣхъ обитателей, имѣвшіе должности и доходы, пришли съ своими просьбами и челобітьями укротить и остановить дальнѣйшій гнѣвъ и злобу Царя. Они не только съ радостью дозволили духовнику Царскому дать Царю разрѣшеніе, но даже признали, что гнусные монахи, замыслившіе и совершившіе столь гнусныя злодѣйства и преступленія, понесли заслуженную кару за свои вины, и что они уповаютъ, что примѣръ этотъ послужитъ къ исправленію всѣхъ прочихъ лицъ духовнаго званія, отрекшихся отъ свѣта. Означенные Митрополиты, Епископы, Настоятели, Архимандриты, Игумены, Начальники, Казначей и прочіе чины всѣхъ другихъ монастырей мужескихъ и женскихъ и духовныхъ обитателей представили его Царскому Величеству и повергли къ престолу его милосердія правдивый и точный списокъ всѣхъ сокровищъ, денегъ, городовъ, номѣстій и другихъ доходовъ, которые принадлежали разнымъ благочестивымъ и святымъ людямъ и по времени были отданы имъ для храненія и береженія и для содержанія святыхъ обителей и храмовъ на вѣчныя времена. Они подали этотъ списокъ отъ имени всего духовенства и отъ дупъ святыхъ угодниковъ, учредителей своихъ и чудотворцевъ, отъ коихъ они получаютъ свою жизнь и существованіе, находящіяся въ священнѣйшей и милосерднѣйшей волѣ Царя (за коего спасеніе и во всемъ благое споспѣшеніе они возсылаютъ свои усердныя молитвы и прошенія къ Святой Троицѣ). При чемъ они изъявили свою надежду и твердое упованіе, что святая душа Царская, во уваженіе примѣра всѣхъ прежнихъ цар-

ствованій, не допуститъ искаженія и измѣненія прежняго порядка въ его царствованіе, отчетъ въ коемъ, подобно какъ и въ предшествовавшихъ, преидеть предъ святой Троицей. Если же Царь иныхъ мыслей, то они просятъ его, да благоволитъ онъ торжественно освободить ихъ отъ отвѣтственности въ семь дѣлъ предъ будущими поколѣніями.

Все предыдущее я, по крайнему моему разумѣнію, перевелъ, слово въ слово изъ подлинника. Стараніями своими духовенство успѣло избѣгнуть уничтоженія своего сословія; но оно не могло отказать Царю въ настоятельномъ требованіи его 300 тысячъ марокъ стерлинговъ (Англійскихъ); кромѣ этого дара, онъ, своими угрозами, вынудилъ отъ нихъ уступки многихъ округовъ, городовъ, сель, помѣстій и имѣній, раздачею коихъ, если не уничтожилъ, то, по крайней мѣрѣ, утишилъ негодованіе и ненависть своихъ недовольныхъ Бояръ; ибо тѣмъ увеличилъ средства и доставилъ возможность многимъ изъ своихъ довѣренныхъ лицъ, Воеводъ и слугъ лучше служить ему въ исполненія его намѣреній и предположеній. Многіе осуждали и называли преступнымъ такой образъ дѣйствій; но другіе находили его болѣе извинительнымъ и наименѣе опаснымъ изъ всѣхъ поступковъ его тиранства.

Такимъ образомъ успѣвъ собрать неприкосновенную казну для своего сына, безъ уменьшенія собственныхъ своихъ богатствъ, Царь не оставлялъ своего намѣренія относительно Англии. Рѣшеніе его было твердо, казна его была собрана. Но посоль его, Андрей Совинъ (Saphine), не оправдалъ довѣренности, которую Царь оказалъ его уму, и не понялъ темныхъ выраженій изузнатаго наказа, даннаго ему Царемъ, который, по видимому, опасался изложить свое намѣреніе на бумагѣ. Также Г-нъ Дженкинсонъ и Г-нъ Оома Рапдольфъ въ своихъ переговорахъ вопреки его ожиданіямъ не поняли, не сдѣлали и не упомянули желаемаго имъ предложенія. Самъ онъ не успѣлъ сохранить свое намѣреніе довольно въ тайнѣ, и старшій сынъ его, Царевичъ Иванъ, съ любимцами и Боярами, извѣстился о немъ. Замѣтивъ сіе, Царь, дабы удалитъ изъ ихъ умовъ всякое подозрѣніе, женился вновь на пятой женѣ, дочерѣ Федора Нагого, молодой и весьма красивой дѣвицѣ изъ благороднаго и знатнаго рода. Онъ имѣлъ отъ нея третьяго сына, Дмитрія Ивановича. Онъ занялся успокоеніемъ умовъ своихъ недовольныхъ Бояръ и народа, содержалъ въ готовности два войска, съ малыми, впрочемъ, издержками; ибо его Князья и Бояре по большей

части находились на собственномъ содержаніи; простые же дворяне получали ежегодно, какъ въ военное, такъ и въ мирное время, положенное количество земли, зерноваго хлѣба и денегъ. Жалованье это ни сколько не уменьшало Царскихъ доходовъ и Царской казны; ибо производилось изъ особо на то отдѣленныхъ извѣстныхъ доходовъ: пенныхъ, пошлинныхъ и другихъ сборовъ (eschets, robberis and customs). Одно войско состояло большею частію изъ Татаръ и было послано противъ Королей Польскаго и Шведскаго, окружившихъ его со всѣхъ сторонъ въ Ливонской области, завоеваніе коей сопровождалось такими опустошеніями и жестокостями. Другое войско состояло обыкновенно изъ 100 тысячъ всадниковъ (большею частью подданныхъ Царя, за исключеніемъ немногихъ Поляковъ, Шведовъ, Нѣмцевъ¹⁷ и Шотландцевъ). Это войско Царь высылалъ противъ своихъ главныхъ враговъ — Крымскихъ Татаръ, и оно оставалось въ полѣ обыкновенно не долѣе трехъ мѣсяцевъ въ году: Май, Іюнь и Іюль.

Доблестный Король Стефанъ Баторій отнялъ у Царя большую часть городовъ, завоеванныхъ имъ въ Ливоніи; но города эти уже были ограблены Царемъ, богатства ихъ увезены и главнѣйшіе жители отведены въ плѣнъ. Плачевно описаніе жестокостей и тиранства его въ Ливоніи, помѣщенное въ мѣтописяхъ этой страны.¹⁸ Съ другой стороны Воеводы Короля Шведскаго, Іоанна, Воевода Георгъ Фаренсбахъ (Лорентъ Форусбекъ) и Французскій полководецъ Понтъ де ла Гарди (Понтусъ), осадили Нарву съ моря и съ сухого пути, и взяли этотъ лучшій приморскій торговый городъ Царя, равно какъ крѣпкій замокъ Иванъгородъ. При чемъ они не оказали никакихъ жестокостей. Войско Царское, несравненно многочисленнѣйшее, проникло далеко въ предѣлы

¹⁷ Слово въ слово Голландцевъ, Duch.

¹⁸ Эта прекрасная страна теpla млекою и медомъ, изобиловала всѣми прочими удобствами государственнаго благосостоянія, не имѣла ни въ чемъ недостатка. Нѣтъ въ свѣтѣ женщинъ красивѣе, людей пріятнѣе въ бесѣдѣ тамошнихъ жителей. Но они были слишкомъ преданы гордости, роскоши, праздности и удовольствіямъ. За эти грѣхи Богъ покаралъ и расточилъ этотъ народъ: безчисленное множество Ливонцевъ было отведено въ плѣнъ и продано въ неволю въ Персію, въ Татарію, въ Турцію и въ отдаленнѣйшія части Индіи. По особенной милости, мнѣ удалось, за небольшія деньги выкупить многихъ изъ этихъ плѣнниковъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ и дѣтей (въ томъ числѣ многихъ именитыхъ купцовъ) и испросить дозволеніе отправить ихъ, однихъ въ Ливонію, другихъ въ Гамбургъ и въ Любекъ.

Швеціи, произвело много опустошеній и грабежей и увело въ плѣнъ въ отдаленныя части Россіи многихъ Ливонцевъ, Французовъ, Шотландцевъ, Нѣмцевъ (Dutchmen) и нѣсколько Англичанъ. Многихъ изъ нихъ Царь поселилъ особою слободою около Москвы.¹⁹ Имѣя доступъ и связи при Дворѣ, и будучи хорошо извѣстенъ тогдашнимъ главнѣйшимъ временщикамъ и чиновникамъ, и уважаемъ ими, я успѣлъ, посредствомъ стараній и ходатайствъ, испросить этимъ плѣнникамъ дозволеніе построить церковь, въ чемъ и я принялъ большое участіе; я досталъ для нихъ ученаго проповѣдника и доставилъ средства ихъ приходу собираться каждый воскресный день по ихъ Лютеранскому обряду. Вскорѣ они, за свое скромное поведеніе, стали любимы Русскими, но грустили объ утратѣ своихъ имуществъ, своихъ друзей и своего отечества. Въ это время изъ 700 присланныхъ изъ Стокгольма плѣнниковъ оставалось восемьдесятъ пять Шотландцевъ, и въ томъ числѣ три Англичанина: они были въ самомъ несчастномъ и жалкомъ положеніи. Я употребилъ всѣ старанія чтобы помочь имъ, и деньгами и просьбами успѣлъ доставить имъ хорошее помѣщеніе на Болвановкѣ (Болванѣ) близъ Москвы (рѣки?). Не смотря на то, что Царь былъ очень разгнѣванъ на Шведскихъ плѣнниковъ и предалъ многихъ изъ нихъ мукамъ и смерти (зрѣлище это было ужасно!), я успѣлъ довести до его свѣдѣнія, что есть разница между его врагами: Шведами, Поляками и Ливонцами, и плѣнными Шотландцами; что сіи послѣдніе суть иноземцы, уроженцы далекой страны, люди отважные и воинственные, готовые за содержаніе и жалованье служить любому Христіанскому Государю; что они покажутъ себя и докажутъ свою доблесть, если Его Величеству угодно будетъ дать имъ, упавшимъ духомъ, лишеннымъ платья и оружія, жалованье и употребить противъ его смертельнаго врага—Хана Крымскаго. По видимому, моимъ совѣтомъ воспользовались; ибо вскорѣ изъ этихъ иностранцевъ были отобраны лучшіе солдаты и изъ каждаго народа были выбраны отрядные начальники: начальникомъ Шотландцевъ былъ сдѣланъ Яковъ (Джеми) Лингетъ, честный и храбрый человекъ. Имъ дали денегъ, одежду, лошадей, назначили ежедневную дачу мяса и питья, сѣна и овса, вооружили мечами, самопалами²⁰ и пистоле-

¹⁹ Собственно: «Царь поселилъ и распредѣлилъ большое множество ихъ въ городѣ Москвѣ, съ тѣмъ чтобы они жили сами по себѣ, внѣ города.»

²⁰ Въ подлинникѣ рѣсе, т. е., matchlock рѣсе.

тами. Бодрость ихъ возвратилась.²¹ Двѣнадцать сотенъ этихъ людей сдѣлали Крымцамъ больше вреда, чѣмъ 12 тысячъ Русскихъ съ своими короткими луками и стрѣлами. Крымцы, незнакомые съ дѣйствиємъ самопаловъ и пистолетовъ, видя, какъ товарищи, пораженные невидимыми выстрѣлами, падали мертвые съ лошадей, кричали: «Прочь этихъ новыхъ чертей съ ихъ громовыми хлопучками!» Такая выходка очень позабавила Царя. Шотландцамъ даны были пенсіи и земли для поселенія, они пережили на красивыхъ Ливонскихъ женщинахъ и живутъ въ милости у Царя и у народа. Какъ я былъ радъ, что Царь не обратилъ вниманія на немногихъ Англичанъ, попавшихся въ плѣнъ въ числѣ ихъ; ибо это былъ бы удобный случай предать смерти меня, бывшаго столь извѣстнымъ при Дворѣ; въ особенности Царь могъ воспользоваться этимъ предлогомъ, чтобы захватить у Англійскихъ купцовъ ихъ товары, которыхъ въ его Государствѣ было, по крайней мѣрѣ, на 100 тысячъ марокъ стерлинговъ. Что этого можно было ожидать, доказываетъ примѣръ Оомы Гловера, главнаго агента компаніи этихъ купцовъ. Царь²² незадолго передъ тѣмъ продалъ Гловеру за десять тысячъ золотыхъ Угорскихъ червонцевъ Польскую дворянку Басманову, взятую въ плѣнъ въ Полоцкѣ и, не смотря на то, когда Гловеръ подвергся его гнѣву, онъ отнялъ у него на 16 тысячъ фунтовъ (стерлинговъ) сукна, шелка, воска, мѣховъ и другихъ товаровъ и, лишивъ его и его милую жену всего ихъ имущества, выслалъ ихъ изъ своего Государства. Но, умалчивая о многихъ подобныхъ поступкахъ, возвратимся къ настоящему предмету нашего повѣствованія.

Въ то время, какъ Царь ожидалъ изъ Англіи отвѣта на письма, посланныя имъ чрезъ Данила Сильвестра, съ симъ послѣднимъ случилось происшествіе, въ которомъ думали видѣть волю Божію. Прибывъ съ письмами Королевы въ пристань Св. Николая, Сильвестръ переѣхалъ въ Холмогоры и заказалъ себѣ платье, чтобы, въ слѣдъ за тѣмъ, отправиться къ Царю съ этими письмами и сообщить ему наказъ, полученный имъ отъ Королевы. Находясь въ верхнемъ покоѣ своей квартиры, въ домѣ Англійской конторы,

²¹ Въ подлинникѣ: «изъ жалкихъ голяковъ они сдѣлались веселыми.»

²² Въ подлинникѣ Король (King), но очевидно не Стефанъ Баторій продавалъ своихъ подданныхъ; при томъ Горсей иногда называетъ Царя Королемъ, хотя обыкновенно даетъ ему титулъ Императора (Emperowr).

онъ примѣрялъ новый желтый атласный жупанъ (jacket or jerone); едва портной успѣлъ сойти внизъ по лѣстницѣ, какъ громовая стрѣла ударила въ Сильвестра и положила его мертвымъ на мѣстѣ: она упала въ внутренность воротника его новой одежды, разорвала ее и вышла изъ его праваго бока, не оставивъ никакихъ другихъ наружныхъ знаковъ. Молнія убила также возлѣ него его мальчика и его собаку, и сожгла его шкатулку, письма и домъ. Все это сдѣлалось въ одно мгновеніе. Когда Царь услышалъ объ этомъ, онъ былъ очень испуганъ и сказалъ: «Да будетъ воля Божія!» однако же весьма разгнѣвался и пришелъ въ большое отчаяніе. Враги его, Поляки, Шведы и Крымцы, съ трехъ сторонъ воевали его Государство; Король Стефанъ Баторій грозился скорѣ посѣтить его въ его столицѣ, Москвѣ. Въ слѣдствіе сего Царь дѣлалъ приготовленіе, опасаясь только что не будетъ имѣть достаточно пороха, селитры, свинца и сѣры, и, такъ какъ Нарва была для него занерта, то не зная, откуда, кромѣ какъ изъ Англій, достать эти припасы. Затрудненіе состояло въ томъ, какъ доставить его письма къ Королевѣ; ибо Государство его было со всѣхъ сторонъ окружено (непріятелями) и всѣ выходы изъ него заперты. Онъ послалъ за мной и сказалъ мнѣ, что такъ какъ я свободно изъясняюсь по Русски, по Польски и по Голландски,²³ онъ хочетъ послать меня къ Ея Величеству, Королевѣ Англійской, съ почетнымъ, важнымъ и тайнымъ порученіемъ. Потомъ разспрашивалъ меня о разныхъ предметахъ; мои скорые отвѣты ему понравились. Онъ спросилъ меня: видѣлъ ли я его большіе корабли и суда, которые строятся въ Вологдѣ. Я отвѣчалъ, что видѣлъ. «Какой измѣнникъ показалъ ихъ тебѣ?»—«Я такъ много слышалъ о нихъ, что въ одинъ праздничный день, когда толпы народа шли смотрѣть ихъ, я съ тысячами другихъ пошелъ полюбоваться ихъ необыкновенною красотою, величиною и странною паружно-

²³ Употребленное въ подлинникѣ слово Dutch въ этомъ случаѣ, вѣроятно, значить Голландскій языкъ, которому Горсей могъ выучиться въ бытность свою въ Нидерландахъ. Но выше Горсей называетъ Нѣмцевъ Duch, Dutchmen, говоря о наемномъ войскѣ Царя, и о плѣнныхъ иностранцахъ, взятыхъ въ Шведскомъ походѣ; ибо Нѣмецкій обычай заниматься въ сухопутныя иноземныя войска никогда, кажется, не проникалъ въ Голландію. Баусъ (Bauw, см. Nakluyt I, 520) точно также называетъ Бомеля «a Duchman,» очевидно разумѣя подъ этимъ словомъ Нѣмца, а не Голландца; ибо Бомелій былъ уроженцемъ Вестфальскимъ. Ю. Т.

стію.»—«Что разумѣешь ты этими словами: странною наружностью?»—«Я сказалъ это въ отношеніи изображеній львовъ, драконовъ, орловъ, слоновъ (oliphants) и единороговъ, которые такъ живо представлены и такъ богато украшены золотомъ, серебромъ и чудными красками и пр.»—«Смѣтливый малый! Хвалить искусство своихъ соотечественниковъ,» сказалъ Царь стоявшему возлѣ него любимцу. «Это правда: видно ты хорошо ихъ разглядѣлъ. Сколько ихъ?»—«Кажется, Ваше Величество, я видѣлъ только 20.»—«Ты скоро увидишь ихъ сорокъ—не менѣе. Я доволенъ тобою. Ты можешь, не сомнѣваясь, рассказать объ этомъ въ чужихъ краяхъ. Но ты еще болѣе любовался бы этими кораблями, если бы зналъ неоцѣненные сокровища, которыми они будутъ украшены внутри. Говорятъ, что твоя Королева, сестра моя, имѣетъ лучшей флотъ въ свѣтѣ?»—«Это справедливо, Ваше Величество.»—«За чѣмъ же ты утаилъ это отъ меня?»—«Ея корабли отличаются своею величиною и силою, съ которою они разбиваютъ и перерѣзываютъ волны въ Великомъ Океанѣ и въ бурныхъ моряхъ.»—«Какой они наружности?»—«Они искусно построены, имѣютъ острый киль, а не плоское дно; бока ихъ такъ толсты, что пушечное ядро едва можетъ ихъ пробить.»—«Что еще?»—«На каждомъ кораблѣ есть пупки и сорокъ мѣдныхъ орудій большого калибра, ядра, мушкеты, порохъ, цѣнные ядра, конья и вооруженія для защиты, зажигательныя ракеты, пилерсы (stancions) на случай сраженія. Экипажъ состоитъ изъ тысячи моряковъ и вооруженныхъ солдатъ, съ Капитанами и всякими начальниками для управленія кораблемъ; между ними соблюдается подчиненность и для нихъ ежедневно отправляется богослуженіе. Корабли въ изобиліи снабжены припасами, необходимыми для ихъ пищи, пивомъ, хлѣбомъ, говядиной, рыбой, ветчиной, горохомъ, масломъ, сыромъ, уксусомъ, овсяной мукой, водкой, дровами, водою и проч. Кромѣ того на корабляхъ есть якоря, снасти, такелажъ, мачты, пять, или шесть, большихъ (запасныхъ?) парусовъ, вымпелы, флаги, драгоценныя шелковыя хоругви, украшенныя Королевинымъ гербомъ, который содержится въ почетѣ у кораблей всѣхъ прочихъ Королей; ²⁴ также барабаны, трубы, бубны, свистки и другіе инструменты воинской музыки, назначенные для вызова непріятели. Съ этими кораблями можно нападать на самые крѣпкіе приморскіе

²⁴ «Предъ которыми преклоняются и кланяются корабли прочихъ Королей.»

города и замки и разрушать ихъ. Они ужасны на войнѣ и весьма способны для поданія помощи союзникамъ Ея Величества, для охраненія ихъ и для ихъ защиты. Таковы, Благороднѣйшій Государь, устройство, наружность и видъ каждаго изъ побѣдоносныхъ кораблей Королевскаго флота Ея Величества.»

Мнѣ удалось передать содержаніе этой рѣчи свободно и съ одушевленіемъ; ибо въ продолженіе ея Царь часто обращалъ свою голову и свои глаза въ сторону къ слушателямъ, стоявшимъ возлѣ, не изъявляя, однако же, ни особеннаго одобренія, ни большаго изумленія. «Сколько у твоей Королевы такихъ кораблей, какъ ты описываешь?»—«Сорокъ, Ваше Величество.»—«Хорошій Королевскій флотъ, какъ ты его называешь.»—«На немъ можно перевезти къ союзнику 40 тысячъ войска.» Послѣ сего Царь велѣлъ мнѣ готовиться къ отъѣзду, хранить молчаніе, быть скромнымъ, и ежедневно навѣдываться, пока все не будетъ готово для моего отправленія: приказалъ своему Дьяку (Тайному Секретарю), Елизару Вылузгину, отобрать отъ меня письменно все, сказанное мною о флотѣ Королевы. Я подарилъ ему, ²⁵ искусно сдѣланное и разрисованное, изображеніе корабля на всѣхъ парусахъ, съ распущенными вымпелами и флагами, съ раззолоченными пушками, въ полной готовности къ сраженію. Изображеніе это было сдѣлано и подарено мнѣ Любецкимъ и Лондонскимъ (купцомъ), Г. Иваномъ Чапеллемъ (John Chappel).

Въ это время Царь былъ очень занятъ розысками о важныхъ замыслахъ противъ него и предательскихъ поступкахъ Елисея Бомелія, Епископа Новгородскаго и нѣкоторыхъ другихъ. Злые умыслы ихъ были открыты ихъ слугами. Они были преданы пыткѣ и (найлены) были письма, писанныя (ими) тайнописью по Латыни и по Гречески, и посланныя тремя разными путями къ Королямъ Польскому и Шведскому. Епископъ, при допросѣ, во всемъ сознался. Бомелій заперся во всемъ, надѣясь, что это ему удастся, такъ какъ при его пыткѣ Царь назначилъ находиться, вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, Царевичемъ Иваномъ, нѣкоторымъ изъ своихъ приближенныхъ любимцевъ, ²⁶ которые, какъ предполагали, были сообщниками Бомелія. Бомелію на пы-

²⁵ Вѣроятно Вылузгину, а не Царю. Ю. Т.

²⁶ «Favoretts neare about the kinge.» Горсей вновь называетъ здѣсь Царя Королемъ.

къ выдернули руки изъ суставовъ, вытянули ноги изъ поясицы и изрѣзали спину и все тѣло ударами проволочныхъ кнотовъ. Онъ признался во многомъ, чего не было въ письмахъ, и чего нельзя было желать, чтобы Царь зналъ. Снятый съ пытки, Бомелій былъ привязанъ къ деревянному шесту, въ родѣ вертела; его окровавленная изрѣзанная спина и все тѣло были жарены и налимь огнемъ до тѣхъ поръ, пока въ немъ, по видимому, не осталось жизни; тогда его бросили на салазки и повезли черезъ Кремль (castell). Въ числѣ многихъ другихъ, я пробрался (сквозь толпу), чтобы его видѣть. Онъ поднялъ глаза, произнося имя Христова. Его бросили въ темницу, гдѣ онъ и умеръ. При жизни онъ пользовался большою милостію Царской и жилъ въ пышности. Искусный математикъ, онъ былъ злой человѣкъ и причина многихъ злодѣйствъ. Большая часть Бояръ была рада его казни; ибо онъ многое зналъ отъ нихъ. Хотя воспитанный въ Кембриджѣ, онъ родился въ Везелѣ, въ Вестфалии, и черезъ Англію переслалъ туда изъ Россіи большія богатства. Онъ былъ всегда врагомъ Англичанъ. Обманувъ Царя, увѣривъ его, что Королева Англійская молода и что Царю очень возможно на ней жениться, въ чемъ Царь разубѣдился; но онъ слышалъ, что въ числѣ своихъ придворныхъ Королева имѣетъ молодую дѣвицу, Королевскаго рода, по имени Леди Марію Гастингсъ; о ней мы будемъ говорить пространнѣе въ послѣдствіи.

Епископъ Новгородскій былъ уличенъ въ измѣнѣ, въ томъ, что чеканилъ деньги и пересылалъ ихъ, вмѣстѣ съ другими сокровищами, къ Королямъ Польскому и Шведскому, что предавался чревоугодію, содержалъ чародѣекъ, мальчиковъ и скотовъ, и во многихъ другихъ ужасныхъ преступленіяхъ. Всѣ его имѣнія, лошади, деньги и сокровища, (а ихъ было много), были отобраны въ Царскую казну; самъ онъ былъ осужденъ на вѣчное заточеніе: онъ содержался на хлѣбѣ и на водѣ въ подвалѣ съ оковами на шеѣ (головѣ) и на ногахъ; онъ занимался писаніемъ картинъ и образовъ, и дѣланіемъ гребней и сѣделъ. Одиннадцать его слугъ, участвовавшихъ въ его замыслахъ, были повѣшены на воротахъ его Московскаго подворья (дворца), а его женщины чародѣйки были постыдно розняты по членамъ (dismembered) и сожжены. Царь употребилъ всѣ старанія, чтобы открыть всѣхъ сообщниковъ этого заговора, и окончилъ это дѣло увѣщаніями.

Въ это время онъ объявилъ, что такъ какъ его старшій сынъ

не имѣть дѣтей, то онъ намѣренъ женить своего втораго сына, Царевича Θεодора. Хотя обстоятельство это было особенно важно и требовало совѣщанія съ Болрами и Духовенствомъ, по тому что Царевичъ былъ простъ умомъ, однако же Царь сдѣлалъ все, какъ ему было угодно. Когда Бояре и духовенство были собраны, онъ не могъ не высказать своего гнѣва противъ ихъ измѣнническихъ замысловъ: «О невѣрные и вѣроломные слуги! Сей день двойнѣ замѣчательнѣе, ²⁷ какъ праздникъ Вознесенія Спасителя, и какъ годовщина приспомятнотной погибели столькихъ сотенъ тысячъ невинныхъ; ²⁸ имена ихъ яркими письменами обличаютъ предъ цѣлымъ свѣтомъ вашу измѣну, жертвами коей они погибли. Что можетъ дать понятіе потомству о печали и о бѣдствіи этого дня? ²⁹ Можетъ ли забвеніе изгладить это постыдное пятно уничтоженія и гнуснаго злодѣйства? Какой огонь истребитъ воспоминаніе объ этихъ пагубныхъ и невинныхъ предательствахъ, измѣнахъ, заговорахъ и проч.» Въ теченіи трехъ часовъ онъ разглагольствовалъ въ такомъ духѣ объ этомъ предметѣ; говорилъ краснорѣчиво и сильно, приспособляясь къ ихъ языку и напыщенному способу выраженія; указывалъ между присутствующими на многихъ сообщниковъ послѣдняго заговора; угрожалъ имъ повергнуть весь народъ въ бѣдность, въ безславіе и въ злополучіе на укоризну всѣмъ прочимъ народамъ: «Враги готовы истребить насъ; Богъ и силы небесныя возстали на насъ; то свидѣлствуютъ неурожай и гладь, ниспосланныя Богомъ послѣ того, какъ никакія, его осужденія, испытанія и кары не побудили васъ покаяться и исправиться.» Подлинная рѣчь слишкомъ длинна, чтобы передать ее вполнѣ. Немного было отвѣчено Царю, еще менѣе было сдѣлано дѣла на этомъ собраніи; всѣ поверглись предъ его священнѣйшимъ величествомъ и предали себя его милосердію, желая да благословитъ его Богъ въ его благочестивомъ намѣреніи женить своего благороднаго сына, Царевича Θεодора. Царь выбралъ ему прекрасную молодую дѣвицу, по имени Ирину; ³⁰ она была до-

²⁷ «Двойнѣ долженъ быть празднуемъ.»

²⁸ Москва была сожжена Крымскимъ Ханомъ, Девлетъ-Гиреемъ, въ самый день Вознесенія Господня, 24 Мая, 1571.

²⁹ «Какой уголь можетъ означить потомству этотъ печальный и бѣдственный день?»

³⁰ Горсей въ выносѣ прибавляетъ: «the nuptial rights hindred as bewitched,»

черью Федора Ивановича Годунова. Затѣмъ послѣ торжественныхъ и великихъ празднествъ и пиршествъ царь отпустилъ всѣхъ сихъ бояръ и духовенство уже болѣе милостиво, напутствуя ихъ добрымъ словомъ, что истолковано было всѣми, какъ знакъ царскаго прощенія и взаимнаго примиренія.

Когда царскіе грамоты и наказъ были изготовлены, то онъ самъ (царь?) и думный дьякъ, Савелій Фроловъ, спрятали ихъ въ двойномъ днѣ деревянной баклажки съ водкой, цѣною не болѣе 3 пенсовъ, ее надлежало мнѣ скрыть подъ гривую моей лошади; выдали мнѣ также 400 венгерскихъ червонцевъ, я зашилъ ихъ въ сапоги и старое платье.— „Тебѣ придется проѣзжать черезъ земли моихъ недруговъ“, сказала мнѣ царь; „ты можешь попасться въ ихъ руки, и отъ тебя могутъ выпытать то, что я желаю оставить скрытымъ. Поэтому я не сообщилъ тебѣ нѣкоторыхъ моихъ наказовъ: они спрятаны въ двойномъ днѣ баклажки съ водкой. Когда ты пріѣдешь въ безопасное мѣсто, можешь ее вскрыть и узнаешь, что долженъ говорить моей любезной сестрѣ Елизаветѣ. Оставайся вѣренъ и преданъ мнѣ и будешь награжденъ моею милостію и пожалованъ мною“. Я палъ ницъ, положилъ голову на его ногу и съ тяжелой грустью на сердцѣ представилъ себѣ очевидныя и неизбѣжныя опасности, которымъ подвергался.

Путешествуя въ саняхъ, я проѣхалъ въ первую же ночь 60 миль и прибылъ со своими 20 слугами и приставленнымъ ко мнѣ знатнымъ дворяниномъ въ Тверь, гдѣ насъ ожидали свѣжія лошади и свѣстные припасы; такимъ же образомъ ѣхали мы далѣе до Новгорода, Пскова и Нейгаузена, сдѣлавъ 600 м. въ 3 дни. На границѣ Лифляндіи мой дворянинъ и мои слуги откланялись мнѣ, при чемъ попросили дать имъ какое-либо доказательство того, что они благополучно проводили меня до нея; я приказалъ имъ скорѣе ѣхать домой, ибо опасался, что непріятель, окружавшій насъ, могъ захватить ихъ и тѣмъ помѣшать мнѣ успѣшно выполнить возложенное на меня порученіе.

Меня же часовой отвелъ къ штатгальтеру или начальнику замка. Сей послѣдній съ помощникомъ своимъ строго допросили и тщательно обыскали меня; они не могли не подозрѣвать меня, ибо я прибылъ изъ страны ихъ недруга. Я сказалъ, что я радъ, что попалъ къ нимъ въ руки изъ долины плача—Московской земли и предложилъ имъ небольшой выкупъ. Посовѣтовавшись другъ съ другомъ, они смилостивились надо мной и на третій день дали мнѣ проводника, и позволили продолжать мой путь.

При прощаніи моя стража и мои прислужники ждали, что я награжу ихъ, но состояніе моего кошелька не соотвѣтствовало моей готовности исполнить ихъ желаніе, и я попросилъ ихъ извинить меня. Черезъ три дня опаснаго проѣзда по сушѣ и замерзшимъ озерамъ и проливу я прибылъ на Эзелъ въ Лифляндіи (?), обширный и пространный островъ Датскаго короля. Здѣсь меня снова задержали нахалы солдаты, они обходились со мной очень грубо, и отвели въ Соден-бургъ, а оттуда

въ Аренбургъ, главный городъ и замокъ той области; привели и передали начальнику онаго, большому, пожилому, суровому человѣку. Въ ожиданіи допроса меня зорко стерегли, какъ захваченнаго лазутчика; въ помѣщеніи моемъ змѣи (snakes) ползали по столу и по моей кровати, куры и другія домашныя птицы клевали ихъ на полу и въ молочныхъ горшкахъ; такова была грязь; странно мнѣ было видѣть это, однако же я мало обращалъ на то вниманія, ибо страшился того, что со мною будетъ. Наконецъ пришло время, и меня вызвали къ правителю, весьма важному вельможѣ, бывшему въ большой милости у короля и всѣмъ управлявшему. Солдаты стояли вокругъ него съ мечами и алебардами (бердышами), онъ самъ допросилъ меня; вопросы были многочисленны. Правда я былъ подданнымъ королевы Англійской, находившейся въ мирѣ и дружбѣ со всѣми христіанскими государями, особливо же съ его величествомъ, королемъ Датскимъ, но обстоятельство сіе не могло помочь мнѣ: мы прежде всего были союзниками Московита противъ всего христіанства. На вопросъ его о моемъ имени и званіи, я заранѣе придумалъ ему отвѣтъ. Снова отдали меня подъ стражу и отвели въ прежнее помѣщеніе.

Тогда, отпустивъ свою многочисленную свиту, правитель прислалъ за мной своего сына, истинно благовоспитаннаго дворянина, и, держа въ рукѣ какое-то письмо, снова спросилъ, какъ меня зовутъ. Я сказалъ: „я получилъ нѣсколько писемъ отъ моихъ друзей и одно недавно отъ моей дочери, находящейся, какъ и они, въ плѣну у Московскаго царя. Она пишетъ, что одинъ англичанинъ, онъ носитъ одинаковое съ Вами имя и ведетъ при томъ дворѣ переговоры отъ имени королевы Англійской, высказалъ ей истинно христіанское участіе и оказалъ много услугъ“. „Не зовутъ ли Вашу дочь Мадаленой фон-Иксуль?“ „Такъ именно, сэръ“, отвѣчаетъ онъ.—„Я тотъ, о комъ она пишетъ. Я хорошо знаю ее; десять дней тому назадъ она была здорова“.—„О, сэръ, вѣдь это моя дорогая, любезная дочь. Я еще не могъ выкупить ее, хотя его величество, король Датскій, и писалъ уже о ней“. И онъ съ плачемъ обнялъ меня, а за нимъ и сынъ его. „Ангелы Божіи привели васъ ко мнѣ, хотя положеніе ваше здѣсь и не лучше ея, дабы я могъ воздать Вамъ благодарностью и услугами за то доброжелательство и участіе, которые вы выказывали ко мнѣ и моимъ близкимъ. Вѣсть о вашихъ заслугахъ и вашей добротѣ дошла и до нашего острова, располагайте же всѣмъ, что есть на немъ“. Повидимому, онъ былъ весьма обрадованъ нашей встрѣчей, я же, не менѣе его, радовался своей удачѣ. Онъ велѣлъ перевести меня въ удобное помѣщеніе, сынъ же его на слѣдующій день показалъ мнѣ его конюшни, вооруженіе, боевые припасы и книгохранилище. Онъ также созвалъ своихъ друзей и угощалъ меня, подарилъ хорошіе нѣмецкіе часы и затѣмъ послѣ разнаго рода празднествъ снабдилъ меня на дорогу письмами и охранными листами и велѣлъ своему сыну и своимъ слугамъ проводить меня до безопаснаго мѣста; отпуская же меня, со слезами молилъ не оставлять его дочери.

Я спѣшно продолжалъ мой путь дальше. Вскорѣ повстрѣчался мнѣ одинъ знакомый домхеръ, значительное лицо въ Лифляндія; онъ узналъ меня, хотя и дивился, видя мое такое жалкое положеніе; онъ открылъ людямъ, сопровождавшимъ его, мое званіе. Сіе послѣднее могло повредить мнѣ, особенно же опасался я за мою баклажку съ водкой, которую днемъ я подвязывалъ подъ свой кафтанъ, а ночью клалъ подъ изголовье. Благополучно избѣжавъ, какъ мнѣ думалось, всѣ опасности, я прибылъ въ Пильтень, гдѣ засталъ короля Магнуса, о которомъ Вы уже раше слышали. Онъ грубо обошелся со мной, по той причинѣ, что я не могъ пить безъ мѣры. Приданое, взятое имъ за племянницей царя, какъ-то: города, замки, лошади, драгоценные камни, сосуды и блюда, деньги, онъ растратилъ и роздалъ своимъ приспѣшникамъ и пріемнымъ дочерямъ; вскорѣ послѣ того онъ умеръ плачевной смертью, оставивъ жену и единственную дочь въ большой бѣдности.

Оттуда черезъ Курляндію, Пруссію, Кенигсбергъ, Эльбингъ, Данцигъ въ Польшѣ, Померанію и Мекленбургъ я прибылъ въ имперскій городъ Любекъ, гдѣ меня знали и оказали мнѣ чрезвычайно радушный и почетный пріемъ. Къ тому времени положеніе мое улучшилось, у меня уже было 4—5 слугъ изъ англичанъ и нѣмцевъ, нанятыхъ мною въ Эльбингъ и Данцигъ. Бургомистръ и сановники города прислали мнѣ въ подарокъ рыбу, мясо и вина разныхъ сортовъ, при чемъ ихъ чиновникъ произнесъ длинное привѣтствіе съ перечнемъ всѣхъ услугъ, оказанныхъ мною имъ и ихъ близкимъ. На слѣдующій же день нѣкоторые изъ значительныхъ купцовъ и ихъ друзей ¹⁾ пришли ко мнѣ, дабы выразить мнѣ ихъ благодарность и признательность и поднесли прекрасный серебряный вызолоченный кубокъ съ крышкою, наполненный рейхсталерами и червонцами. Я поблагодарилъ за кубокъ, но золото и серебро высыпалъ и отдалъ назадъ, выказавъ этимъ болѣе щедрости, чѣмъ разсудительности. Они принесли ко мнѣ ихъ городскую книгу и просили меня вписать въ нее мое имя, мѣсто рожденія и пребыванія на память имъ и ихъ потомству.

Когда я пріѣхалъ въ Гамбургъ, разстояніемъ всего въ десяти миляхъ отъ Любека, Гамбургскіе жители уже знали о томъ, какъ я былъ принятъ въ Любекъ, и тѣ, которые также были освобождены мною изъ (Московскаго) плѣна, пришли меня благодарить и засвидѣтельствовать мнѣ свое дружеское воспоминаніе. Бургомистръ и совѣтники (ратсхеры) праздновали мой пріѣздъ.—Прошу меня извинить если, излагая личныя мои воспоминанія, я отдалился отъ предмета моего разсужденія, съ которымъ впрочемъ они имѣютъ нѣкоторую связь.

Пріѣхавъ изъ Гамбурга въ Англію я открылъ свою баклагу, вынулъ изъ нея письма и наказъ царя и сколько могъ надушилъ ихъ; не смотра на то, когда я вручилъ ихъ королевѣ, ея величество замѣтила

¹⁾ „Которымъ я помогъ выкупиться изъ московскаго плѣна, нежалѣя хлопотъ и кошелька“.

запахъ водки; я объяснилъ причину этого къ большому удовольствію ея величества. Я имѣлъ три или четыре отдѣльныя аудіенціи и говорилъ съ нею; чѣмъ особенно обязанъ посредству лорда казначея ¹⁾ и сэра Франциска Уэльшингема ²⁾, а также милостивому покровительству лорда Лестера ³⁾, главнѣйше же дружбѣ и покровительству сэра Эдуарда Горсея ⁴⁾, моего искренняго, благороднаго и добраго друга и родственника. Общество торгующихъ съ Московіей сдѣлало мнѣ хорошій пріемъ и подарки; но, по приказанію ея величества я долженъ былъ сообщить его членамъ только то, что царь написалъ въ своемъ наказѣ, а ни подъ какимъ видомъ не давать имъ знать о прочихъ тайныхъ порученіяхъ. При отпускѣ меня ея величество приказала зачислить меня въ число своихъ тѣлохранителей ⁵⁾, пожаловала мнѣ свой портретъ, и допустила къ своей рукѣ.

Я выѣхалъ изъ Англій въ сопровожденіи 13 большихъ кораблей. Близъ Сѣвернаго мыса (Нордкапа) я встрѣтился съ кораблями Датскаго короля, вступилъ съ ними въ бой и разбилъ ихъ. Пріѣхавъ въ пристань св. Николая, я отправился черезъ Вагу въ Александровскую слободу, гдѣ вручилъ царю письма королевы и сообщилъ ему тайное ея порученіе. Царь похвалилъ меня за поспѣшность и за исполненіе его порученія; далъ мнѣ свое жалованье и обѣщаль наградить меня своею большою милостью по пріѣздѣ въ Москву. Взялъ туда въ свою казну всѣ (привезенныя мною) товары: мѣдь, свинець, порохъ, селитру, сѣру и друг., всего цѣною на 9000 фунтовъ (стерлинговъ) и заплатилъ за нихъ чистыми деньгами.

Его величество переѣхалъ въ Москву, объявилъ свою опалу нѣсколькимъ тамошнимъ боярамъ и начальникамъ. Онъ послалъ одного изъ своихъ угодниковъ съ 200 пищальниками обогать ближайшаго нашего сосѣда Никиту Романовича (Юрьева), брата доброй царицы Настасьи, первой супруги царя. У него отняли все его оружіе, всѣхъ лошадей, всѣ блюда и все имущество, цѣною на 40 тысячъ рублей; онъ былъ лишенъ своихъ помѣстій и оставленъ въ такой бѣдности и въ такомъ недостаткѣ, что принужденъ былъ на другой день послать въ Англійскую контору просить вспомоствованія и грубой бумажной ткани на платье себѣ и своимъ дѣтямъ. Другое орудіе зла—Семена Нагого царь послалъ ограбить нѣкоего Андрея Щелкалова, важнаго чиновника и большого взяточника, который прогналъ отъ себя свою молодую прекрасную жену, развелся съ нею, изрѣзалъ и изрубилъ ея обнаженную

¹⁾ Sir William Cecil, lord Burleigh.

²⁾ Sir Francis Walsingham, Государственный секретарь и членъ тайнаго Совѣта.

³⁾ Robert Dudley, lord of Denbigh, earl of Leicester, master of the horse and knight of the Garter.

⁴⁾ Дядя сочинителя (родной братъ его отца) и губернаторъ острова Уайта. Ю. Т.

⁵⁾ Съ этою должностію были сопряжены титулъ *кавалера* и званіе *сэръ* передъ именемъ. Ю. Т.

шею (back, спину?) своимъ мечомъ. Нагой убилъ его вѣрнаго слугу Ивана Латыша (Lothsh?) и истязаніями вынудилъ Андрея Шелкалова заплатить пять тысячъ рублей деньгами ¹⁾. Въ это же время царь разгнѣвался на приведенныхъ изъ Нарвы и Дерпта Нѣмецкихъ или Ливонскихъ купцовъ и почетныхъ дворянъ, которыхъ онъ поселилъ подъ Москвою съ ихъ женами, дѣтьми и семействами и которымъ позволилъ имѣть тамъ свою церковь и исповѣдывать свою вѣру. Онъ ночью послалъ тысячу пищальниковъ предать ихъ (слободу) грабежу и расхищенію; съ нихъ сорвали одежды, неистово растлили и обезчестили всѣхъ женщинъ, старыхъ и молодыхъ безъ разбора и увлекли съ собою самыхъ юныхъ и красивыхъ дѣвъ на удовлетвореніе преступныхъ похотей. Нѣкоторые (изъ этихъ Ливонцевъ) спаслись (бѣгствомъ) и пришли въ Англійскую контору, гдѣ, съ опасеніемъ гнѣва (царскаго), ихъ одѣли, дали имъ убѣжище и вспоможеніе. Богу не угодно было оставить эти неистовства и жестокости безъ наказанія. Вскорѣ потомъ царь разсвирѣпѣлъ на своего старшаго сына царевича Ивана, который оказалъ нѣкоторое состраданіе къ этимъ бѣднымъ злополучнымъ христіанамъ и безъ царскаго дозволенія велѣлъ одному чиновнику дать пропускъ на 5 или на 6 ямскихъ лошадей какому то дворянину, посланному по его дѣлу. Кромѣ того царь думалъ имѣть другія причины негодовать на царевича за его вліяніе и за слишкомъ хорошее о немъ мнѣніе народа. Въ (порывѣ) ярости онъ кинулъ въ него свой заостренный жезль ²⁾; царевичъ не выдержалъ удара; заболѣлъ горячкою и умеръ черезъ три дня. Царь въ изступленіи рвалъ себѣ волосы и бороду, плача и скорбя о потери сына. Но главную потерю понесло государство, которое утратило надежду своего утѣшенія, лишившись умнаго, тихаго и достойнаго царевича, соединявшаго съ геройскимъ духомъ красивую наружность, имѣвшаго 23 года отъ роду, любимаго и оплаканнаго всѣми. Его похоронили въ церкви св. Михаила Архангела, вмѣстѣ съ его тѣломъ въ его могилу положили на 50 тысячъ фунтовъ (стерлинговъ) драгоценныхъ украшеній, камней и жемчуговъ, которые были принесены въ даръ Св. Іоанну и Михаилу Архангелу. Каждую ночь смѣна двѣнадцати гражданъ охраняла его тѣло и эти сокровища.

Царь болѣе чѣмъ когда нибудь заботился объ отправленіи въ Англию (посольства) для переговоровъ о давно задуманномъ бракѣ. Онъ поручилъ нѣкоему Ѳедору Писемскому, благородному, важному, умному и довѣренному дворянину совѣщаться съ королевой и просить у нея (руки) леди Маріи Гастингсъ, дочери благороднаго лорда Генриха Гастингса, графа Гунтингдонскаго, о которой царю было говорено какъ о родственницѣ королевиной и какъ объ отрасли королевскаго дома ³⁾;

¹⁾ „Выколотилъ у него изъ берцовъ 5000 руб.“.

²⁾ Это позднѣйшая приписка Герсея: въ подлинникѣ было сперва: „далъ ему затрещину въ ухо“.

³⁾ Генрихъ Гастингсъ былъ *братомъ*, а не *отцомъ* Маріи Гастингсъ. Онъ, Марія и старшая ихъ сестра Анна были рождены отъ брака Франциска Гас-

а также просить ея величество прислать къ царю какого нибудь знатнаго посланника, чтобы договориться объ этомъ дѣлѣ. Писемскій отправился въ путь; сѣлъ на корабль въ пристани Св. Николая; приѣхалъ въ Англию, гдѣ былъ великолѣпно принятъ, имѣлъ аудіенію у королевы и представилъ свои вѣрительныя грамоты. Королева приказала леди Маріи Гастингсъ прибыть на смотръ посла въ садъ Йорскаго дворца ¹⁾; въ сопровожденіи назначеннаго числа разныхъ знатныхъ барынь и дѣвицъ своего двора и молодыхъ дворянъ Марія Гастингсъ явилась съ величественнымъ видомъ. Посланникъ, въ сопровожденіи многихъ дворянъ и другихъ лицъ, былъ приведенъ предъ нее; опустилъ глаза въ землю, палъ ницъ къ ея ногамъ, всталъ, отбѣжалъ назадъ, не спуская съ нея глазъ, что очень удивило ее и всѣхъ присутствовавшихъ. Потомъ онъ сказалъ черезъ толмача, что онъ довольно насмотрѣлся на ангела, котораго надѣется видѣть судругою своего государя, хвалилъ ея ангельскую наружность, ея величественность и изумительную красоту. Въ послѣдствіи приближенные друзья Маріи Гастингсъ звали ее при дворѣ императрицей Московской. Въ посланники ея величества къ царю былъ выбранъ сэръ Уильямъ Россель (sir William Russel), третій сынъ графа Бедфордскаго, благородный, умный и красивый дворянинъ. Но по здравомъ обсужденіи, онъ и его почтенные друзья отклонили это назначеніе, которое такимъ образомъ досталось другому.—Тогда общество купцовъ испросило это порученіе сэру Еремью Баусу (sir Jerome Bowes), который былъ очень хорошо снаряженъ почти совершенно на счетъ общества; въ послѣдствіи оно раскаялось въ этомъ поступкѣ, ибо сэръ Еремѣй Баусъ не имѣлъ другихъ качествъ кромѣ своей наружности и своихъ пріемовъ.

Оба посланника, королевинъ и царскій, получивъ отпускъ и письма, были отправлены ея величествомъ на хорошихъ корабляхъ и прибыли въ Россію въ пристань Св. Николая. Русскій посланникъ поѣхалъ сухимъ путемъ и вручилъ свои письма и отчетъ о своемъ посольствѣ царю, который принялъ ихъ съ радостію. Сэръ Еремѣй Баусъ на судахъ купческаго общества медленно плылъ тысячу миль по рѣкѣ Двинѣ вверхъ до Вологды. Царь послалъ къ нему на встрѣчу чиновника

тингса (Francis Hastings, second earl of Huntingon) и Катерины Поль (Catherine Pole) правнуки герцога Кларенскаго (George Plantagenet, duke of Clarence) брата Эдуарда 4 и Ричарда 3, который былъ утопленъ въ бочкѣ вина. Слѣд. родство Маріи Гастингсъ съ королевскимъ домомъ Йорской линіи было отдалено четырьмя степенями, свойство же съ королевой Елизаветой ограничивалось тѣмъ, что ея дѣдъ по матери (Henry Pole, baron of Montacute) былъ троюроднымъ братомъ отца Елизаветы, Генрика 8. Ю. Т.

¹⁾ Дворецъ этотъ (York House) въ Лондонѣ, на берегу Темзы; принадлежалъ знаменитому кардиналу Йоркскому Уольсею (Wolsey), почему и назывался Йоркскимъ; названіе это сохранилъ онъ и послѣ паденія знаменитаго министра, находясь во владѣніи Генрика 8-го и его дочерей Маріи и Елизаветы. На мѣстѣ этого дворца Яковъ 1-й построилъ Уэйтголь (Whitehall), извѣстное пребываніе Стюартовъ, мѣсто казни Карла 1-го. Ю. Т.

Михаила Протопопова ¹⁾ съ большою свитою, чтобы приготовить по его пути съѣстные припасы, подводы и лошадей для него самого, для его поклажи и для его спутниковъ. Въ Ярославль (Бауса) встрѣтилъ другой чиновникъ царской конюшни; (присланный) къ нему съ двумя кобылами иноходцами, изъ которыхъ одна была назначена ему подъ верхъ на случай, если бы онъ хотѣлъ на ней ѣхать. Въ Москвѣ помѣстилъ его въ своемъ домѣ одинъ изъ сановниковъ (a duke) князь Иванъ Сицкій, который выѣхалъ къ нему на встрѣчу съ 300 хорошо снаряженными конниками. Царскій дьякъ, Савелій Фроловъ, былъ присланъ къ сэру Еремѣю Баусу съ многими мясными яствами для его ужина и съ обща-ніемъ, что ему будетъ хорошее содержаніе. На другой день царь прислалъ дворянина Игнатя Татищева навѣстить Бауса, спросить его, какъ онъ въ своемъ здоровьѣ, не нуждается ли въ чемъ либо, и сказать, что царь нетерпѣливо желаетъ его видѣть и что если онъ не слишкомъ усталъ съ дороги, то, отдохнувъ два дня, будетъ принять въ слѣдующую субботу.—Баусъ отвѣчалъ, что онъ надѣется быть въ состояніи представиться его величеству.

Въ назначенный день, въ 9 часовъ улицы были полны народа и тысяча стрѣльцовъ, одѣтыхъ въ красныя, желтыя и синія платья, съ блестящими самопалами и пищалями въ рукахъ, были выстроены въ ряды своими начальниками, которые были верхами, отъ воротъ посольскаго дома до царскаго дворца. Князь Иванъ Сицкій въ богатомъ нарядѣ верхомъ на богато убранной красивой лошади выѣхалъ въ сопровожденіи 300 дворянъ верхами, также богато одѣтыхъ; передъ нимъ вели красиваго мерина въ хорошей сбруѣ. Князь послалъ звать посланника и пригласилъ его сѣсть верхомъ на мерина; но посланникъ не довольный тѣмъ, что назначенная ему лошадь была хуже лошади подъ княземъ, отправился пѣшкомъ къ царскому дворцу ²⁾, въ сопровожденіи своихъ 30 слугъ, одѣтыхъ въ хорошо сшитую стаметовую ливрею; каждый изъ этихъ слугъ несъ одинъ изъ подарковъ, состоявшихъ большею частию изъ блюдъ. У дворца посланника встрѣтилъ другой сановникъ, который сказалъ ему, что царь ждетъ его; Баусъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ итти скорѣе.—Дорогой народъ, угадывая отчасти его порученіе, которое было вообще всѣмъ непріятно, кричалъ ему въ насмѣшку: „карликъ ³⁾“! Переходы, крыльцо и комнаты, чрезъ которые провели Бауса были наполнены купцами и дворянами въ золотыхъ кафтанахъ. Въ комнату, въ которой сидѣлъ царь, вошла передъ Баусомъ его прислуга съ подарками, которые были поставлены въ сторону. Царь сидѣлъ

¹⁾ Михаилъ Протопоповъ, въ 1591 г. ѣздилъ отъ царя Федора Ивановича гонцомъ въ Крымъ къ хану Казы-гирею.—Ю. Т.

²⁾ „mounted one his own foate cloth“.

³⁾ „Carlike... which is craines laeggs“ „карликъ т. е. журавлиныя ноги“. Горсей очевидно плохо понималъ по русски. Изъ имѣющагося у меня портрета Бауса во весь ростъ видно, что онъ сухопаростью и поразительно длинными ногами дѣйствительно похожъ былъ на журавля и что его могли только въ насмѣшку назвать карликомъ.—Ю. Т.

въ полномъ величіи, богато одѣтый, имѣя предъ собой свои три короны; по сторонамъ его (стояли) четыре молодые дворянина, называемые *рындами* въ блестящихъ (одеждахъ) серебряной парчи, съ четырьмя скипетрами или свѣтлыми серебряными топориками; царевичъ, бояре и прочіе знатнѣйшіе сановники сидѣли кругомъ. Царь привсталъ, посланникъ сдѣлалъ свои поклоны, сказалъ свою рѣчь и вручилъ письма королевы. Принимая ихъ, царь снялъ свою царскую шапку, спросилъ о здоровьѣ своей сестры, королевы Елизаветы. Отвѣтивъ, посланникъ сѣлъ въ сторонѣ отъ царя на скамьѣ, покрытой ковромъ. Черезъ нѣсколько времени молчанія и обоюднаго осмотра, онъ былъ отпущенъ тѣмъ же порядкомъ, какъ пришѣлъ. Вслѣдъ затѣмъ, къ нему были присланы съ царскаго стола 200 мясныхъ блюдъ съ знатнымъ чиновникомъ, который, сдавъ ихъ и получивъ за то награжденіе, оставилъ сэра Еремѣя Бауса за обѣдомъ.

Если бы я продолжалъ столь же пространно описывать остальной ходъ этого дѣла, которое не скоро кончилось, я употребилъ бы на это много времени. Было нѣсколько тайныхъ и нѣсколько торжественныхъ посѣщеній (царя посланникомъ) и совѣщаній (между ними). Царь давалъ праздники, ежедневно присылалъ (Баусу) большое количество разныхъ припасовъ, удовлетворялъ всѣ его просьбы, и несмотря на то Баусъ ничѣмъ не былъ доволенъ. Счеты царскихъ чиновниковъ и торговаго общества были рѣшены къ обоюдному удовольствію; всѣ жалобы купцовъ были удовлетворены, всѣ ихъ привилегіи и прочія дѣла утверждены, и царь рѣшилъ отправить отъ себя чиновника посланникомъ къ королевѣ. Если бы сэръ Еремѣй Баусъ зналъ мѣру (въ своихъ требованіяхъ) и умѣлъ пользоваться временемъ, царь, пламенно желавшій исполнить свое намѣреніе, согласился бы на всякое предложеніе; даже, въ случаѣ брака съ родственницею королевы, былъ бы готовъ утвердить вѣнецъ за ея потомствомъ. Царевичъ и бояре, въ особенности же семейство Годуновыхъ, ближайшихъ родственниковъ царевичевой жены, тайными путями свѣдавъ объ этомъ, весьма грустили и обижались, и придумывали средства разстроить эти намѣренія и помѣшать ихъ исполненію. Царь въ ярости, не зная на что рѣшиться, приказалъ немедленно послать за нѣсколькими чародѣйками на сѣверъ, гдѣ ихъ множество между Холмогорами и Лапландіей. Шестьдесятъ колдуній были поспѣшно привезены въ Москву ¹⁾, гдѣ ихъ помѣстили подъ стражу; ихъ ежедневно посѣщалъ и совѣщался съ ними любимецъ царскій Богданъ Бѣльскій; ему одному царь довѣрялъ отбирать отъ нихъ и переносить ему ихъ волхвованія или предсказанія о тѣхъ предметахъ, о

---

¹⁾ Въ (15)85 году надъ городомъ Москвой каждую ночь, 7 недѣль сряду, были видимы великая блестящая звѣзда и другія небесныя явленія. Въ этотъ самый годъ умерли: король Севастьянъ и два короля Фецскій и Марокскій, Португальскій и Варварійскій и этотъ великій царь.

которыхъ ихъ спрашивалъ ¹⁾. Чародѣйки сказали, что, по вѣрнымъ признакамъ созвѣздій, сильнѣйшія планеты небесныя враждебны царю и предвѣщаютъ его кончину въ такой то день, но Бѣльскій не посмѣлъ передать этого предсказанія; когда же царь о томъ извѣстился, то онъ впалъ въ бѣшенство и сказалъ колдуньямъ, что въ этотъ день онѣ навѣрное будутъ сожжены. У царя началась страшная болѣзнь, которая произошла отъ 50 лѣтъ, проведенныхъ имъ въ преступномъ любо-страстіи ²⁾.

Его носили каждый день въ его сокровищницу. Однажды государь сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобы я слѣдовалъ за нимъ. Я сталъ между другими и слышалъ, какъ онъ спросилъ нѣсколько драгоценныхъ камней и объяснялъ свойство каждаго изъ нихъ стоявшимъ около него царевичу и боярамъ. Я запомнилъ этотъ разговоръ и прошу позволенія не надолго оставить мой предметъ и записать его рѣчи собственно для моей памяти.

„Всѣ вы знаете великое и сокровенное свойство магнита: безъ него нельзя плавать по морямъ, окружающимъ свѣтъ, ни узнавать границы и предѣлы земли. Стальной гробъ Персидскаго пророка Магомета чудеснымъ образомъ виситъ (на магнитѣ) въ Дербентской мечети“.— Онъ приказалъ слугамъ принести булавокъ и, когда ихъ тронули магнитомъ, онѣ повисли одна къ другой и составили цѣпь.—„Вы видите этотъ прекрасный коралль и эту прекрасную бирюзу: возьмите ихъ къ себѣ на руку; вы видите какъ ярокъ ихъ природный цвѣтъ; положите ихъ теперь ко мнѣ на руку.—Я зараженъ болѣзью; смотрите же какъ ихъ цвѣтъ изъ яркаго сдѣлался блѣднымъ... Это предвѣщаетъ мою смерть.—Принесите мой царскій жезлъ: это рогъ единорога, оправленный весьма красивыми алмазами, рубинами, сапфирами, изумрудами и другими драгоценными камнями, большой цѣны.—Этотъ жезлъ стоилъ 70 тысячъ марокъ стерлинговъ; я досталъ его отъ Аугсбургскихъ купцовъ черезъ Давида Гоуера.—Достаньте мнѣ пауковъ“.—Онъ приказалъ своему врачу Ивану Лофу (Iohannes Sloff) очертить жезломъ кругъ на столѣ; всѣ впущенные въ этотъ кругъ пауки одинъ за другимъ издыхали, тѣ-же, которые были внѣ круга, немедленно бѣжали отъ него прочь.—„Слишкомъ поздно этому жезлу спасти меня.—Смотрите на эти драгоценные камни. Вотъ алмазь, который по своему блеску дороже и цѣннѣе всѣхъ прочихъ; я никогда его не любилъ, онъ укрощаетъ ярость и сластолюбіе и (даетъ) воздержаніе и цѣломудріе; малѣйшая частица его, истолченная въ порошокъ и данная въ питьѣ, отравитъ лошадь, а тѣмъ

¹⁾ „Этотъ любимецъ утомленный дьявольскими дѣянiями тиранства, ужасными злодѣйствами и злыми замыслами новаго Геліогобала, негодовалъ на царя, котораго вся забота была пользоваться оборотами солнечнаго восхожденія“.

²⁾ „У царя начали страшно пухнуть тайные уды, которыми онъ совершалъ столько преступленій болѣе 50 лѣтъ сряду, въ теченіи которыхъ онъ хвастался, что растлил тысячу дѣвъ и истребилъ тысячи дѣтей имъ рожденных“.

болѣе человѣка“.—Указывая на рубинъ: „О! Этотъ камень врачуетъ сердце, мозгъ, силу и память человѣка, очищаетъ сгущенную и испорченную кровь“.—Потомъ на изумрудъ: „Этотъ камень одного свойства съ радугою—онъ не терпитъ нечистоты. Испытайте его: онъ лопається при удовлетвореніи преступныхъ похотей ¹⁾. Я очень люблю сапфиръ: онъ хранитъ и усугубляетъ мужество, веселитъ сердце, радуется всѣмъ жизненнымъ чувствамъ и превосходитъ для зрѣнія; онъ очищаетъ глаза, уничтожаетъ въ нихъ кровавыя пятна, укрѣпляетъ ихъ мускулы и нервы“.—Потомъ взявъ въ руку ониксъ: „Всѣ эти камни суть дивныя дары Божіи, тайны природы, доступныя однако же созерцанію человѣка, который можетъ употреблять ихъ на свою пользу: они пріязненны красотѣ и добродѣтели и враждебны пороку. Мнѣ дурно . . . . вынесите меня отсюда . . . . до другого времени“.

Послѣ полудня онъ пересмотрѣлъ свое завѣщаніе, не думая однакоже умереть, ибо часто онъ бывалъ околдованъ, и часто чары были съ него снимаемы: но на этотъ разъ дьяволъ не помогъ. Царь приказалъ начальнику своей аптеки и своимъ врачамъ приготовить ванну; заботился о предзнаменованіяхъ (созвѣздій) и опять послалъ своего любимца къ чародѣйкамъ, узнать объ ихъ вычисленіяхъ. (Бѣльскій) пришёлъ къ нимъ и сказалъ, что царь ихъ (велитъ) живьемъ зарыть въ землю или сжечь за ихъ обманъ и ложныя предсказанія; что (назначенный ими) день насталъ, а что царь такъ здоровъ, какъ когда либо былъ. „Бояринъ, не гнѣвайся. Ты знаешь, что день начинается (съ восходомъ) и кончается съ закатомъ солнца“.—Бѣльскій поспѣшно возвратился къ царю, который готовился къ ваннѣ.—Около третьяго часа дня царь вошелъ въ ванну, почувствовалъ облегченіе и, по своему обыкновенію, забавлялся веселыми пѣснями; около 7-го часа онъ вышелъ изъ ванны весьма освѣженный; его перенесли (въ другую комнату) и посадили на постель. Онъ приказалъ одному изъ своихъ любимыхъ дворянъ Родіону Биркину (Rodovone Voerken) принести шахматную доску, разставилъ шахматы ²⁾. Около него стояли его главный любимецъ (Бѣльскій?), Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ и другіе. На царѣ были распашной халатъ (a lose gown), рубашка и полотняные чулки ³⁾. Онъ (вдругъ) упалъ навзничъ въ обморокъ. (Поднялась) большая суета и суматоха; одинъ бѣгалъ за водкой, другіе въ аптеку за ноготковой и розовой водой, за духовникомъ, за лекарями. Между тѣмъ царь испустилъ дыханіе и оченѣлъ. Чтобъ остановить суматоху, (объявили, что) есть надежда, что

¹⁾ „Если мужчина и женщина прелюбодѣйствуютъ, имѣя на себѣ изумрудъ, онъ лопається при изліяніи естества“.

²⁾ „Всѣ шахматы, исключая короля, котораго онъ никакъ не могъ поставить на мѣсто на доскѣ“.

³⁾ Современница царя Ивана Васильевича, королева Елизавета первая носила *вязаные* шелковые чулки, которые были поднесены ей, какъ рѣдкость, однимъ изъ городовъ Англіи. До того времени чулки были выкраиваемы и сшивались изъ разныхъ матерій. Ю. Т.

онъ очнется. Вышеупомянутый Богданъ Бѣльскій и Борисъ Ѳеодоровичъ ¹⁾ вышли на крыльцо, сопровождаемые приверженными имъ боярами, которыхъ внезапно собралось такое множество, что странно было смотрѣть. Они громкимъ голосомъ отдали приказъ стрѣльцамъ и ихъ начальникамъ содержать крѣпкую стражу, запереть около дворца ворота, имѣть въ готовности самопалы и зажечь фители. Вслѣдъ затѣмъ Кремлевскія ворота были заперты и къ нимъ приставлены караулы. Я предложилъ боярину—правителю ²⁾ свои услуги, своихъ людей, порохъ и пистолеты; онъ принялъ меня въ число своихъ приближенныхъ и слугъ, и, проходя мимо меня, съ ласковою улыбкой сказалъ: „Служи вѣрно и не бойся“.

Митрополиты, епископы и прочіе сановники толпились въ Кремлѣ, радуясь какъ бы въ день искупленія: всякій спѣшилъ къ Евангелію (книгѣ) и ко кресту принять присягу на вѣрность новому царю Ѳеодору Ивановичу.—Удивительно, какъ много было сдѣлано дѣла въ теченіи шести или семи часовъ: казначейства были запечатаны; къ прежнимъ чиновникамъ прибавлены были новые изъ семейства (Годуновыхъ), двѣнадцать тысячъ стрѣльцовъ съ ихъ начальниками поставлены стеречь стѣны великаго города Москвы, для охраненія Англійской конторы была дана мнѣ особенная стража. Посланникъ же сэръ Еремѣй Баусъ трепеталъ, ежечасно ожидая смерти и описанія своего имущества; въ его домѣ заперли ворота и окна, къ его слугамъ приставили стражу, ему самому прекратили отпускъ припасовъ, которые онъ прежде получалъ въ изобиліи. Борисъ Ѳеодоровичъ былъ объявленъ бояриномъ—правителемъ; по завѣщанію прежняго царя ему были даны въ помощь для управленія три другіе старшіе боярина: князь Иванъ (Ѳеодоровичъ) Мстиславскій, князь Иванъ Петровичъ (а не Васильевичъ) Шуйскій и Никита Романовичъ (Юрьевъ). Правитель началъ управлять, рѣшать всѣ дѣла, дѣлать повсемѣстно переписи всѣмъ сокровищамъ, золоту, серебру и драгоценностямъ; пересматривалъ всѣ приказы, провѣрялъ списки доходовъ, на всѣ важныя мѣста (назначилъ) новыхъ казначеевъ, новыхъ совѣтниковъ, во всѣ приказы новыхъ начальниковъ, (наставилъ) новыхъ воеводъ, воинскихъ начальниковъ и гарнизоны, въ важнѣйшіе же города, крѣпости и области помѣстилъ довѣреннѣйшихъ лицъ (изъ своего) семейства; такимъ образомъ же (выбралъ) прислугу при своей сестрѣ царицѣ. Всѣ эти мѣры чрезвычайно упрочили его безопасность и могущество. Благодаря его пронизательности его всѣ прославляли,

¹⁾ „Царь (Иванъ Васильевичъ) поручилъ все правленіе четыремъ боярамъ, изъ коихъ первымъ назначилъ Бориса Ѳеодоровича, какъ шурина царя Ѳедора Ивановича и брата его супруги царицы“.

²⁾ Горсей постоянно называетъ Бориса *княземъ покровителемъ* (prince-protector), вѣроятно по сходству его положенія при царѣ Федорѣ, съ положеніемъ герцога Соммерсетскаго, бывшаго *Лордомъ* покровителемъ при королѣ Эдуардѣ 6-мъ. (Eduard Seymour, Visconti de Beauchamp, earl of Hertford, duke of Somerset, knight of the Garter, Lord Chamberlain, lord Marshal of England, Governor of His Majesty, Protector of the English Realm and Lieutenant General of the army). Ю. Т.

любили, боялись и почитали; и онъ умѣлъ возбудить, поддержать и утвердить эти чувства своимъ ласковымъ и любезнымъ обращеніемъ съ князьями, боярами и со всѣми сословіями народа.

Меня призвали спросить (мое мнѣніе) о томъ—какъ поступить съ сэромъ Еремѣемъ Баусомъ, котораго порученіе было кончено.—Я сказалъ боярамъ, что, согласно съ правомъ народнымъ и съ честію царя и государства, его слѣдуетъ отпустить въ безопасности и безобидно, ибо иначе произойдутъ неудовольствія, которымъ, можетъ быть, трудно будетъ положить конецъ; что впрочемъ я предаю это свое мнѣніе на ихъ умнѣйшее и лучшее усмотрѣніе. Всѣ бояре бранили (Бауса), говоря, что онъ заслужилъ смерть, но что нынѣшніе царь и царица болѣе милосерды, (чѣмъ ихъ предшественникъ). Они хотѣли, чтобы я объявилъ ему объ его отправленіи и передалъ ему разныя укоризны; но я просилъ, чтобы это порученіе было исполнено кѣмъ либо другимъ изъ слугъ его величества.

Вечеромъ меня призвалъ бояринъ Борисъ Ѳеодоровичъ; я засталъ его играющаго въ шахматы съ однимъ изъ царскихъ родственниковъ, княземъ Иваномъ (Михайловичемъ) Глинскимъ. Онъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ: „Совѣтую тебѣ не говорить много въ защиту Бауса: бояре этимъ недовольны. Иди къ такому-то и къ такому-то и укроти ихъ (гнѣвъ).—О твоёмъ отвѣтѣ много разсуждали; многіе настаивали на томъ, чтобы наказать (Бауса) за его поведеніе. Ты можешь сказать ему отъ меня, что я дѣлаю все, что могу, чтобы уладить это дѣло“.—Я немедленно отправился къ указаннымъ мнѣ боярамъ и старался смягчить ихъ. Они сказали мнѣ, что я самъ не знаю, сколько я дѣлаю себѣ вреда, принимая сторону сэра Еремѣя Бауса; что мнѣ должны быть извѣстны и положеніе дѣлъ и ненависть къ нему всѣхъ, въ особенности же тѣхъ важныхъ чиновниковъ, которые такъ много потерпѣли изъ-за его наглости; что такъ какъ со мною давно знакомы, то меня нельзя не любить тѣмъ болѣе, что Борисъ Ѳеодоровичъ такъ ко мнѣ милостивъ.—„Поэтому вступайся какъ можно менѣе въ это дѣло“.—Несмотря на эти совѣты, я не переставалъ изъ подъ руки хлопотать съ успѣхомъ (по дѣлу Бауса), зная въ какой онъ опасности. Его содержали, какъ плѣнника, въ тѣсномъ заключеніи, подъ строгимъ надзоромъ, не давая никакихъ средствъ къ существованію. Я старался, чтобы его призвали и отпустили. На послѣдокъ, по окончаніи другихъ болѣе важныхъ государственныхъ дѣлъ, послали за нимъ: ему не было (прежняго) приѣма; простой слуга провелъ его въ комнату, гдѣ находилось нѣсколько бояръ; они обошлись съ нимъ безо всякаго уваженія: обвиняли его въ гнусныхъ дѣйствіяхъ ко вреду государства, не хотѣли дать ему отвѣчать и терять времени на слушаніе его отвѣта, насмѣхались надъ нимъ ¹⁾ и, указывая изъ окна на рѣку, объявили, что ему

²¹⁾ „Въ особенности надъ нимъ насмѣхались два важные чиновника (братья) Щелкаловы, а также нѣкоторые другіе изъ тѣхъ, которые наиболѣе вынесли

слѣдовало бы отрубить ноги и бросить его дохлое тѣло (withered carcass) въ рѣку, въ примѣръ всѣмъ другимъ, которые, подобно ему, могутъ забыть, кто они и въ какомъ званіи они употреблены. Но что нынѣ Богъ далъ имъ болѣе милосерднаго царя, который не хочетъ мстить и который, изъ уваженія къ королевѣ Елизаветѣ, допустить его видѣть свои очи. Однако же они велѣли Баусу спячь мечъ: онъ отказался (подъ предлогомъ, что) это противно его наказу и его присягѣ; ему угрожали насиліемъ, говоря, что непристойно являться съ оружіемъ въ присутствіе столь благочестиваго и смиреннаго государя, коего душа облечена печалью. Баусъ принужденъ былъ покориться. Его привели предъ царя одного (безъ прислуги), и устами думнаго дьяка онъ получилъ отъ царя отпускъ къ королевѣ Елизаветѣ. Послѣ чего сэра Еремѣя Бауса отвели домой, дали ему трое сутокъ на выѣздъ изъ города Москвы (и объявили, что) можетъ быть, вслѣдъ за нимъ будетъ послано ему письмо (къ королевѣ). Сэръ Еремѣй Баусъ имѣлъ въ это время мало средствъ, еще менѣе денегъ и то такихъ, которыя были даны ему въ пособіе, но былъ радъ, что его такъ спокойно отпустили, и спѣшилъ выбраться изъ подъ власти (своихъ враговъ). Я досталъ для его поклажи и прислуги 30 телѣгъ и столько же ямскихъ лошадей и выпросилъ у боярина-правителя дозволеніе его видѣть, говорить съ нимъ и проводить его за городъ. Въ приставы (Баусу) данъ былъ простой сынъ боярскій, которому велѣно было его стеречь и имѣть за нимъ строгій надзоръ и который, грубостію своего обращенія, очень оскорблялъ его высокомѣріе. Я съ своими слугами и добрыми пріятелями проводилъ Бауса изъ города Москвы: мы были верхами на хорошихъ лошадяхъ и хорошо вооружены, потому что и онъ, и другіе опасались какой нибудь непріятности. Отѣхавъ 10 миль, я разбилъ свой шатеръ и простился тамъ съ нимъ и съ его товарищами, угостивъ ихъ приготовленными припасами, разными винами и медами. Онъ просилъ меня заботиться объ его безопасности, ибо боялся на дорогѣ (сдѣлаться жертвою) какихъ нибудь злыхъ умысловъ: я не общалъ многого, но исполнилъ его просьбу. Онъ былъ чрезвычайно испуганъ, благодарилъ меня за все, что я для него сдѣлалъ; говорилъ, что будетъ просить королеву и моихъ друзей благодарить меня и что онъ и его друзья никогда не забудутъ (моихъ одолженій). Собственно-ручное его письмо съ дороги, изъ Переяславля, доказываетъ мою объ немъ заботливость и содержитъ просьбу о продолженіи ея. Призываю Бога въ свидѣтели, что я много сдѣлалъ для его безопасности и для его блага. По моей просьбѣ бояринъ-правитель послалъ вслѣдъ за нимъ письма къ королевѣ и отъ себя въ подарокъ *сорокъ* соболей. Когда Баусъ пріѣхалъ въ пристань св. Николая и сѣлъ на корабль, онъ наговорилъ ругательствъ приставу, который его провожалъ, изрѣзалъ въ куски (присланныя ему) письма и соболей и велѣлъ передать царю и думѣ

неудовольствія и побоевъ отъ царя изъ-за безразсудной и неосновательной обидчивости (Бауса) и безпрестанныхъ жалобъ, которыми онъ надѣждалъ царю и правительству, какъ никогда и никакой посланникъ этого не дѣлалъ“.

много грубыхъ и бранныхъ рѣчей. По его отъѣздѣ, знатные чиновники Щелкаловы изъ друзей сдѣлались монми врагами за мое участіе въ его дѣлѣ. Распространяюсь объ этомъ, потому что вы увидите въ послѣдствіи какъ сэръ Еремѣй Баусъ меня отблагодарилъ

Положеніе дѣлъ и управленіе въ государствѣ до того измѣнилось даже по наружности, что Россія сдѣлалась страной совершенно иною, чѣмъ прежде. Всякій жилъ въ спокойствіи, зналъ что ему принадлеи чѣмъ онъ можетъ пользоваться; всюду назначены были хорошіе чиновники, повсемѣстно водворилось правосудіе. Но Богъ еще готовилъ великую кару этому народу. Что скажемъ объ этомъ? Въ народѣ Русскомъ столько природной злости и коварства, что только благодаря суровости и строгости своего правленія, прежній царь успѣлъ прожить столь долго (и избѣгнуть) измѣническихъ и коварныхъ умысловъ, которые были безпрестанно открываемы. Кто могъ бы въ то время подумать, что огромныя сокровища, имъ оставленныя, столь скоро будутъ расточены и что гибель царства, царя, бояръ и народа такъ близка!—Худо приобрѣтешь—скоро потеряешь.

Царь Иванъ Васильевичъ царствовалъ болѣе шестидесяти лѣтъ. Онъ завоевалъ въ 700 миляхъ на юго-западъ отъ Москвы Полоцкъ, Смоленскъ и много другихъ большихъ городовъ и замковъ въ областяхъ Литовскихъ, которыя принадлежали коронѣ Польской. Онъ завоевалъ не менѣе городовъ и замковъ и на востокъ Ливоніи и въ другихъ владѣніяхъ королей Шведскаго и Польскаго. Онъ покорилъ царство Казанское и царство Астраханское и всѣ страны и многочисленныя племена Ногаевъ и Татаръ Черкасскихъ, которые обитаютъ на протяженіи двухъ тысячъ миль по обѣимъ сторонамъ знаменитой рѣки Волги и даже на югъ отъ Каспійскаго моря ¹⁾. Онъ прекратилъ раболѣпныя почести и дань, которыя онъ и его предшественники ежегодно воздавали Крымскому хану ²⁾, и посылалъ ему только небольшую извѣстную плату, чтобы оградить себя отъ его ежегодныхъ набѣговъ. Онъ покорилъ царство Сибирское и всѣ страны, принадлежащія къ ней съ сѣвера болѣе чѣмъ на 1500 миль, такъ что онъ много расширилъ во всѣ стороны свое государство. Количество жителей (въ Россіи) такъ велико, что она ведетъ большую торговлю или мѣну со всѣми народами, которые доставляютъ каждый разныя произведенія своей страны, чѣмъ не только увеличиваются таможенныя пошлины и доходы казны, но и поддерживается богатство городовъ и областей.

Владѣнія этого государства такъ пространны и обширны, что они необходимо должны вновь распасться на нѣсколько царствъ и княжествъ и съ трудомъ могутъ быть удержаны подъ однимъ правленіемъ, несмотря на то царь совершенно подчинилъ ихъ своей единодержавной вла-

¹⁾ southward even to the Mare Caspian Sea правильнѣе перевести—къ югу же до самаго Каспійскаго моря. А. С.

²⁾ the great Cithian Emperour, the Cham or Crim Tartor т. е. великому Скиѣскому царю хану или крымскому татарину.

сти и сдѣлался слишкомъ могущественъ для сосѣдственныхъ государей. Это именно и было его цѣлью, и надежды его иовидимому исполнялись. Но безграничное властолюбіе и мудрость челоуѣка суть лишь безразсудство, когда оно противно волѣ Всевышняго! Мы увидимъ это изъ слѣдующаго.

Царь (Иванъ Васильевичъ) устранилъ двусмысленность и неясность изъ законовъ и тяжбъ и изложилъ законы на письмѣ самымъ яснымъ и простымъ образомъ, такъ что каждому стало возможно понимать ихъ и вести свои тяжбы безъ стряпчихъ и за извѣстную большую пошлину переносить безъ замедленія свое дѣло на разсмотрѣніе суда государева.

Этотъ же царь учредилъ и обнародовалъ единое всеобщее исповѣданіе вѣры, ученія и подчиненности ¹⁾ церковныхъ, согласное съ ученіемъ трехсимвольнымъ или православнымъ, какъ Русскіе его называютъ, которое весьма сходствуетъ съ уставомъ апостольскимъ, соблюдавшимся въ первоначальной церкви и подкрѣпленнымъ на соборѣ Никейскомъ мнѣніемъ Аванасія (Великаго) и другихъ лучшихъ и древнѣйшихъ отцовъ (церкви), Ибо, по сознанию царя и его предковъ, они заимствовали у Греческой церкви первоначальные и основные правила христіанства, которыхъ древность они доказываютъ тѣмъ, что ихъ проповѣдывали имъ св. апостоль Андрей (Первозванный) и заступникъ (ихъ земли) св. Николай (чудотворецъ). Но такъ какъ Греческая церковь, по причинѣ возникшихъ въ ней въ послѣдствіи распрей и раздоровъ, отклонилась съ того времени, какъ отъ догматовъ ученія, такъ и отъ обрядовъ, то царь отдѣлилъ отъ нея духовное управление Московское и, слѣдовательно освободилъ сіе послѣднее отъ посылки (въ Грецію) даровъ и отъ полученія оттуда настоятельныхъ грамотъ (sinodalls). Съ помощію Троицы ²⁾ онъ уговорилъ также пустосердаго (hollow hart) патріарха Іеремію отречься отъ патріаршества Константинопольскаго или Хіосскаго ³⁾ въ пользу митрополіи Московской. Ученія папы царь рѣшительно не признаетъ и отвергаетъ его, говоря, что оно самое ложное изъ всѣхъ ученій христіанскихъ; что оно уставлено въ угодность властолюбію папы, основано на выдумкахъ для поддержанія достоинства, никогда за палюю не признавнаго, и что онъ удивляется, что есть христіанскіе государи, которые признаютъ первенство папы и его свѣтскую власть. Все это и еще пространнѣе было, по повелѣнію царя, объявлено его митрополитами, архіепископами, епископами, архимандритами и игуменами нунцію папскому, великому іезуиту, отцу Антонію Поссевину у вратъ Успенскаго собора въ Москвѣ.

Онъ же (этотъ царь) въ свое царствованіе построилъ болѣе 40 красивыхъ каменныхъ церквей, богато убранныхъ внутри, съ главами покрытыми чистымъ золотомъ. Онъ построилъ болѣе 60 мужскихъ и

¹⁾ Англ. discipline правильнѣе перевести—благочинія. А. С.

²⁾ Съ помощію монаховъ Троицкой лавры,—вѣроятно.

³⁾ У Горсея *Хіосскаго* „Sio“; но Флетчеръ объясняетъ, что остр. *Хіосъ* есть именно *Sio*: „the ile Sio, sometimes called Chio“. (Январь 1589 г.).

женскихъ монастырей, снабдилъ ихъ колоколами и украшеніями и назначилъ имъ содержаніе, на поминъ своей души. Во внутренности Московскаго Кремля онъ выстроилъ красивую колокольню изъ тесаннаго камня, которая называется Благовѣщенскою колокольнею съ 30 колоколами; въ нихъ во всѣ звонятъ чрезвычайно, пріятно каждый праздникъ,— а праздниковъ тамъ много, и весьма заунывно каждый день во время полунощной службы.

Въ заключеніе благочестивыхъ подвиговъ царя не могу умолчать объ одномъ достопримѣчательномъ дѣяніи его милосердія. Въ 1575 году вслѣдъ за бывшимъ моровымъ повѣтріемъ, открылся въ народѣ голодъ. Города, улицы и дороги были наполнены бродягами, праздношатающимися нищими и притворными калѣками; при всеобщемъ недостаткѣ невозможно было положить этому предѣлъ. Всѣмъ этимъ людямъ было объявлено, чтобы они въ такой-то день пришли въ (Александровскую) Слободу, гдѣ они получаютъ отъ царя большую милостыню. Ихъ собрались тысячи: 700 самыхъ большихъ негодяевъ и обманщиковъ были забиты до смерти ударами въ голову и брошены въ большое озеро кормить рыбъ своими тѣлами; остальные же, болѣе слабые, были разосланы по монастырямъ и больницамъ, чтобы получить тамъ вспомошествованіе.

Среди многихъ подобныхъ дѣяній этотъ царь въ свое правленіе построилъ 155 крѣпостей во всѣхъ частяхъ своего государства, снабдилъ ихъ пушками и гарнизонами. Онъ построилъ 300 городовъ, называемыхъ *ямами*, длиною въ одну милю или въ двѣ, въ пустыхъ и необитаемыхъ мѣстахъ, надѣливъ каждого жителя участкомъ земли и обязавъ его содержать назначенное число лошадей на случай потребности для царской службы. Онъ построилъ около Москвы красивую, крѣпкую и пространную каменную ограду, которую уставилъ пушками съ назначенною при нихъ стражею и начальниками.

Въ заключеніе (скажу) о царѣ Иванѣ Васильевичѣ. Онъ былъ красивой и величественной наружности; имѣлъ хорошія черты лица, высокое чело, пронзительный голось; былъ настоящій Скиѣъ: быстръ умомъ, жестокъ, кровожаденъ, не зналъ милосердія; самъ, по своему разуму, управлялъ дѣлами какъ внѣшней политики, такъ и внутренняго устройства. Онъ былъ съ пышностію погребенъ въ церкви Михаила Архангела. Тамъ, стрегомый днемъ и ночью, лежитъ онъ: могила его страшное позорище для тѣхъ, которые, проходя мимо или слыша его имя, вспоминаютъ о немъ и знаменуются крестомъ съ молитвою, чтобы онъ не воскресъ и проч.

Торжественное и великолѣпное вѣнчаніе Феодора Ивановича, царя Россійскаго и проч., десятаго іюня 1584 года, видѣнное и описанное господиномъ Еремѣемъ Горсеемъ, дворяниномъ и слугою ея величества (королевы Елизаветы), человекомъ много путешествовавшимъ и много испытавшимъ въ тѣхъ краяхъ. Сюда же присовокуплено описаніе его (Горсеева) сухопутнаго путешествія изъ Москвы въ Эмденъ ¹⁾.

Когда старый царь Иванъ Васильевичъ умеръ въ городѣ Москвѣ ²⁾, царствовалъ онъ 54 года, между нѣкоторыми изъ дворянъ и между простымъ народомъ возникло было волненіе, но оно было быстро усмирено. Немедленно, въ ту же ночь (собрались) бояринъ Борисъ Феодоровичъ Годуновъ, князь Иванъ Феодоровичъ Мстиславскій, князь Иванъ Петровичъ Шуйскій, Никита Романовичъ (Юрьевъ) и Богданъ Яковлевичъ Бѣльскій. Всѣ они были бояре ³⁾ и, по завѣщанію царя, были назначены для руководства и возведенія его сына Феодора Ивановича на престолъ ⁴⁾. Они привели къ присягѣ сперва другъ друга, потомъ всѣхъ бояръ и чиновниковъ. На утро умершій царь (былъ вынесенъ) въ церковь Михаила Архангела и положенъ въ высѣченную (изъ камня) гробницу, весьма богато убранную приличными этому обряду покровами. Вслѣдъ затѣмъ провозглашенъ былъ: „царь Феодоръ Ивановичъ всея Россіи“ и пр. По всему городу Москвѣ разставили стражу и караулы, съ солдатами и стрѣльцами; возстановили порядокъ и назначили воинскихъ начальниковъ для усмиренія мятежниковъ и водворенія тишины. Все это было сдѣлано съ необыкновенною поспѣшностію и распорядительностію. Когда все было устроено въ Москвѣ, послали вельможъ знатнаго рода и сана въ пограничные города: Смоленскъ, Псковъ, Казань, Новгородъ и пр., куда отправлены были новые гарнизоны на мѣсто старыхъ, которые были отозваны. Около четвертаго мая созвана

1) Статья эта напечатана отдѣльно въ изданномъ Гаклюйтомъ собраніи путешествій. Въ разсказѣ своихъ путешествій Горсей вслѣдъ за смертію царя Ивана Васильевича говоритъ: „Не помѣщаю здѣсь описанія этого вѣнчанія, котораго я былъ очевидцемъ и при которомъ мнѣ оказаны были многія милости и почести: оно заняло бы болѣе мѣста, чѣмъ сколько можно ему здѣсь дать; (при томъ) оно помѣщено въ книгѣ путешествій, изданной г. Гаклюйтомъ, и въ разсужденіи д-ра Флетчера, вмѣстѣ съ другими давно сообщенными мною замѣчаніями о состояніи и правленіи этого государства“.

Горсеево описаніе вѣнчанія царя Феодора Ивановича дѣйствительно было напечатано въ Гаклюйтовомъ собраніи путешествій (изд. 1599 г.), въ которомъ перепечатано также сокращеніе Флетчерова сочиненія „О Русскомъ государствѣ“, напечатаннаго передъ тѣмъ отдѣльно въ 1591 году.

2) „Что случилось по нашему счисленію восемнадцатаго апрѣля (должно быть марта) 1584 года“.

3) Бѣльскій былъ не бояриномъ, а оружничимъ (съ 1578 г.).

4) „Въ особенности бояринъ Борисъ, который былъ названный третій сынъ царя и братъ царицы; его любили всѣ сословія какъ за его мужество, такъ и за разумъ“.

была Дума, въ которую собрались митрополитъ, архіепископы, епископы, настоятели и главнѣйшія лица изъ духовенства вмѣстѣ со всѣми боярами. На этой Думѣ постановлены были многія рѣшенія, до моего предмета не относящіяся; но главное назначено было время торжественнаго вѣнчанія новаго царя.

Между тѣмъ царица, вдова покойнаго царя, съ своимъ ребенкомъ, его сыномъ царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ, которому былъ годъ или около того ¹⁾, была вмѣстѣ съ своимъ отцомъ Ѳеодоромъ Ѳеодоровичемъ Нагимъ и его семействомъ, состоявшимъ изъ пяти братьевъ, послана въ городъ, называемый Угличъ. Городъ этотъ со всѣми землями, принадлежавшими къ его уѣзду, былъ данъ (въ удѣлъ) ей и ея сыну, молодому царевичу; имъ назначены были всякаго рода чиновники, положено жалованье, на одежду, на убранства, на пищу, на лошадей и пр., все въ большихъ размѣрахъ, прилично ихъ княжескому сану.

По прошествіи *сорочинъ*, т. е. сорока дней, посвященныхъ по русскому обряду, на сѣтованіе, наступилъ день торжественнаго вѣнчанія, для коего сдѣланы были большія приготовленія. Это было воскресенье, десятаго іюня 1584 года ²⁾. Царю было 25 лѣтъ отъ рода ³⁾. Я былъ оффиціально приглашенъ и меня помѣстили такъ, чтобы я хорошо видѣлъ все торжество.

При выходѣ царя изъ дворца, передъ нимъ шли митрополитъ, архіепископы, епископы и главнѣйшія лица изъ чернаго и бѣлаго духовенства въ богатыхъ митрахъ ⁴⁾ и облаченіяхъ, сопровождаая свое шествіе пѣніемъ и неся образа Пресвятой Дѣвы, тезоименитаго царю святаго и другихъ (святыхъ), хоругви, кадилы и много другой, подобной торжественной утвари. Царь съ своими боярами стройно вошелъ въ церковь, называемую Благовѣщеніе, гдѣ была служба по обряду ихъ исповѣданія. Потомъ они пошли въ церковь, называемую Михаилъ Архангелъ, гдѣ также отправлена была служба; а оттуда въ соборную церковь Пречистой Дѣвы. Посреди ея былъ воздвигнутъ престоль, на который обыкновенно садились предки царя въ такіе чрезвычайные случаи. Здѣсь съ царя сняли его одѣяніе и облачили его въ богатѣйшія, безцѣпныя одежды; онъ былъ посаженъ на царское мѣсто. Около него на ступеняхъ стали бояре; митрополитъ возложилъ на его главу царскій вѣнецъ, въ правую руку ему даны были скипетръ и держава, въ лѣвую—мечъ правосудія; вся эта утварь была весьма богата. Передъ нимъ поставили его шесть вѣнцовъ, (знаменіе) его владычества надъ его царствами; по правую его руку стоялъ бояринъ Борисъ Ѳеодоровичъ. Потомъ митрополитъ сталъ громко читать изъ небольшой книги, убѣждая царя блюсти правду и правосудіе, мирно владѣть вѣнцомъ своихъ

¹⁾ Царевичъ Дмитрій родился 19 октября 1582 года.

²⁾ 31 мая 1584 года.

³⁾ Царь Ѳеодоръ Ивановичъ родился 11 мая 1557 года и, слѣдовательно, въ маѣ 1584 года былъ 27 лѣтъ.

⁴⁾ Въ подлинникѣ *сорес*—чашахъ, вѣроятно ошибкою вмѣсто *caps*—шапкахъ.

предковъ, отъ Бога ему дарованнымъ. Митрополитъ говорилъ въ слѣдующихъ словахъ:

„Богъ всемогущій и безначальный, прежде вѣка бывший, въ Троицѣ славимый, Богъ единый, Отецъ, Сынъ и Духъ Святой, все создавшій, все и вездѣ творящій, все исполняющій, Коего изволеніемъ и содѣяніемъ человѣкъ живетъ и даруетъ жизнь! Богъ единый, словомъ Своимъ, чрезъ Господа нашего Иисуса Христа и Святаго животворящаго Духа жизни, даровавшій намъ Свое откровеніе! Даруй намъ въ сіи мятежныя времена, да укрѣпится въ правотѣ скипетръ нашъ, да царствуемъ разумомъ своимъ на благо государства, на покореніе народа, на одолѣніе враговъ и на водвореніе добродѣтели!“ Послѣ этой рѣчи митрополитъ благословилъ царя и возложилъ на него крестъ.

Потомъ царя свели съ престола. Верхняя его одежда была украшена разными драгоценными камнями и великимъ множествомъ дорогихъ восточныхъ жемчуговъ; въ ней было двѣсти фунтовъ вѣса, ея хвостъ и полы несли шесть бояръ. Главный царскій вѣнецъ, большой цѣны, былъ надѣтъ на главѣ царя; въ правой рукѣ у него былъ его царскій жезлъ изъ рога единорогова въ три съ половиною фута длиною, украшенный драгоценными камнями ¹⁾. Скипетръ и державу несъ передъ нимъ бояринъ Борисъ Ѳедоровичъ; другой бояринъ несъ передъ царемъ его богатую шапку, украшенную драгоценными камнями и жемчугами; его шесть вѣнцовъ также несли его двое дѣдей: Дмитрій Ивановичъ Годуновъ и Никита Романовичъ (Юрьевъ) и его трое братьевъ Степанъ Васильевичъ, Григорій Васильевичъ и Иванъ Васильевичъ (Годуновы) ²⁾. Въ такомъ порядкѣ царь приблизился къ великимъ вратамъ церковнымъ, и народъ воскликнулъ: „Спаси Господи царя Ѳедора Ивановича всея Россіи!“ Ему подвели коня, богато убраннаго попоной, которая была вышита жемчугами и драгоценными камнями, съ такимъ же сѣдломъ и такою же сбруею ³⁾. Между тремя церквами, для шествія царя и бояръ изъ одной въ другую, сдѣланы были помосты длиною въ 150 сажень, шириною въ двѣ и вышиною на два фута отъ земли, ибо народа было безчисленное множество и тѣснота такъ велика, что многіе въ это время были задавлены до смерти въ толпѣ. Когда царь возвращался изъ церкви ему подстилали подъ ноги золотыя парчи; щипцы ⁴⁾ церковей были обтянуты краснымъ бархатомъ, а помосты между церквами алымъ стаметомъ. Какъ только царь проходилъ, каждый,

¹⁾ „Эта драгоценность была куплена старымъ царемъ въ 1581 году у Аугсбургскихъ купцовъ за 7000 марокъ стерлинговъ; за нѣсколько времени передъ тѣмъ она принадлежала мнѣ“.

²⁾ Никита Романовичъ Юрьевъ (бояринъ съ 1563 г.) былъ братъ матери царя, царицы Анастасіи. Изъ Годуновыхъ: Дмитрій Ивановичъ (бояринъ съ 1578 г.) былъ дядя царицы Ирины и Бориса; Степанъ, Григорій и Иванъ Васильевичи (всѣ трое бояре съ 1584 г.) внучатные т. е. троюродные ея братья.

³⁾ „Убранство этого коня цѣнили въ 30000 марокъ стерлинговъ“.

⁴⁾ Англ. the porches правильнѣе перевести палерти. А. С.

кто только могъ добратся, обдиралъ парчу, бархатъ и стаметъ, чтобы сохранить доскутокъ на память. Большое множество монеть, серебряныхъ и золотыхъ, нарочно выбитыхъ на этотъ случай, было брошено въ народъ. Бояринъ Борисъ Ѳедоровичъ былъ пышно и великолѣпно одѣтъ: платье его было покрыто большими восточными жемчугами, оправленными всякими драгоцѣнными камнями. Столь же богато были одѣты всѣ члены семейства Годуновыхъ, также какъ и остальные бояре. По спискамъ найдено, что одежда и конская сбруя (весьма древняя) одного изъ бояръ, по имени князя Ивана Михайловича Глинскаго, вмѣстѣ съ его конемъ стоили сто тысячъ марокъ стерлинговъ.

Царица оставалась въ своемъ дворцѣ. Она сѣла у открытаго большаго окна, на престолѣ. Ея великолѣпная, богатая одежда блестѣла драгоцѣнными камнями и восточными жемчугами, на главѣ ея былъ надѣтъ вѣнецъ. Кругомъ ея стояли боярыни. Народъ воскликнулъ: „Боже храни нашу благородную царицу Ирину!“

Потомъ царь вошелъ въ Думную палату (parliament house), богато убранную. Тамъ онъ возсѣлъ на царское мѣсто съ тою же пышностію, какъ прежде: передъ нимъ поставили на столъ его шесть вѣнцовъ; одинъ изъ его тѣлохранителей держалъ царскіе золотые умывальникъ и рукомойникъ; съ каждой стороны царя стали по два чиновника, называемыхъ *рындами*, въ бѣлой одеждѣ изъ серебряной парчи, съ жезлами и золотыми сѣкирами въ рукахъ. Бояре, всѣ въ богатыхъ одеждахъ, выстроились по старшинству.

Послѣ краткой рѣчи царь допустилъ каждого поочередно цѣловать его руку. Потомъ онъ пересѣлъ на царское мѣсто, приготовленное ему въ Столовой палатѣ, гдѣ ему, со всею царскою пышностію, прислуживали бояре. Три переднія комнаты, весьма большія и просторныя, были всѣ кругомъ, отъ пола до сводовъ, уставлены золотою и серебряною посудою. между которой было нѣсколько серебряныхъ и золотыхъ бочекъ.

Торжества эти длились цѣлую недѣлю, въ продолженіе коей даны были многіе истинно царскіе праздники. Потомъ главнѣйшіе сановники были назначены въ разныя должности. Бояринъ Борисъ Ѳедоровичъ былъ сдѣланъ ближнимъ бояриномъ (главнымъ совѣтникомъ царя), конюшимъ, хранителемъ особы царской, намѣстникомъ государства и (начальникомъ) военныхъ снарядовъ, правителемъ царствъ Казанскаго и пр. Къ этимъ званіямъ ему назначены были Думою и дарованы царемъ многіе доходы и богатая помѣстья: такъ ему и его (семейству) дана была въ вѣчное и потомственное владѣніе многолюдная и обильная область Вага, длиною въ 300, шириною въ 250 англійскихъ миль, со многими городами и селеніями, въ ней находящимися. Онъ ежегодно получаетъ съ этой области 35 тысячъ марокъ стерлинговъ, что не составляетъ и пятой части всего годового его дохода. Онъ и его семейство такъ могущественны, что въ 40 дней срока они могутъ выслать въ поле 100 тысячъ хорошо снаряженныхъ воиновъ.

(Праздники) царскаго вѣнчанія заключились пушечною пальбою, названною царскою пальбою. Въ двухъ миляхъ за городомъ были (разставлены) 170 большихъ орудій всякаго калибра, мѣдныхъ самой лучшей отдѣлки; изъ нихъ палили въ нарочно сдѣланные валы. На разстояніи двухъ миль выстроены были въ восемь рядовъ двадцать тысячъ стрѣльцовъ; всѣ они были одѣты въ бархатныя, цвѣтныя шелковыя и стаметовыя платья; они также въ хорошемъ порядкѣ дали два залпа. Послѣ чего царь въ сопровожденіи всѣхъ своихъ бояръ и, по крайней мѣрѣ, 50 тысячъ конницы возвратился городомъ въ свой дворецъ.

Описаніе всѣхъ подробностей царскаго вѣнчанія потребовало-бы много времени и много листовъ бумати. Довольно будетъ сказать, что подобнаго великолѣпія никогда не было видано въ Россіи.

По окончаніи вѣнчанія и прочихъ торжествъ, всѣ дворяне, чиновники и купцы, по принятому обычаю, по очереди своего званія и старшинства, подносили царю богатые дары, желая ему долготѣія и благополучія на царствѣ.

Въ это же время ¹⁾ я былъ призванъ къ царю, который сидѣлъ на своемъ царскомъ престолѣ. вмѣстѣ со мною былъ призванъ вновь прибывшій въ Москву знаменитый Нидерландскій купецъ, по имени Иванъ Валь (John de Wale), который выдавалъ себя за подданнаго Испанскаго короля. Нѣкоторые изъ бояръ хотѣли допустить этого Испанскаго подданнаго прежде меня, служителя королевы Англійской; но я не согласился на это, говоря, что скорѣе дамъ отрубить себѣ ноги по колѣно, чѣмъ допустить такую обиду ея величеству королевѣ Англійской и поднести царю подарокъ послѣ подданнаго короля Испанскаго или какого либо другаго государя. Замѣтивъ мой споръ, царь и бояринъ Борисъ Ѳедоровичъ послали членовъ Думы казначея Петра Ивановича Головина и Василя Щелкалова, которые передали царю мои слова. Разумѣется я былъ допущенъ первый и, отъ имени тамошнихъ Англійскихъ купцовъ, поднесъ царю подарокъ и, пожелавъ ему благополучія, долготѣія и спокойствія на царствѣ, поцѣловалъ его руку. Царь милостиво и ласково принялъ мой подарокъ и обѣщавъ, изъ уваженія къ сестрѣ своей, королевѣ Елизаветѣ Англійской, быть государемъ столь же милостивымъ къ ея купцамъ, каковъ былъ его отецъ. Когда я былъ отпущенъ домой, мнѣ въ тотъ-же день были присланы семьдесятъ разныхъ кушаній (мясныхъ) и три подводы, щедро нагруженныя разными напитками. Упомянутый подданный Испанскаго короля былъ допущенъ съ своимъ подаркомъ послѣ меня. Государь говорилъ ему быть не менѣе вѣрнымъ и полезнымъ, чѣмъ были и суть подданные королевы Англійской, обѣщая въ такомъ случаѣ милость подданнымъ короля Испанскаго.

¹⁾ Вся эта статья въ подлинникѣ написана въ третьемъ лицѣ, но въ переводѣ, для единообразія, изложена въ первомъ. Въ этомъ мѣстѣ сочинитель говорить о себѣ: „Вышесказанный господинъ Еремѣй Горсей, оставаясь въ Россіи слугою ея преславнаго величества королевы былъ призванъ“ и т. д.

По окончаніи всего этого во всѣхъ церквахъ были пѣты молебны. Царь и царица весьма набожно ходили пѣшкомъ по главнымъ церквамъ столицы, а въ Троицынъ день отправились въ знаменитый Троицкій монастырь Св. Сергія, въ шестидесяти миляхъ отъ города Москвы; шествіе ихъ сопровождалъ огромный поѣздъ бояръ, дворянъ и друг., верхами на красивыхъ и красиво убранныхъ лошадяхъ. Царица, изъ набожности, совершила весь этотъ путь пѣшкомъ, въ сопровожденіи многочисленныхъ своихъ княгинь и боярынь. При ней было 20000 тѣлохранителей и стрѣльцовъ; главнымъ совѣтникомъ или прислужникомъ ея былъ бояринъ Дмитрій Ивановичъ Годуновъ, родственникъ царскій ¹⁾. По окончаніи этого богомолья, царь и царица возвратились въ Москву.

Вскорѣ потомъ царь, по совѣту боярина Бориса Феодоровича, послалъ войско въ Сибирь, откуда привозятся всѣ богатые соболиные и другіе мѣха. Войско это въ полтора года завоевало 1000 миль. Въ продолженіи войны былъ взятъ въ плѣнъ государь этой страны, называемый царь Сибирскій и съ нимъ многіе изъ его князей, его дворянъ, которые были всѣ приведены въ Москву подъ стражею солдатъ и стрѣльцовъ ²⁾. Они были приняты въ Москвѣ съ большимъ почетомъ и остаются тамъ до сего дня.

Вслѣдъ затѣмъ по всему государству были смѣнены неправосудные чиновники, судьи, воеводы и намѣстники и на ихъ должности назначены были болѣе честные люди, которымъ повелѣно подѣ страхомъ строгаго наказанія прекратить лихоимство и взяточничество, существовавшія при прежнемъ царѣ, и отправлять правосудіе безъ лицепріятія, а дабы это могло быть исполнено, имъ увеличили ихъ помѣстія и годовые оклады. Большіе налоги, пошрины и подати, наложенные на народъ при прежнемъ царѣ, были уменьшены, а нѣкоторыя изъ нихъ совершенно отмѣнены. Запрещено было наказывать безъ достаточнаго доказательства (вины), даже за преступленія уголовныя, подвергавшія смертной казни. Многимъ изъ князей и бояръ знатнаго рода, бывшимъ въ опалѣ при прежнемъ царѣ и содержавшимся въ тюрьмѣ по двадцати лѣтъ, возвращены были свобода и помѣстія. Всѣ плѣнники ³⁾ были освобождены и вины ихъ имъ отпущены. Словомъ все правленіе совершенно преобразовалось, и всѣ эти перемѣны были произведены тихо, спокойно, мирно, безъ труда для государя, безъ обиды для подданныхъ;

¹⁾ „Дядя царицы, человекъ весьма могущественный“.

²⁾ Трое Сибирскихъ царевичей были взяты въ плѣнъ: 1, *Маметкулъ*, племянникъ царя Кучума, Ермакомъ въ 1582 г.; 2, князь *Сейдикъ*, побѣдитель Кучумовъ, воеводою Чулковымъ въ 1587 г.; 3, *Абдулъ-Хаиръ*, сынъ Кучумовъ, княземъ Кольцовымъ Масальскимъ въ 1591 г. Горсей вѣроятно говоритъ здѣсь о первомъ изъ нихъ, который былъ присланъ въ Москву именно въ 1584 году и служилъ потомъ въ нашихъ войскахъ подѣ именемъ *Маметкуля Алтауловича*. Ю. Т.

³⁾ Англ. prisoners правильнѣе перевести здѣсь словомъ: заключенные. А. С.

онѣ водворили въ государствѣ довѣріе, принесли ему честь и были исполнены главнѣйше мудростію царицы Ирины.

Когда вѣсти о всѣхъ этихъ происшествіяхъ дошли до государей, сосѣдственныхъ съ Россіею, сіи послѣдніе исполнились такого страха, что *монархъ всѣхъ сыновъ, называемый Крымскій татаринъ*, т. е. самъ великій ханъ, по имени Софеть-Кери-Алли ¹⁾, пріѣхалъ къ Русскому царю изъ своего отечества, въ сопровожденіи великаго множества своихъ вельможъ. Всѣ они были на прекрасныхъ лошадяхъ и, хотя и были грубы къ христіанамъ, но красивы собой и храбры. Царь былъ радъ ихъ пріѣзду и принялъ ихъ съ почетомъ. Такъ какъ Татарскій государь привезъ съ собой и своихъ женъ, то имъ сдѣланъ былъ отъ Русскаго царя царскій пріемъ и дано содержаніе согласно съ ихъ саномъ.

Вскорѣ потомъ 1200 Польскихъ дворянъ, красивыхъ и храбрыхъ воиновъ, прибыли въ Москву, предлагая царю свою службу, всѣ они были приняты (въ войска). Точно также приходили предлагать свою службу Черкесы и уроженцы другихъ странъ.

Дальнѣйшій разсказъ составленъ изъ трехъ разныхъ сочиненій Горсея: 1) *Разсказа о путешествіяхъ и пр.*; 2) *Торжественнаго и великолѣпнаго вѣнчанія и пр.* 3) *Описанія втораго и третьяго посольствъ г-на Еремѣя Горсея, дворянина, нынѣ кавалера, посланнаго ея величествомъ къ царю Русскому въ 1585 и 1589 годахъ.*

Сочиненія эти въ нѣкоторыхъ случаяхъ представляютъ значительныя разночтенія; поэтому въ текстъ перевода выбраны изложенія болѣе обстоятельныя, прочія же напечатаны въ подстраничныхъ выноскахъ. Для означенія откуда какое изложеніе заимствовано,—въ началѣ каждой статьи означены буквы: *Р* для означенія заимствованныхъ изъ *Разсказа*; *В*—изъ описанія *Вѣнчанія*; *П*—изъ описанія *Посольствъ*.

Р. Къ государямъ, находившимся въ союзѣ съ Россіею, были отправлены послами такія лица, которыхъ Борисъ Ѳеодоровичъ считалъ болѣе способными прославить его величіе ²⁾. Содержаніе ихъ наказовъ было одинаково: объявить, что промысломъ Божиимъ, Ѳеодоръ Ивановичъ утвердился, вѣнчался и возсѣлъ на (правленіе) царствами и странами, которыми владѣлъ его отецъ, покойный царь Иванъ Васильевичъ, преславной памяти; что, движимый священною заботливостію о сохраненіи мира, онъ призналъ за благо увѣдомить и удостовѣрить прочихъ государей о своемъ великомъ желаніи быть съ ними въ союзѣ и въ братской дружбѣ и обѣщать имъ взаимность въ сношеніяхъ и въ торговлѣ съ ними и съ ихъ (подданными).

В. Какъ только извѣстіе о восшествіи новаго царя на престолъ распространилось въ Европейскихъ государствахъ, къ нему были отправлены отъ разныхъ государей посланники. Въ Москву прибыли Турец-

¹⁾ Вѣроятно *Саидеятъ-Гирей (Кирейо)*, сынъ хана Магметъ Гирейя, изгнанный около того времени изъ Крыма дядею своимъ Исламъ-Гиреемъ.

²⁾ „Между прочимъ я и былъ назначенъ быть посланнымъ къ королевѣ“. О семъ посольствѣ см. ниже.

кій, Персидскій, Бухарскій, Крымскій, Грузинскій и многіе другіе Татарскіе посланники. Также пріѣхали послы императора Германскаго, королей Польскаго, Шведскаго, Датскаго и другихъ. И со времени вѣнчанія (царя Ѳедора) ни одинъ изъ его враговъ не имѣлъ успѣха въ своихъ дѣйствіяхъ противъ него ¹⁾.

П. Въ 1585 году я былъ посланъ сухимъ путемъ къ ея величеству королевѣ (Англійской) отъ царя Русскаго, Ѳедора Ивановича, и отъ боярина правителя его, Бориса Ѳедоровича, правителя государства Русскаго, просить ея величество о продолженіи мира, любви и дружбы, такъ какъ они въ то время только что водворились одинъ на царствѣ, другой въ правленіи; увѣрить (королеву) и обѣщать (его), что они употребятъ всѣ старанія заслужить и сохранить сіе (доброе расположеніе) хорошимъ обхожденіемъ съ подданными и купцами ея величества, торговыми въ ихъ государствахъ, съ показаніемъ великой къ нимъ милости, а также всякими иными благими способами, которые ея величеству угодно будетъ имъ доставить. Во утверженіе и въ доказательство сего, упомянутые царь и правитель избрали одного изъ подданныхъ ея величества, на коего, какъ на человѣка, пользующагося ихъ уваженіемъ и великою милостію, они возложили вѣрную передачу сего ихъ порученія и ихъ грамотъ.

Р ²⁾). Получивъ эти грамоты и наказъ договориться по другимъ предметамъ, касающимся блага обѣихъ державъ, я имѣлъ передъ своимъ отъѣздомъ сперва торжественный, потомъ частный отпущекъ; причемъ мнѣ оказаны были, въ особенности отъ боярина правителя Бориса Ѳедоровича, необыкновенныя милости, ласки и почести; кромѣ того мнѣ даны были еще особенныя наказы и порученія. Я выѣхалъ хорошо снабженный и съ достаточной прислугой и всюду, куда пріѣзжалъ, былъ принимаемъ, имѣлъ стражу и пользовался всѣми почестями, какъ посланникъ.

В ³⁾). Я поѣхалъ изъ Москвы пятого сентября на Тверь, Торжокъ, великій Новгородъ, Псковъ; а оттуда въ Ливонію на Нейгаузенъ, Венденъ и въ Ригу; здѣсь я былъ задержанъ, приведенъ къ кардиналу Радзивиллу, но напоследокъ отпущенъ въ дальнѣйшій путь.

¹⁾ *В.* Немного времени спустя, царю угодно было послать грамоту къ королевѣ Англійской. Онъ нашелъ, что никто болѣе меня не способенъ на это порученіе, полагая, что королевѣ будетъ пріятнѣе,—если оно будетъ исполнено однимъ изъ ея подданныхъ. Главное содержаніе грамоты состояло въ томъ, что царь желаетъ продолженія союза дружбы, любви и торговыхъ сношеній, которые существовали между его отцомъ и подданными ея королевскаго величества. Кромѣ того мнѣ были даны особенныя порученія, которые не подлежать обнародованію.

²⁾ *В.* Получивъ грамоты и наказы царя, я изготовился къ путешествію сухимъ путемъ.

³⁾ *Р.* Я выѣхалъ изъ Москвы 20 августа 1585 г., ѣхалъ сухимъ путемъ шестьсотъ миль до Пскова, оттуда въ Ливонію на Дерптъ, Пернау, Венденъ, Либаву и пр., до Риги, столицы этой области.

Р. Въ Ригѣ мнѣ поручено было имѣть переговоры съ королевой (вдовой) Магнуса, ближайшей наслѣдницей престола Московскаго. Она жила въ Рижской крѣпости въ большой нищетѣ, получая малое содержаніе, которое ей отпускалось изъ казны королевства Польскаго. Я получилъ дозволеніе съ нею видѣться только съ разрѣшенія кардинала Радзивилла ¹⁾, случайно находившагося въ то время въ Ригѣ. Мнѣ стоило большихъ хлопотъ быть допущеннымъ къ ней. Кардиналъ сперва принялъ меня очень строго, находилъ много затрудненій (исполнить мою просьбу), кажется, чтобы показать мнѣ свою важность; но потомъ, когда мы лучше познакомились, сдѣлался веселѣе и любезнѣе и улыбнулся мнѣ, проходя мимо въ процессіи.

Когда я пришелъ къ королевѣ Маріи ²⁾, я засталъ ее расчесывающею волосы своей дочери, красивой девятилѣтней дѣвочки. Она спросила меня, чего я хочу. Я (объявилъ, что) желаю говорить съ нею наединѣ. Она посмотрѣла на меня съ страннымъ выраженіемъ, сказала, что не знаетъ меня и что у нея немного комнатъ и прислуги. Оставя свою дочь съ бывшей при ней дворянкой, (она отошла со мною) къ окну въ той же комнатѣ и приняла еще болѣе важный видъ. „Государыня! Вы видите, что я не имѣю много времени говорить съ вашимъ высочествомъ о моемъ порученіи: позвольте мнѣ просить вашего княжескаго слова, что вы сохраните въ тайнѣ то, что я скажу вамъ и что имѣеть цѣлью ваше благо и благо вашихъ (ближнихъ)“.—Она молчала, но я продолжалъ: „парь Ѳедоръ Ивановичъ, братъ вашъ ³⁾, знаетъ въ какой нуждѣ живете вы съ вашей дочерью. Онъ желаетъ, чтобы вы возвратились въ свое отечество жить прилично вашему княжескому роду и сану. Бояринъ—правитель Борисъ Ѳедоровичъ, изъявляя готовность свою вамъ служить, ручается вамъ въ томъ же“.—„Государь мой, сказала она. „Они меня не знаютъ, я ихъ также не знаю. Ваше обращеніе, ваши рѣчи и ваша одежда вселяютъ во мнѣ болѣе къ вамъ довѣрія, чѣмъ сколько разсудокъ можетъ меня убѣдить“. (На этомъ насъ) прервали; меня торопили уйти и начальникъ замка недовѣрчиво смотрѣлъ на насъ. Королевѣ было столь же прискорбно разстаться со мною, сколько мнѣ съ нею; она заплакала и ея примѣру послѣдовали ея дочь и бывшая при ней дворянка; она просила меня найти средство опять съ нею видѣться. Это было передано кардиналу, который призвалъ меня и спрашивалъ, чѣмъ я сумѣлъ такъ позабавить королеву. Я отвѣчалъ, что ему ошибочно донесли. „Вы понимаете, о чемъ я говорю. Вы можете съ нею видѣться, только не будьте слишкомъ смѣлы“. Я просилъ и получилъ его (письменное) дозволеніе. Королева нетерпѣливо желала слышать отъ меня остальную часть (моего порученія), и я столь же не-

¹⁾ Правитель Ливоніи, кардиналъ *Юрій Радзивиллъ*. „Этотъ прелать, княжескаго рода, былъ веселаго нрава, охотникъ до общества Ливонскихъ барынь, красивѣйшихъ въ свѣтѣ женщинъ“.

²⁾ „Llona Queen Magnus—„Магнусовой королевѣ Ллонѣ“.

³⁾ Двоюродные братья зовутся братьями.

терпѣливо хотѣлъ передать его (вполнѣ). „Вы видите, государь мой, меня держать какъ плѣнницу и мало даютъ на содержаніе—менѣе тысячи талеровъ въ годъ“.—„Если вамъ только угодно, вы можете этому помочь“.—„Меня особенно тревожатъ два сомнѣнія: если я соглашусь (на ваше предложеніе), я не имѣю никакихъ способовъ бѣжать и считаю это дѣломъ весьма труднымъ, ибо вижу, что король и правительство хотятъ воспользоваться тѣмъ, что я въ ихъ рукахъ ¹⁾. (Также) зная обычаи Московскіе, я не могу надѣяться, чтобы со мною поступили иначе, какъ обыкновенно поступаютъ тамъ съ вдовствующими царицами: мени запрутъ въ адскій монастырь, а я предпочту этому смерть“.—„Вы совершенно въ другомъ положеніи, чѣмъ онѣ... При томъ время измѣнило этотъ обычай: тѣхъ кто имѣетъ и воспитываетъ дѣтей не принуждаютъ вступать въ монастырь“.—„Какое имѣю я въ этомъ ручательство? Почему могу я знать, что такъ думаютъ тѣ, отъ чьего имени вы со мной говорите“.—„Отъ васъ зависитъ это испытать. Вамъ легче будетъ исполнить ваше предпріятіе, если вы повѣрите моимъ словамъ, увидите и убѣдитесь сами, что средства къ исполненію его не представляютъ опасности“.—„Въ такомъ случаѣ я должна возложить упованіе на Бога, на вашу скромность и на сдѣланное вами, какъ христіаниномъ, обѣщаніе. Скажите мнѣ ваше имя и назначьте, какъ можно ближе, время (къ побѣгу)?“—„Не сомнѣвайтесь, государыня! Менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца вы узнаете и то и другое. Въ ручательство (моей правдивости) оставляю сто золотыхъ Венгерскихъ червонцевъ; ровно черезъ семь недѣль или около того времени вы получите еще четыреста“. Ея высочество приняла деньги съ благодарностію; дочери ея я далъ еще двадцать червонцевъ. Я простился, и на прощаніе ея высочество и ея дочь пожали мою руку въ своихъ рукахъ. Я радъ былъ, что имѣлъ столь хорошій успѣхъ.

Продолжительность моего посѣщенія удивила моихъ слугъ, равно какъ и начальника замка, который опять доложилъ кардиналу. „Пусти-ки, сказалъ сей послѣдній; не подозрѣвайте его: вы видите, что онъ молодой и красивый волокита и пр. Я желалъ бы, чтобы онъ достигъ своей цѣли, только бы мнѣ получить назадъ то, что я на нее издержалъ“. „Но король и правительство Польское не согласились бы на это даже за сто тысячъ талеровъ“, возразилъ начальникъ замка. Я подарилъ кардиналу красивый платокъ, шитый золотомъ, и благодарилъ его за милость. „Радуюсь, сударь, что вы имѣли такой хорошій успѣхъ. Если намъ случится встрѣтиться въ Польшѣ, то мы весело припомнимъ наше знакомство“.

При выѣздѣ моемъ изъ городскихъ воротъ ко мнѣ подошла простоволосая, хорошо одѣтая дѣвушка и вручила мнѣ красиво вышитый бѣлый платокъ, въ уголкѣ котораго былъ (завязанъ) маленькій пер-

¹⁾ Король и правительство намѣрены пользоваться моею породой и кровью подобно Египетской богинѣ (?).

стень, оправленный кругомъ рубинами небольшой цѣны. Она мнѣ не сказала отъ кого (этотъ подарокъ), но я самъ отгадалъ и спѣшилъ выѣхать изъ области кардинала ¹⁾, черезъ Курляндію, Пруссію, Кенигсбергъ, Эльбингъ и Данцигъ. Здѣсь я немного отдохнулъ и послалъ обратно моремъ въ Нарву одного изъ моихъ слугъ, Данцигскаго уроженца, къ царю и Борису Ѳедоровичу съ письмами, платкомъ и донесеніемъ о томъ, что я сдѣлалъ; всѣ эти предметы были зашиты въ его стеганое платье. Онъ пріѣхалъ успѣшно и благополучно. Присланные за королевой и ея дочерью очень искусно увезли ихъ и провезли черезъ Ливонію прежде, чѣмъ ихъ отсутствіе было замѣчено. Начальникъ замка послалъ за ними погоню на лошадяхъ, но слишкомъ поздно; онъ лишился своего мѣста, которое было дано другому болѣе осторожному (чиновнику). Чтобы досказать все объ этомъ предметѣ: по возвращеніи изъ Англіи, я видѣлъ, что королева пользовалась большимъ уваженіемъ, имѣла своихъ чиновниковъ, свои помѣстія и жалованье, прилично своему сану; но вскорѣ потомъ ее и дочь, подобно прочимъ царицамъ, сослали въ женскій монастырь, причемъ она воскликнула: „горе тому времени, когда я была обманута и дала вѣру словамъ его (Горсея)!“ Ни ей, ни мнѣ не дозволили видѣться другъ съ другомъ. Исполненіемъ этого порученія я весьма угодилъ царю и правителю, но очень въ томъ раскаиваюсь.

Изъ Данцига я проѣхалъ черезъ Кашубію, Померанію, Штаттенъ, Мекленбургъ, Ростокъ, гдѣ чудеснымъ образомъ избѣгнулъ смерти; прибылъ въ знаменитый имперскій городъ Любекъ, гдѣ былъ чрезвычайно хорошо и почетно принятъ. Я получилъ отъ бургомистра и ратсгеровъ въ подарокъ вина и пироговъ, и они благодарили меня за мои прежнія къ нимъ милости. Изъ Гамбурга я прибылъ въ Англію.

Пріѣхавъ въ Ричмондъ, я явился къ лорду-казначею ²⁾ и къ сэру Франциску Уэльсингему. Они представили меня королевѣ. Ея величество весьма милостиво приняла письма царя и мою рѣчь и очень хвалила меня, (говоря, что) ей пріятно имѣть слугу, который пріобрѣлъ такія познанія и такое довѣріе, что столь великій иностранный государь поручаетъ ему столь важныя дѣла. Потомъ, обратясь къ г-ну вицекаммергеру сэру Ѳомѣ Гениджу ³⁾, (королева сказала:) „Позаботьтесь объ его помѣщеніи.—Теперь поздно: я буду говорить съ вами объ остальномъ завтра“ ⁴⁾. Сэръ Еремѣй Баусъ и его братъ г. Ральфъ Баусъ пришли меня привѣтствовать съ большими изъявленіями дружбы и довольно настойчиво меня спрашивали ⁵⁾. Сэръ Еремѣй говорилъ

¹⁾ Изъ Риги на Митаву, Гольдингенъ и Либаву въ Курляндіи; на Мемель и Кенигсбергъ въ Пруссіи; на Эльбингъ, Данцигъ, Штетинъ въ Помераніи; на Ростокъ, Любекъ, Гамбургъ, Бременъ, Эмденъ и моремъ въ Лондонъ.

²⁾ Сэру Христофору Гэттону, Sir Christopher Hatton.

³⁾ „Mr Vizchamberlain, Sir Thomas Henneag“ (д. б. Heneage).

⁴⁾ Послѣднія слова очевидно сказаны были королевой Горсею. Ю. Т.

⁵⁾ „With some temeritie sounded me“, „довольно дерзко меня выпытывали“.

мнѣ, что онъ очень расхвалилъ мое краснорѣчіе, милость и уваженіе, которыми я пользовался при царскомъ дворѣ, я вѣрилъ всему этому, потому что королева говорила мнѣ то же самое. На другой день ея величество изволили имѣть со мной длинное совѣщаніе и между прочимъ говорила о худомъ поведеніи сэра Еремѣя Бауса; я, покуда, мало говорилъ объ этомъ. Царскія грамоты были отданы мнѣ для перевода; переводя, я смягчилъ выраженія, употребленныя противъ сэра Еремѣя Бауса. Г-нъ секретарь ¹⁾ былъ этимъ недоволенъ и сказалъ, что королева будетъ гнѣваться, если это узнаетъ, и что ея величество приказала мнѣ не бояться никого. Когда переводъ былъ мною оконченъ, г. секретарь прочелъ его королевѣ. Ея величество потребовала знать мой наказъ, такъ какъ въ письмахъ царя было сказано, что, кромѣ содержащагося въ нихъ, я долженъ передать (нѣкоторыя объясненія) изустно. Я сказалъ ея величеству, что, такъ какъ уже поздно, а наказъ мой очень длиненъ, то я боюсь утомить ея терпѣніе. „Въ такомъ случаѣ я выберу нарочное время, чтобы дать вамъ другую аудіенцію“. Потомъ обратясь къ лордамъ, ея величество сказала: „Увѣряю васъ, лорды, что мы еще не получали писемъ, которыя доказывали бы большее къ намъ уваженіе, чѣмъ эти письма: они присланы отъ государя, вновь вступившаго на престолъ, и содержатъ предложенія и увѣренія, которыя слѣдовало бы намъ первымъ сдѣлать, по всѣмъ правиламъ вѣжливости и по общепринятому обычаю государей“.

Въ Лондонѣ мнѣ отвели хорошій домъ, снабжали всѣмъ нужнымъ и дали прислугу. Мнѣ оказывали большое уваженіе, давали праздники и я встрѣтилъ хорошій пріемъ въ Московскомъ купеческомъ обществѣ, у сэра Роланда Гейварда, у сэра Егора Барнса, у г-на Смейса и у многихъ другихъ альдерменовъ и значительныхъ купцовъ ²⁾.

Королева потребовала меня въ Гриничъ. Я сообщилъ ей все, что имѣлъ сказать, и все, о чемъ ея величеству угодно было меня спросить. Она сказала: „Мы упустили удобное время и лишились большихъ богатствъ, которыя наше государство имѣло случай получить ³⁾“.

Исполненіе моего наказа и порученія царя и боярина-правителя заняло у меня много времени; я выспрашивалъ также мнѣнній и наставленій ученыхъ врачей Оксфордскихъ, Кембриджскихъ и Лондонскихъ по нѣкоторымъ затруднительнымъ предметамъ (*зачатию и нарожденію дѣтей*) касательно царицы Ирины, которая, въ теченіи семи лѣтъ

¹⁾ Сэръ Францискъ Уэльсингемъ. Ю. Т.

²⁾ Въ привилегіи 1587 г. царя Θεодора Англійскимъ купцамъ упоминаются: альдерманъ (гильдейскій староста) сэръ *Р. Гейвардъ* (sir Rowland Haiward или Heyward), и купцы: сэръ *Е. Барнсъ* (sir George Barnes) и дворянинъ *Тома Смитъ* (Thomas Stith или Smyth, Esquire). Барнсъ былъ въ Лондонѣ градскимъ главою (lord Mayor). Смитъ Горсей называетъ customer (покупщикъ) т. е. вѣроятно оцѣнщикомъ, или пріемщикомъ товаровъ Московскаго общества. Ю. Т.

³⁾ Эти слова очевидно содержатъ намекъ на поведеніе Бауса и на смерть царя Ивана Васильевича. Ю. Т.

своего замужества, часто *бывала беременна* ¹⁾; я имѣлъ еще нѣкоторыя другія порученія о брачныхъ дѣлахъ, которыя мнѣ вѣрно было содержать въ тайнѣ и которыя, въ послѣдствіи, подвергли меня большой опасности.

Вслѣдствіе неудовольствія, оказаннаго королевою сэру Еремѣю Баусу, онъ старался вредить мнѣ. Онъ донесъ лорду Лестеру, бывшему въ то время правителемъ въ Нидерландахъ ²⁾, будто бы я однажды у себя за столомъ, говорилъ разнымъ герцогамъ и дворянамъ, что лордъ Лестеръ, чтобы сдѣлаться любимцемъ королевы, сломалъ шею своей жёнѣ, сбросивъ ее съ лѣстницы ³⁾. Я никогда даже не слыхалъ объ этомъ, и Баусъ (оклеветалъ меня) единственно, чтобы сломать мнѣ шею и помѣшать успѣху моего посольства. Графъ Лестеръ написалъ королевѣ, прося остановить меня и подвергнуть допросу. (Получивъ это письмо), королева измѣнилась въ лицѣ, поклялась, что я дамъ за это отвѣтъ, и приказала лордамъ своего королевскаго совѣта разобрать это дѣло. Сэръ Еремѣй Баусъ взялся доказать (свой доносъ) нѣкимъ Финчемъ, своимъ приверженцемъ, котораго, по его словамъ, я хотѣлъ исжарить въ Москвѣ, какъ лазутчика. Однако же королева прямо отвѣчала: „несмотря ни на что, я увѣрена, что Горсей окажется честнымъ человѣкомъ“.—Одинъ лордъ камергеръ, лордъ Гонсдонъ принялъ сторону сэра Еремѣя Бауса; лордъ казначей, сэръ Христофоръ Гэттонъ и особенно сэръ Францискъ Уэльсингемъ были вполнѣ увѣрены въ своемъ добромъ мнѣніи обо мнѣ, много другихъ добрыхъ пріятелей сильно вступились за меня. Слухъ объ этомъ грязномъ дѣлѣ разошелся при дворѣ и по всему городу. Насъ потребовали въ судъ. Сэръ Ер. Баусъ притворился больнымъ, но лорды, по волѣ королевы, послали нарочныхъ привести его. (Судъ начался) въ его присутствіи. Обвинитель (Финчъ) говорилъ невнятно, боязливо, безпрестанно запинаясь и смотря на сэра Ер. Бауса, чтобы знать, что ему говорить лордамъ, которые всѣ казались очень недовольны. Я имѣлъ четырехъ значительныхъ купцовъ, охотно согласившихся быть моими свидѣтелями ⁴⁾; они находились со мною въ теченіи всего времени, которое Финчъ провелъ въ Москвѣ,

¹⁾ Подчеркнутыя слова въ рукописи Горсея написаны русскими буквами. Ю. Т.

²⁾ „Я всегда пользовался уваженіемъ и покровительствомъ лорда Лестера, получалъ отъ него особенно милостивыя письма и самъ оказывалъ услуги его превосходительству: по его письменнымъ просьбамъ я посылалъ ему богатые мѣха, бѣлыхъ соколовъ, бѣлыхъ медвѣдей со всей принадлежностію и платилъ за нихъ хорошую цѣну своимъ пріятелямъ. Гр. Лестеръ начальствовалъ въ то время Англійскимъ войскомъ въ Нидерландахъ“.

³⁾ *Любовь Робсартъ* (Amy Rorsart), первая жена Лестера, умерла въ сентябрѣ 1560 г., и вскорѣ потомъ распространились упоминаемые здѣсь слухи объ ея насильственной смерти... *Примѣчаніе издателя*. Происшествіе это составляетъ завязку извѣстнаго романа Вальтеръ Скотта—Кенильвортъ. Ю. Т.

⁴⁾ „Охотно преклонившихъ колѣна передъ лордами“... Допрашиваемые лордами во время допроса стояли на колѣняхъ. Ю. Т.

гдѣ онъ оставался всего десять дней. Они свидѣтельствовали, что я велъ себя съ нимъ самымъ лучшимъ образомъ и на собственный свой счетъ отиравилъ его вмѣстѣ съ ними изъ Москвы, гдѣ онъ былъ въ нуждѣ и въ опасности. (Я предъявилъ) собственноручныя письма Финча, написанныя въ самыхъ благодарныхъ выраженіяхъ. Лорды приказали сэру Ер. Баусу выйти изъ комнаты совѣта и велѣли Финчу говорить правду: онъ сознался, что (предъявленные) письма были написаны имъ самимъ и что сэръ Ер. Баусъ многократно и настоятельно упрашивалъ его поддержать обвиненіе (противъ меня), которое онъ самъ въ первый разъ слышалъ отъ Бауса, и что Баусъ говорилъ, что онъ хочетъ затоптать и самого г-на Горсея и предметъ его посольства. Лорды велѣли посадить Финча въ тюрьму и заковать его въ тяжелыя желѣза. При этомъ лордъ казначей сказалъ ему: „хоть васъ, сударь, и не изжарили, а жалко, что немножко не подпалили“. Лордъ камергеръ повелъ его (Бауса?) изъ комнаты лордовъ къ королевѣ; но г-нъ секретарь опередилъ его другой дорогой и разсказалъ ея величеству все случившееся. Королева сдѣлала выговоръ лорду Гонсдону, который ссылался на Бауса; сему послѣднему лорды объявили, что безчестье, которое онъ сдѣлалъ, ничѣмъ не можетъ быть изглажено. Королева запретила ему (являться въ ея) присутствіе и сказала: „лорды, пусть тотъ, кто сдѣлалъ ложное свидѣтельство, будетъ за это наказанъ“.

Разсказъ мой скученъ, но я не могъ его сократить, желая выказать всю злобу и ненависть этого человѣка, который заслуживалъ смерть (за свою клевету).

Въ теченіе времени мое неудовольствіе было замѣчено, и меня стали ласкать. Между тѣмъ, съ помощію своихъ добрыхъ пріятелей, сэра Фр. Уэльсингема, сэра Ег. Барна и другихъ я сдѣлалъ заказанныя мнѣ покупки: досталъ львовъ, быковъ, собакъ, золоченыя алебарды, пистолеты, самопалы, оружіе, вина, запасъ всякихъ лекарствъ, органы, клавикорды, музыкантовъ, алья ткани, нити жемчуговъ, блюда необыкновенной отдѣлки и много другихъ дорогихъ предметовъ на большую цѣну.

Откланявшись королевѣ, я получилъ отъ ея величества письма къ царю и къ боярину-правителю и опасныя грамоты для моего проѣзда, при чемъ мнѣ было сказано много ласковыхъ рѣчей и сдѣлано много милостивыхъ обѣщаній. Отъ лордовъ и отъ (Московского) общества мнѣ были также даны памятные записки и наказы, которые стоитъ прочесть. Я также получилъ нѣкоторое награжденіе за милости и услуги, которыя я оказалъ имъ при царскомъ дворѣ.

Въ двухъ другихъ своихъ сочиненіяхъ Горсей, умалчивая о доносахъ Бауса, говоритъ:

В. Прибывъ ко двору королевы, я вручилъ царскія грамоты, которыя были милостиво приняты; мнѣ велѣно было ѣхать назадъ въ Россію и отвести царю и боярину Борису Федоровичу письма ея величе-

ства, содержавшія отвѣтъ на грамоты царя и просьбу о продолженіи дружбы и милости, которыя его отецъ оказывалъ Англійскимъ купцамъ. Лондонскіе купцы (Московскаго) общества также настоятельно просили меня ходатайствовать объ ихъ выгодахъ.

Отпущенный такимъ образомъ изъ Лондона моремъ, 20-го апрѣля 1586 г., я прибылъ въ Москву, гдѣ былъ весьма почетно принятъ.

П. Означенныя грамоты и порученія королеза изволила принять и по милостивомъ ихъ разсмотрѣніи ея величеству угодно было отправить обратно меня, слугу своего, съ подобными же грамотами, поздравленіями и пр.

Вслѣдъ затѣмъ я выѣхалъ съ большою прислугой пятого апрѣля и прибылъ въ Москву къ царскому двору пятого слѣдующаго іюня. Въ Москвѣ я былъ почетно принятъ царемъ и радостно привѣтствованъ бояриномъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ.

Р. Я выѣхалъ изъ Англійи хорошо снабженный, съ девятью хорошими купеческими кораблями, прибылъ въ пристань Св. Николая, проѣхалъ 1200 миль до Москвы и явился къ боярину-правителю, сдѣлавшемуся княземъ области Важской. Онъ радостно принялъ меня и, послѣ длиннаго разговора, провелъ меня заднимъ ходомъ къ царю. Царь казался радъ моему возвращенію, подчивалъ меня, старался меня веселить и потомъ отпустилъ. На другой день бояринъ правитель призвалъ меня, рассказалъ мнѣ много странныхъ происшествій и перемѣнъ, случившихся со времени моего отъѣзда изъ Москвы и которыя мнѣ грустно было слышать: родственники царицы-матери царевича Дмитрія умышляли злое и сносились съ нѣкоторыми другими боярами, которыхъ прежній царь, по завѣщанію своему, назначилъ товарищами (правителю) въ правленіи, но которыхъ сей послѣдній, увѣренный теперь въ своемъ могуществѣ и въ своей силѣ, не хотѣлъ допустить себѣ въ совмѣстники.— „Ты услышишь многое (сказалъ мнѣ бояринъ;)—вѣрь тому только, что я тебѣ скажу.“—Съ другой стороны я слышалъ большой ропотъ отъ многихъ бояръ. (Обѣ противныя стороны) скрывали свою (взаимную) ненависть съ большою осторожностію; но это не могло кончиться ничѣмъ хорошимъ. (Правитель) спросилъ меня: „когда пріѣдутъ твои подарки и товары?“—Я (отвѣчалъ, что) думаю, что скоро.

Меня призвали къ царю: онъ сидѣлъ на престолѣ въ присутствіи большей части членовъ своей Думы. Сказавъ сперва небольшую рѣчь съ исчисленіемъ его титуловъ, величія его царской державы, я, какъ дѣлаютъ прочіе посланники, вручилъ письменное изложеніе моего наказа и отвѣтныя грамоты ея Англійскаго величества царю; по принятіи ихъ, я былъ отпущенъ. У меня спросили о дарахъ, присланныхъ царю; я отвѣчалъ, что перевозка ихъ требуетъ много времени, вслѣдствіе чего велѣно было отправить дворянина съ 50-ю охотниками, чтобы всѣми средствами торопить привозъ ихъ по рѣкѣ Двинѣ.—Въ этотъ разъ меня похвалили за мою хорошую службу и за выполненіе царской воли и порученія о благополучномъ доставленіи королевы (вдовы) Магнусовой.

Богданъ Бѣльскій, главный любимецъ прежняго царя, былъ въ это время сосланъ въ опалу въ отдаленную крѣпость города Казани, какъ опасный заговорщикъ и какъ человѣкъ, старавшійся въ это смутное время посѣять мятежь между боярами.

Петръ Головинъ, главный казначей прежняго царя, человѣкъ знаменитый родомъ и мужествомъ, оказалъ дерзость и неуваженіе Борису Ѳедоровичу; его также сослали въ опалу, подъ наблюденіемъ Ивана Воейкова, любимца боярина-правителя; дорогою Головинъ былъ умерщвленъ.

Князь Иванъ Петровичъ (а не Васильевичъ) Шуйскій, первый между князьями царской крови, пользовавшійся большимъ уваженіемъ, могуществомъ и властію былъ главнымъ совмѣстникомъ (правителя) въ правленіи: онъ былъ опасенъ по своему неудовольствію и величію. Нашли предлогъ его обвинить: ему объявили царскую опалу и велѣли немедленно ѣхать изъ Москвы на покой. Онъ былъ схваченъ подъ стражу одного полковника и недалеко (отъ Москвы) задушенъ въ избѣ дымомъ зажженнаго мокраго сѣна и жнива.—Его смерть была всеми оплакана.

Такимъ образомъ уничтожились главныя причины опасенія для семейства Годуновыхъ; однако же еще много другихъ лицъ подверглись подозрѣнію и имѣли подобную участь. Мнѣ грустно было видѣть, какъ увеличивалась ненависть къ боярину-правителю въ тѣхъ, которые имѣли случай слишкомъ хорошо видѣть жестокость, которую онъ скрывалъ. Однажды онъ вышелъ задними воротами со мною и съ немногими другими, кромѣ своихъ сокольничихъ, смотрѣть на травлю журавлей, цаплей и дикихъ лебедей соколами ¹⁾. Къ нему подошелъ оборванный монахъ, который сказалъ ему, чтобы онъ скорѣе шелъ домой и что не все тѣ его друзья, которые приходятъ смотрѣть на его забаву. Въ это время около 500 молодыхъ дворянъ и придворныхъ служителей ѣхали верхами подъ предлогомъ сдѣлать ему почетную встрѣчу и проводить его въ городъ. Онъ объявилъ, что никто не долженъ знать, что онъ туда ѣдетъ и запретилъ итти за нимъ ²⁾; вслѣдъ за молодымъ соколомъ, спустившимся на птицу на другой сторонѣ рѣки, онъ переправился ближайшимъ путемъ и былъ у воротъ своего дома (замка) прежде, чѣмъ поѣздъ успѣлъ прибыть. Я видѣлъ, что бояринъ былъ встревоженъ и радъ тому, что благополучно возвратился во дворець; тамъ его ожидали епископы, бояре, дворяне и другіе просители съ своими челобитными; случалось, что просители эти по два и по три дня не могли дожидаться отъ него приема, потому что онъ обыкновенно проходилъ въ царскіе покои тайнымъ ходомъ. Я просилъ (правителя) оглянуться и показать-

¹⁾ „Травля тамошними отважными соколами—истинно царская забава, особенно когда ихъ всегда готово множество на выборъ и когда нечего заботиться о томъ, что птица ушибется или убьется“.

²⁾ Пропущено: „последовалъ совѣту монаха“. А. С.

ся на крыльцѣ: онъ сердито посмотрѣлъ на меня, какъ будто бы я давалъ ему худой совѣтъ, но потомъ одумался, подошелъ къ просителямъ, обнялъ многихъ изъ нихъ и принялъ ихъ челобитныя при громкихъ восклицаніяхъ: „Боже, храни здравіе Бориса Ѳедоровича!“—Онъ имъ сказалъ, что представить ихъ челобитныя царю:—„Ты нашъ царь, благороднѣйшій Борисъ Ѳедоровичъ! Скажи лишь слово и все будетъ слѣла-но!“—Я замѣтилъ, что слова эти были ему по сердцу, потому что онъ домогался престола.

Между тѣмъ (привезенные мною) дары и всѣ остальные предметы благополучно прибыли въ Москву.—Въ назначенный день я долженъ былъ вновь явиться предъ царемъ (въ качествѣ посланника) отъ ея величества, сопровождаемый знатнымъ чиновникомъ Петромъ Пивовымъ. Я имѣлъ подъ собой такого же хорошаго коня, какъ Пивовъ, и меня сопровождали двадцать слугъ, изъ которыхъ каждый несъ какой нибудь изъ моихъ даровъ; всѣ они были одѣты въ красивыя ливреи тамошняго покроя, потому что покрой этотъ болѣе нравится (русскимъ). Я ожидалъ въ приемной комнатѣ царскаго приглашенія. Между тѣмъ царь и царица изъ дворца смотрѣли въ окно на бульдоговъ и львовъ, приведенныхъ бирючемъ и его прислугою, за которыми шли болѣе пяти тысячъ любопытныхъ. (Сперва былъ приведенъ) прекрасный бѣлый быкъ, весь испещренный природными черными пятнами, съ зубомъ, висѣвшимъ по колѣна, съ золочеными приставными (?) рогами, въ вышитомъ зеленомъ бархатномъ ошейникѣ съ красными шнурами; его принудили стать на колѣна передъ царемъ и царицей; вставши онъ свирѣпо озирался на всѣ стороны; народъ его принялъ за какое то другое странное животное, называемое буйволоомъ. Потомъ двѣнадцать псарей привели двѣнадцать прекрасныхъ огромныхъ бульдоговъ, также украшенныхъ ошейниками, розами и пр. ¹⁾—Потомъ привезли двухъ львовъ въ клѣткахъ, поставленныхъ на салазки; при нихъ находился маленькій мальчикъ Татаринъ съ прутомъ въ рукѣ: они слушались его одного и не боялись никого другого. Ихъ поставили передъ дворцомъ на зрѣлище любопытнымъ.

Царь сѣлъ на свой престолъ.—Приступаемъ теперь къ описанію главнѣйшаго предмета—привѣтствій. Меня призвали, людей моихъ съ подарками поставили въ сторону.

„Благороднѣйшій, могущественнѣйшій и знаменитѣйшій царь Ѳедоръ Ивановичъ, царь всея Россіи, Володимирскій, Московскій, Казанскій, Астраханскій, Тверскій, Новагорода Великаго, Пермскій, Вятскій, Сибирскій, Кондинскій, Ярославскій, Нижегородскій, царь, государь и князь великій и пр. многихъ иныхъ областей! Ея наввысочайшее, наимогущественнѣйшее, далече препрославленное величество, королева Елизавета, Божіею милостію, королева Англійская, Французская и Ирландская, и королева многихъ иныхъ земель и княжествъ, защитница

¹⁾ Англ. roses правильнѣе перевести словомъ: банты, розетки. А. С.

христіанской католической вѣры, какъ другъ и сестра, посылаетъ свое цѣлованіе вашему царскому величеству, своему дражайшему и превозлюбленному брату. Она прислала вашему величеству свои поздравительныя грамоты, желая вашему царскому величеству вождельннаго здравія и благоденствія, дабы вы могли царствовать въ совершенномъ благополучіи, въ мирѣ и въ тишинѣ. Ея величество велѣли мнѣ, своему слугѣ и подданному, сказать вашему пресвѣтлому величеству, что она съ великой благодарностію получила ваши послѣднія грамоты къ ея величеству и что онѣ весьма пріятны ея величеству. Ея королевское (императорское?) величество съ величайшей готовностію принимаетъ содержащіяся въ нихъ предложенія и увѣренія вашей братской пріязни, удостовѣряетъ и обѣщается, что будетъ ненарушимо соблюдать въ отношеніи къ вашему царскому величеству тѣ же сестрины любовь и пріязнь, которыя имѣла доселѣ къ покойному царю Ивану Васильевичу, отцу вашего величества, преславной и преименитой памяти, на взаимныя отраду и удобство обѣихъ вашихъ державъ и вашихъ вѣрныхъ и любящихъ подданныхъ. О величайшій, могущественнѣйшій и знаменитѣйшій царь!“

Потомъ, сдѣлавъ низкій поклонъ, я сѣлъ въ сторонѣ, на небольшой скамьѣ, покрытой ковромъ. Царь съ благосклоннымъ видомъ сказалъ нѣсколько словъ; но канцлеръ пошепталъ ему на ухо, и онъ всталъ, снялъ свою шапку и сказалъ, что радъ слышать, что его любезная сестра Елизавета находится въ добромъ здоровьѣ. Затѣмъ я былъ отпущенъ и отведенъ домой тѣмъ же порядкомъ, какъ пришелъ. Вмѣстѣ съ грамотами я отдалъ особенную записку съ описью даровъ ¹⁾. Вслѣдъ за мною родственникъ боярина-правителя, Иванъ Чемодановъ, припесъ мнѣ 150 блюдъ съ разными кушаньями, напитки, хлѣбъ и пряности, посланные отъ царя для моего стола; ихъ несли ко мнѣ въ домъ по улицамъ 150 дворянъ. Я подарилъ главному дворянину (Чемоданову) платье алаго сукна, потчивалъ, пилъ и веселился, и наградилъ всѣхъ прочихъ (дворянъ).

На другой день разные дворяне, чиновники, священники и купцы, мои пріятели и знакомые, пришли, по своему обычаю, поздравить меня съ царскою милостію и пили, ѣли и веселились, покуда стало присланнаго царемъ угощенія. Правитель Борисъ Ѳедоровичъ провелъ цѣлый день въ пересмотрѣ драгоцѣнныхъ камней, цѣпей, жемчуговъ, блюдъ, золоченаго оружія, алебардъ, пистолетовъ и самопаловъ, бѣлыхъ, красныхъ и алыхъ бархатовъ и другихъ любопытныхъ и дорогихъ вещей, которыя я ему привезъ и до которыхъ онъ былъ большой охотникъ.

¹⁾ II. Передавъ грамоты и поклоны ея величества къ удовольствію обоихъ (царя и правителя), я былъ пожалованъ сотнею кушаній, посланныхъ ко мнѣ на серебряныхъ блюдахъ, съ разными сосудами винъ и другихъ тамошнихъ напитковъ; все это было прислано мнѣ на домъ съ бояриномъ (a duke) и сотнею прислужниковъ; я получилъ въ подарокъ прекрасный вышитый шатеръ, царскія одежды, красиваго коня, съ сѣдломъ и сбруей и двѣ тысячи фунтовъ

Царица, его сестра, приглашенная ихъ видѣть, особенно любовалась органами и клавикордами, которые были раззолочены и украшены фицифтью; никогда не видавъ и не слыхавъ ихъ, она была поражена и восхищена громкостью и музыкальностью ихъ звуковъ. Тысячи народа приходили стоять около дворца, чтобы ихъ послушать. Мои люди, которые играли на этихъ инструментахъ, были щедро награждены и допущены въ присутствіе такихъ лицъ, къ которымъ даже и я не всегда имѣлъ доступъ. Всѣ вещи чрезвычайно понравились, даже мой собственный портретъ былъ у меня взятъ, и правитель прислалъ мнѣ сполна цѣну всего, что составляло болѣе 4000 фунт.; кромѣ того его конюшій Иванъ Волковъ привелъ на выборъ мнѣ подъ сѣдло трехъ персидскихъ коней съ богатыми сѣдлами, сбруей и мечами; лошадь, которую я выбралъ, была оцѣнена въ 200 фунтовъ. Другой главный дворянинъ правителя, Михайло Кольцовъ, принесъ мнѣ отъ его величества три тысячи фунтовъ мелкихъ серебряныхъ монетъ, въ знакъ памяти и въ залогъ его милости и любви.—Принявъ все это и щедро наградивъ принесшихъ, я отпустилъ ихъ ¹⁾.

Видъ этихъ рѣдкостей, бульдоговъ, львовъ, органовъ, музыки и другія удовольствія были причиною, что бояринъ-правитель и его друзья безпрестанно обо мнѣ думали (и присылали мнѣ въ подарокъ) шитые золотомъ платки, полотенца, рубахи, балдахины, ковры, кушанья и разныя сласти. Благорасположеніе и милость ко мнѣ были столь велики, что многіе города, монастыри, приказы и чиновники, купцы русскіе и иностранные, получили, по моему ходатайству, разныя льготы, увольненіе отъ многихъ пошлинъ и налоговъ, привилегіи и прощенія, не оставивъ меня безъ благодарности и вознагражденія. Обстоятельства эти мало относятся къ нашему разсказу о состояніи Россіи, но изложены болѣе подробно и правдиво въ ихъ лѣтописяхъ.

Царь, или лучше сказать бояринъ-правитель, имѣя теперь безчиленныя и безпрестанно увеличивающіяся сокровища, не зналъ какъ употребить ихъ такъ, чтобы ознаменовать свою славу. Въ это время Персидскій шахъ былъ весьма угнетаемъ сильными войсками

деньгами. Въ слѣдующей статьѣ говорится о присылкѣ Горсею коня и трехъ (а не двухъ) тысячъ фунтовъ серебра. О присылкѣ одеждъ и шатра говорится далѣе при описаніи отъѣзда Горсея изъ Москвы. Ю. Т.

¹⁾ П. Кромѣ того, въ то время, какъ я велъ тамъ переговоры, благодаря особенной милости и дружбѣ, которыми я много пользовался отъ правителя, я имѣлъ къ нему свободный доступъ повсюду и во всякое время и употреблялъ оказываемую имъ мнѣ довѣренность слѣдующимъ образомъ: я исходатайствовалъ помилованіе многимъ бывшимъ въ опалѣ, свободу плѣнникамъ и заключеннымъ въ тюрьмы, прощеніе преступникамъ, пощаду и жизнь многимъ осужденнымъ, сложеніе налоговъ и взысканій, наложенныхъ на монастыри, города и области, войнами, лошадьми, припасами и деньгами, испрашивалъ для нихъ сохраненія и соблюденія ихъ жалованныхъ грамотъ и привилегій. Словомъ во всѣхъ моихъ разумныхъ просьбахъ, мнѣ стоило попросить правителя, чтобы онъ исполнилъ мою просьбу.

и ежегодными набѣгами Турокъ, которые отняли у него всю Мидію, Дербентъ, Шамаху, Бильдиль, Ардабиль и другія его богатѣйшія, лучшія и плодоноснѣйшія области, гнали его къ альпамъ т. е. къ горнымъ странамъ Персіи—Кашану, Таврису, Персеполю, Казбипу и пр., а также производили набѣги на дѣвственное непокоренное царство Грузинское по причинѣ его положенія, такъ какъ обитавшіе въ немъ христіане были окружены со всѣхъ сторонъ магометанскими и языческими странами. (Персидскій шахъ и царь Грузинскій) оба присылали къ царю и боярину-правителю нѣсколькихъ посланниковъ съ мольбами о помощи. Такъ какъ неудобно было послать войско столь далеко, черезъ Каспійское море, царь и правитель удовольствовались посылкою пачею взаимы шаху Персидскому подъ вѣрныхъ заложниковъ 200 тысячъ рублей на пять лѣтъ безъ роста, а царю Грузинскому 100 тысячъ марокъ стерлинговъ подъ залогъ его царства, съ отреченіемъ его отъ своего титула. Условіе это было утверждено торжественною грамотою, удостовѣренною уполномоченными обѣихъ державъ.—Но это было поводомъ къ раздору султана съ царемъ.

Борисъ Ѳеодоровичъ, мѣтя на болѣе самостоятельной и великій титулъ, отправилъ князя Ѳеодора (Ивановича) Хворостинина посланникомъ къ королю Датскому Фридриху договориться о скрѣпленіи союза и дружбы (бракомъ); но третій сынъ короля, герцогъ Іоаннъ и дочь правителя Марія были еще столь малолѣтны, что невозможно было ничто рѣшить. Также, чтобы показать свое величіе, Борисъ отправилъ посломъ къ Германскому императору Рудольфу (а не къ Максимилиану) извѣстнаго умомъ думнаго дьяка, Аѳанасія Мосолова (*Власьева?*), съ большою свитою и подарками. (Мосоловъ) переѣхалъ Двину, сѣлъ на Англійскій корабль у пристани Св. Николая, приѣхалъ въ Гамбургъ и Любекъ, гдѣ былъ хорошо принятъ и угощенъ; засталъ императора въ Прагѣ, вручилъ ему грамоты и дары, (состоявшіе изъ) бѣлыхъ соколовъ, двухъ красивыхъ персидскихъ ковровъ, двухъ цѣльныхъ кусковъ золотой парчи, четырехъ сороковъ дорогихъ черныхъ соболей, четырехъ черныхъ лисицъ, искусно отдѣланнаго золотого скипетра, и дорогую персидскую листовую броню. (Мосолову велѣно было) предложить дружеское императору и дому Австрійскому, твердый и вѣчный союзъ, изъявить готовность вмѣстѣ съ нимъ поднять оружіе противъ смертельнаго врага Христа и христіанъ—противъ Турокъ, вторгнувшихся въ то время въ Венгрію и въ другія части имперіи, съ предложеніемъ послать ему въ помощь 50 тысячъ храбрыхъ и опытныхъ конныхъ воиновъ, черезъ три мѣсяца по востребованіи съ тѣмъ только, чтобы императоръ исходатайствовалъ у Стефана Баторія, короля Польскаго, свободный и безпрепятственный пропускъ этого войска черезъ его владѣнія. Посланника этого очень чествовали; его предложенія были приняты съ большимъ удовольствіемъ, ему былъ сдѣланъ торжественный пріемъ и его отпустили съ большимъ почетомъ. Однако же король Польскій не согласился впустить въ свое королевство такое войско своихъ враговъ, Мо-

сквитянъ, и императоръ послалъ (къ царю) своего посланника съ дарами, (состоявшими изъ) красивыхъ коней, нѣмецкихъ часовъ и пр., и, (объявляемъ, что) дабы испытать предложенное дружество и воспользоваться имъ, онъ желаетъ занять у царя 300 тысячъ рублей, что составляетъ 900 тысячъ талеровъ. Но царь и Борисъ потребовали заложниковъ и ручательства Фридриха, короля Датскаго, и это пышное предложеніе осталось безъ всякихъ послѣдствій, кромѣ насмѣшекъ и злобы султана и Крымскаго хана; сего послѣдняго султанъ напустилъ на тылъ Москвитянъ съ такимъ огромнымъ войскомъ, что царь Московскій издержалъ много казны и потерялъ много людей. Пользуясь случаемъ, Поляки и Шведы съ общаго согласія въ одно время вторгнулись въ (принадлежавшія) имъ (прежде) земли, (чтобы возстановить) свои прежнія границы и въ это смутное время завоевали обратно все то, что передъ тѣмъ было у нихъ отнято прежнимъ царемъ Иваномъ.

Другое Русское войско было тогда занято покореніемъ Сибири, гдѣ русскія владѣнія были много расширены и откуда былъ присланъ въ Москву царь Сибирскій Чигликъ Алотъ (Chiglicke Alothé) ¹⁾ съ своею матерью и съ своими лучшими дворянами или мурзами, какъ они тамъ называются. Я видѣлъ въ Москвѣ, какъ онъ дѣлалъ своимъ оружіемъ много странныхъ пріемовъ, верхомъ на конѣ и пѣшкомъ, по обычаю своего народа; я также слышалъ отъ него, что въ его странѣ есть нѣсколько Англичанъ или по крайней мѣрѣ, людей такой же наружности какъ я, которые только за два года передъ тѣмъ были взяты съ кораблемъ, пушками, порохомъ и другими богатствами, въ плаваніе свое по рѣкѣ Оби для отысканія сѣверо-восточнаго пути въ Китай.

Нѣсколько Шведскихъ солдатъ бѣжали оттуда и пришли въ Москву служить царю; между ними былъ нѣкто Гавріиль Эльфингстонъ, храбрый Шотландскій капитанъ, которой принесъ мнѣ рекомендательныя письма о себѣ и о шести другихъ Шотландцахъ, бывшихъ солдатами въ его ротѣ, отъ полковника Стюарта, служившаго королю Датскому. Всѣ они не имѣли ни денегъ, ни платья; они просили меня оказать имъ милость, доставивъ имъ службу и удовлетворивъ ихъ нуждамъ. Я далъ Эльфингстону и его товарищамъ 300 талеровъ изъ моего кошелька, снабдилъ ихъ платьемъ и купилъ имъ пистолеты и мечи; когда они были посланы на службу, то ихъ предпочли Шведскимъ солдатамъ, которые пришли вмѣстѣ съ ними. Я доставилъ капитану Эльфингстону начальство надъ ними всѣми, съ назначеніемъ имъ жалованья, лошадей, дачи корма и питья. Нѣсколько времени они вели себя хорошо; но не могли ни уплатить мнѣ (долга), ни вознаградить меня до сего дня, какъ видно изъ ихъ писемъ.

---

¹⁾ Вѣроятно князь *Сейдякъ*, присланный въ Москву въ 1588 году воеводой Чулковымъ (см. прим. стр. 32); съ нимъ были взяты въ плѣнъ царевичъ Казачей орды Салтанъ (царевичъ Киргизскій Уразъ Магметъ), *дульный Татаринъ*, царя Кучума, мурза Карача и 500 человекъ. Ю. Т.

Въ это время составился тайный заговоръ между дворянствомъ (съ цѣлью) свергнуть правителя, разрушить всѣ его замыслы и его величіе; онъ не посмѣлъ явно обнаружить этотъ заговоръ, но окружилъ себя хорошей стражей.—Быль (также) открытъ замыселъ отравить и извести юнаго царевича Дмитрія, третьяго сына прежняго царя, его мать и всѣхъ его свойственниковъ и приверженцевъ съ ихъ семействами, которые содержались подъ строгимъ присмотромъ въ отдаленномъ городѣ Угличѣ.

Равнымъ образомъ дядя нынѣшняго царя, Никита Романовичъ ¹⁾, крѣпкій, мужественный бояринъ, уважаемый и любимый всѣми, былъ околдованъ и внезапно лишился языка и разсудка; однако же онъ жилъ нѣсколько времени, но правитель сказалъ миѣ, что онъ не проживетъ долго. Сына его, двоюроднаго брата царя, Ѳедора Никитича (Романова) ²⁾ принудили жениться на прислужницѣ своей сестры ³⁾, жены князя Бориса (Канбулатовича) Черкаскаго; онъ имѣлъ отъ нея сына ⁴⁾, о которомъ услышите болѣе въ послѣдствіи. Вскорѣ послѣ смерти своего отца, Ѳедоръ Никитичъ, опасный своимъ величіемъ, любовью къ нему народа и доброю своею славою, былъ постриженъ въ монахи и, несмотря на молодость, сдѣланъ архіепископомъ Ростовскимъ ⁵⁾. Второй его братъ не менѣе великодушный, по имени Александръ Никитичъ, не могъ долѣе скрывать своего неудовольствія: онъ нашелъ случай ранить кинжаломъ правителя, впрочемъ, не столь опасно, какъ бы хотѣлъ и бѣжалъ въ Польшу ⁶⁾, гдѣ, вмѣстѣ съ Богданомъ Бѣльскимъ ⁷⁾, главнымъ любим-

¹⁾ Никита Романовичъ прежнимъ царемъ былъ назначенъ *третьимъ* изъ бояръ съ Борисомъ Ѳедоровичемъ (въ верховную Думу); по сей послѣдній не хотѣлъ никого допустить до правленія и, какъ я уже сказалъ, извелъ двухъ другихъ первыхъ бояръ. Горсей говоритъ выше о ссылкѣ Б. Я. Бѣльскаго и о смерти князя И. П. Шуйскаго, *второго* изъ бояръ, упомянутыхъ въ завѣщаніи царя Ивана Васильевича; но умалчиваетъ о смерти *перваго*, князя Ѳедора Ивановича Мстиславскаго, неволею постриженнаго въ 1586 году и въ томъ же году умершаго въ Бѣлозерскомъ Кирилловскомъ монастырѣ. Ю. Т.

²⁾ „Этотъ прекрасный молодой бояринъ подавалъ большія надежды. Я написалъ для него, какъ могъ лучше, Славянскими буквами Латинскую грамматику, которая доставила ему много удовольствія“.

³⁾ Супруга Ѳедора (Филарета) Никитича была дворянка Ксенія Ивановна Шестова, въ послѣдствіи царица-инокиня Марѳа. Ю. Т.

⁴⁾ Царя Михаила Ѳедоровича Романова.

⁵⁾ Ѳедоръ Никитичъ былъ постриженъ въ юнѣ 1601 г., уже при Борисѣ, 16 лѣтъ послѣ смерти своего отца, а въ митрополиты Ростовскіе поставленъ въ 1605 г., при лжеДмитріи, 28 лѣтъ послѣ Ливонской войны 1577 г., въ которой его младшій братъ Александръ былъ кравчимъ и воеводою, слѣдовательно уже не въ первой молодости.

⁶⁾ Извѣстіе это невѣрно: Александру Никитичу въ 1598 г., при самомъ воцареніи Бориса, было сказано боярство. Онъ былъ сосланъ только въ 1601 году, при общей опалѣ Романовыхъ, въ Усолье Луду, къ Бѣлому морю, гдѣ вскорѣ умеръ.

⁷⁾ Также несправедливо: Бѣльскій въ 1584 г., при воцареніи Ѳедора, былъ удаленъ въ Казань только для усмиренія мятежной толпы, которая требовала его головы; въ 1591 г. онъ уже вновь былъ при дворѣ; при воцареніи Бориса (1598 г.) пожалованъ въ окольничіи и подвергся опалѣ только въ 1600 году.

цемъ прежняго царя, чрезвычайно разбогатѣвшимъ, и съ другими, находившимися какъ тамъ (въ Польшѣ), такъ и въ Россіи, лицами не только замышлялъ конечную погибель Бориса Ѳедоровича и всего его семейства, но и раззореніе и ниспроверженіе всего государства, какъ вы услышите и прочтѣте въ послѣдствіи

Пора, однакоже, возвратиться къ нашему предмету и къ возложеннымъ на меня переговорамъ ¹⁾).

II. Мнѣ было велѣно письменно изложить мои требованія. Въ этомъ случаѣ, какъ можно усмотрѣть, благородный бояринъ (правитель) оказалъ мнѣ свою великую любовь и особенную милость и (даже давалъ мнѣ) тайныя наставленія:

1) Во-первыхъ, прощены были 500 фун., которые оставались въ долгу царю за обществомъ за пошлины прежнихъ лѣтъ.

2) Потомъ прощены были 350 фунт., которые ихъ прикащикъ далъ слово заплатить на постройку новой стѣны около Москвы.

---

¹⁾ „P. Между тѣмъ я не оставался празднымъ и исходатайствовалъ для торговаго общества:

освобожденіе его конторъ въ Москвѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ и въ пристани Св. Николая, которыя были опечатаны, вслѣдствіе наложенныхъ на нихъ огромныхъ пеней по неудовольствіямъ, (происшедшимъ) отъ дурнаго поведенія сэра Еремѣя Бауса;

прошеніе тысячи рублей, наложенныхъ на общество по случаю построенія новой стѣны около Москвы, на которую всѣ иностранцы и купцы должны были платить;

прекращеніе иска Московскихъ купцовъ на обществѣ въ 30 тысячахъ рубляхъ, должныхъ однимъ изъ прикащиковъ общества Антономъ Маршемъ (Antony Marsh), котораго поддерживали нѣкоторые изъ знатныхъ совѣтниковъ и чиновниковъ;

уплату 2000 рублей, давно и безнадежно должныхъ царемъ за мѣдь, свинецъ и другіе товары;

освобожденіе Ивана Капелля (Capell) и возвратъ находившихся у него на рукахъ товаровъ общества на 3 тыс. фун., захваченныхъ во время его опалы подъ предлогомъ, что онъ Любекскій купецъ;

заемъ изъ царской казны 4 тыс. рублей для купцовъ, посылающихъ въ Псковъ за льномъ, до тѣхъ поръ пока они успѣютъ распродать свои товары;

заемъ у боярина-правителя также для нихъ, безъ роста, 5 тыс. рублей. Онъ предлагалъ, въ случаѣ нужды, также безъ роста отпустить изъ своей казны еще 10 тыс. фунтовъ;

выдачу мнѣ на руки для отвоза въ Англію всѣхъ незаконно, безъ дозволенія общества, торговавшихъ въ этихъ странахъ купцовъ: ихъ было 29;

прошеніе пошлины, слѣдовавшей царю за этотъ годъ за всѣ товары общества и составлявшей 2 тыс. рублей.

Я испросилъ у царя привилегіи для общества вести торгъ и мѣну во всѣхъ его земляхъ рѣкою Волгою и Каспійскимъ моремъ въ Персію, безо всякихъ пошлинъ и платежей.

Я испросилъ и получилъ отъ царя, за царской печатью, привилегію обществу Англійскихъ купцовъ вести торгъ и мѣну во всѣхъ его владѣніяхъ, свободно и безъ платежа какихъ либо пошлинъ и налоговъ съ своихъ товаровъ, какъ привозныхъ, такъ и отвозныхъ, со всѣми выгодами и удобствами, которыя я только самъ могъ придумать и написать.

3) Также прощены были обществу 500 фунт., которые были присуждены взыскать съ онаго за таковую же сумму, занятую въ Ярославль у царскихъ чиновниковъ прикащикомъ общества, негодяемъ, по имени Антономъ Маршемъ, который сдѣлался несостоятеленъ.

4) Одинъ изъ старшинъ общества, Иванъ Чапель (Charple), бывший въ опалѣ царской, получилъ прощеніе и свободу; и тысяча марокъ деньгами были уплачены обществу изъ царской казны.

5) Безнадежный долгъ 370 фунт., слѣдовавшій за многіе года съ канцлера Щелкалова, былъ насильно съ него взысканъ и уплаченъ обществу.

6) Другой безнадежный долгъ въ 460 фунт., взятыхъ нѣкоторыми чиновниками за многіе года передъ симъ отъ имени царя, былъ выплаченъ обществу изъ царской казны.

7) Нѣкто Юрій Вислоухъ (Yorse Vislough?), подчиненный Щелкалова, былъ много лѣтъ долженъ обществу 350 фунт.; его наказаніемъ принудили уплатить эти деньги обществу.

8) Общество было освобождено отъ слѣдовавшихъ съ него въ царскую казну разныхъ платежей за свои долги въ Вологдѣ и въ Холмогорахъ.

9) Такъ какъ общество много терѣло отъ злоупотребленій царскихъ чиновниковъ и во многихъ городахъ, гдѣ торговало, не могло добиться правосудія, довѣренный дворянинъ былъ посланъ по всему государству съ указомъ лучше съ ними поступать.

10) Всѣ незаконно торговавшіе и скитавшіеся по государству Англичане были собраны и назначены къ высылкѣ.

11) Общество было освобождено отъ уплаты болѣе чѣмъ тысячи фунтовъ, слѣдовавшихъ царю пошлинъ за этотъ годъ.

12) Бояринъ Борисъ далъ займы обществу изъ царской казны 5 тыс. фунтовъ денегъ, безъ всякаго роста, настолько времени, сколько обществу будетъ нужно.

13) Наконецъ помянутому обществу пожалована была царемъ, во уваженіе ея величества (королевы) и въ утвержденіе заключеннаго дружественнаго союза, особенно важная грамота, доставлявшая обществу всѣ выгоды, которыя только могли быть придуманы правителемъ и мною; (ею дозволялось обществу) вести торговлю и мѣну во всѣхъ владѣніяхъ царя, не платя никакихъ пошлинъ. Грамоту эту я испросилъ послѣ многихъ споровъ съ канцлеромъ Щелкаловымъ, который, такъ какъ ему поручено было ее написать, подъ разными лукавыми и хитрыми уловками, будто бы изъ желанія прибыли казнѣ, старался уменьшить выгоды, ею дарованныя.

В. Для выгоды купцовъ, я достигъ исполненія всѣхъ ихъ просьбъ, благодаря особенному расположенію благороднаго боярина Бориса Ѳедоровича, который всегда оказывалъ мнѣ особенную дружбу ¹⁾.

¹⁾ Р. Никогда никакой посланникъ не могъ до того времени испросить ничего подобнаго, хотя бы истратилъ тысячи, чтобы получить подобную привилегію: она была скрѣплена и утверждена и вручена мнѣ торжественно бояриномъ-правителемъ въ присутствіи всѣхъ бояръ и чиновниковъ и въ тоже время обнародована по всему государству,

Испросивъ привилегію купеческому обществу, я былъ снова отправленъ царемъ къ государынь моей, королевѣ Англійской. Въ знакъ своего уваженія и благорасположенія къ королевѣ, бояринъ Борисъ послалъ со мной къ ея величеству истинно царскіе дары, (состоявшіе изъ) горностаевыхъ и рысьихъ мѣховъ, золотой парчи и другихъ дорогихъ предметовъ. Такъ что общество Англійскихъ купцовъ, кромѣ благодарности ея величеству, обязано также своими особенными выгодами моимъ стараніямъ, ибо я доставилъ ему такія преимущества, которыя за двадцать лѣтъ передъ тѣмъ оно не могло получить.

Р. Правитель переслалъ сокровища въ Соловецкій монастырь, который стоитъ на сѣверномъ берегу моря, близъ предѣловъ Даніи и Швеци. Онъ имѣлъ въ виду, чтобы они были тамъ въ готовности для переезда въ Англію, которую онъ считалъ безопаснѣйшимъ мѣстомъ для убѣжища и храненія въ случаѣ, если бы необходимость принудила его (бѣжать изъ Россіи). Всѣ эти сокровища его собственныя, ничто изъ нихъ не принадлежитъ казнѣ, и, по ихъ огромной цѣнности, для Англіи было бы чрезвычайно выгодно имѣть ихъ у себя на храненіи. Но онъ еще сомнѣвался, желая вступить въ союзъ съ Даніей, чтобы имѣть опору въ дружбѣ и въ могуществѣ (сей державы). Ни онъ, ни его (приближенные) не могли удержать этого намѣренія въ тайнѣ; объ немъ прошелъ слухъ и старинное дворянство стало подозрѣвать меня, а такъ какъ бояре и епископы завидовали милости, (которою я пользовался), они перестали оказывать мнѣ прежнее ласковое и дружеское расположеніе. Поэтому я спѣшилъ окончить, какъ можно скорѣе, мои дѣла и, исполнивъ и исходатайствовавъ все и даже болѣе чѣмъ то, что поручено было и чего можно было отъ меня ожидать, по наказамъ и наставленіямъ, мнѣ даннымъ, какъ отъ совѣта (королевы), такъ и отъ общества торгующихъ въ тѣхъ странахъ купцовъ, я въ назначенное время получилъ грамоты царя и былъ почетно отпущенъ съ дозволеніемъ ѣхать.

Р. Мнѣ вручили богатые подарки для королевы отъ царя и въ особенности отъ Бориса Ѳеодоровича; мнѣ даны были многочисленные заказы достать многія дорогія вещи и исполнить нѣкоторыя тайныя порученія. Правитель прислалъ мнѣ рѣдкостное платье изъ серебряной парчи, искусно вытканное въ Персіи безъ швовъ, оно было очень цѣнно, но не правилось мнѣ; красивый вышитый шатеръ, тканые платки, рубахи и полотенца, его близкій родственникъ, Семень Чемодановъ, принесъ мнѣ отъ имени Маріи Ѳеодоровны ¹⁾ золотой и серебряной бити; сорокъ отличныхъ соболей, множество самыхъ отборныхъ разныхъ соколовъ съ людьми для доставки ихъ до моря.

На прощаніе я просилъ двухъ милостей, которые были: *во-первыхъ* освобожденіе и отпущъ всѣхъ Лифляндцевъ, мушницъ, женщинъ, вдовъ и дѣтей, съ ихъ семействами, сосланныхъ въ опалу въ Нижній Новго-

¹⁾ Царицы матери царевича Дмитрія? Ю. Т.

родъ, пустынное мѣсто въ 500 миляхъ разстоянія отъ Москвы; гдѣ, какъ видно изъ ихъ писемъ и прошенія, они были въ ужасномъ положеніи и въ плачевной нищетѣ. Сдѣланъ былъ списокъ всѣмъ ихъ именамъ. Немедленно былъ отправленъ Михайло Кольцовъ къ воеводѣ съ царскимъ приказомъ ихъ освободить. Радость ихъ сердець при ихъ освобожденіи, ихъ благодарственныя слезы и моленія..., все это можно видѣть въ посланныхъ ими вслѣдъ за мною ихъ письмахъ, доселѣ (мною) сохраненныхъ и которыя стоить прочесть. (*Во вторыхъ*): освобожденіе и отпускъ сына одного Гельдернскаго дворянина, господина Захарія Глизендергта, главнаго начальника всей иностранной (наемной) конницы царской; дворянинъ этотъ умеръ въ плѣну, и его 10-ти-лѣтній сынъ и наслѣдникъ не былъ отпущенъ на выкупъ несмотря на ходатайство Датскихъ (государственныхъ) чиновъ и короля. Онъ былъ отданъ мнѣ на руки и отправленъ съ моимъ слугою Иваномъ Фризомъ къ своей матери Маргаритѣ де Феглерсъ. Джильсъ Гофманъ и Антонъ фонъ Цельманъ ¹⁾ послали мнѣ тысячу рейхсталеровъ и хорошо наградили моего слугу.

По окончаніи моихъ переговоровъ и по наступленіи времени моего отъѣзда, я получилъ царскія грамоты, богатые царскіе подарки для ея величества. Отпускъ мой соотвѣтствовалъ моему содержанію какъ со стороны царя, такъ и отъ правителя и прочихъ князей и бояръ; я былъ отпущенъ такъ милостиво и съ такими почестями, какъ не бывалъ никакой посланникъ.

Р. Изъ Москвы я выѣхалъ съ большимъ почетомъ: въ провозатые мнѣ данъ былъ дворянинъ, по имени Аванасій Савера, съ 70 телѣгами, чтобы везти мою поклажу на 40 ямскихъ лошадахъ, собственно для меня и для моихъ спутниковъ (не считая моихъ собственныхъ коней); отъ Москвы до Вологды, 500 миль сухимъ путемъ я ѣхалъ небольшими переѣздами, разбивая (на дневкахъ) палатки; на дорогѣ мнѣ приготавливали обѣдъ и ужинъ и всякіе припасы. Въ Вологдѣ воевода князь Михайло Долгорукой пріѣхалъ ко мнѣ съ большой свитой привѣтствовать меня съ царской милостію. Онъ велѣлъ приготовить мнѣ два большіе судна или дощаника съ кормчими и 50 гребцами для плаванія моего по рѣкѣ Двинѣ, на протяженіи тысячи миль. Передо мной на легкой лодкѣ ѣхалъ мой приставъ, чтобы заготовлять мнѣ во всѣхъ городахъ, гдѣ я останавливался, кушанье, питье и гребцовъ, его сопровождалъ мой слуга для наблюденія, чтобы онъ не бралъ лишняго и не дѣлалъ бы злоупотребленій ²⁾.

1) „Которые были заложниками“, вѣроятно: „которые обязались выкупить этого мальчика“. Ю. Т.

2) В. Такъ какъ я былъ особенно почетно провожаемъ при посылкѣ меня царемъ, то расскажу здѣсь какимъ образомъ я ѣхалъ изъ Москвы. Мнѣ давали, во все продолженіе моего длиннаго пути, большое количество лошадей для меня самаго и для моихъ людей, съѣстные и всякіе другіе нужные припасы. На протяженіи 500 миль отъ Москвы до Вологды, въ каждомъ городѣ мнѣ от-

Такимъ образомъ ¹⁾ я пріѣхалъ къ монастырю и крѣпости Архангельску, гдѣ у воротъ былъ встрѣченъ воеводой княземъ Василиемъ Звенигородскимъ съ 300 стрѣльцами, въ честь моего пріѣзда онъ велѣлъ имъ стрѣлять изъ своихъ пицалей и палить изъ всѣхъ крѣпостныхъ орудій; равнымъ образомъ, по его приказанію, передъ моимъ выѣздомъ всѣ тамъ стоявшіе Голландскіе и Французскіе корабли также дали залпъ изъ своихъ пушекъ. На слѣдующій день онъ угощалъ меня; привелъ меня къ своей баркѣ, далъ мнѣ 50 человѣкъ гребцовъ и 100 стрѣльцовъ, которые въ небольшихъ лодкахъ должны были провожать меня до Розоваго острова, всячески чествовалъ меня (наряженный въ своемъ золотомъ кафтанѣ), сказалъ, что царь письменно приказалъ ему это дѣлать, простился со мной и просилъ меня свидѣтельствовать передъ Борисомъ Ѳедоровичемъ объ его услугахъ. Такъ какъ Розовый островъ былъ въ 30 миляхъ, то онъ пріѣхалъ со мной туда на нѣсколько часовъ; тамъ я былъ встрѣченъ Англійскими старшинами, агентомъ и купцами. Стрѣльцы вышли на берегъ прежде меня, стали въ ряды и выпалили изъ своихъ пицалей; корабли, слыша это, также выпалили изъ нѣкоторыхъ изъ своихъ пушекъ. Стрѣльцовъ и гребцовъ угостили виномъ у дверей погреба и въ ту же ночь отослали обратно въ крѣпость. На другой день монахи (обитатели) Св. Николая принесли мнѣ въ подарокъ свѣжихъ лососей, ржаныхъ хлѣбовъ, кубки и крашенныя блюда. На третій день послѣ моего пріѣзда, воевода прислалъ ко мнѣ чиновника, капитана Заблока Завору, который вручилъ мнѣ списокъ съ милостиваго наказа, даннаго ему относительно меня царемъ и Борисомъ Ѳедоровичемъ. Онъ далъ мнѣ слѣдующіе припасы ²⁾: 20 живыхъ

пускали на счетъ царя обильное содержаніе. Въ каждомъ городѣ вдоль по рѣкѣ Двинѣ, на протяженіи тысячи миль, царскіе чиновники заготовляли новые съѣстные припасы.

¹⁾ В. Когда я прибылъ къ новой крѣпости, называемой Архангельскъ, я былъ, согласно съ приказомъ царя, принять въ крѣпость воеводой, княземъ Василиемъ Андреевичемъ Звенигородскимъ; въ крѣпости стрѣльцы, по ихъ обычаю, были выстроены въ рядахъ, и мнѣ былъ данъ торжественный праздникъ. Оттуда я отправился, обильно снабженный съѣстными и другими припасами, на воеводиной баркѣ, на которой гребли сто гребцовъ; сто стрѣльцовъ со дворяниномъ, начальникомъ своимъ, провожали меня на другихъ лодкахъ. Когда я проѣзжалъ мимо того мѣста, гдѣ стояли Англійскіе, Голландскіе и Французскіе корабли, стрѣльцы выпалили изъ своихъ ружей, и корабли также дали залпъ изъ 46 орудій. Такимъ образомъ я прибылъ въ помѣщеніе, отведенное мнѣ въ Англійскомъ домѣ на Розовомъ островѣ.

²⁾ В. Въ заключеніе милостей царя и Бориса Ѳедоровича ко мнѣ, на другой день мнѣ прислали съ дворяниномъ и капитаномъ слѣдующіе припасы на время моего переѣзда моремъ: 16 живыхъ быковъ, 70 овецъ, 600 куръ, 25 окороковъ, 80 кулей муки, 600 хлѣбовъ, 2000 яицъ, 10 гусей, 2 журавлей, 2 лебедей, 65 галенковъ меда, 40 галенковъ водки, 60 галенковъ пива, 3 медвѣжатъ, 4 соколовъ, запасъ лука и чеснока, 10 свѣжихъ лососей и дикаго кабана.

Всѣ эти вещи были привезены чиновникомъ отъ царя и другимъ чиновникомъ отъ боярина Бориса Ѳедоровича и были приняты моимъ слугою Иваномъ Фризомъ.

быковъ и воловъ, 70 живыхъ овецъ, 600 куръ, 40 окороковъ, 60 кулей муки, 100 хлѣбовъ, 2000 яицъ, 100 галенковъ меда, 40 галенковъ водки, 200 галенковъ пива, 2 дойныхъ коровъ, 2 козъ, запасы лука и чеснока и 10 свѣжихъ дососей.

Эти припасы были принесены четырьмя дюжими носильщиками, множествомъ водоносовъ и другихъ людей, которые были отпущены, какъ слѣдуетъ.

Я былъ радъ немного отдохнуть и сталъ перечитывать милостивое письмо, которымъ меня почтила королева, наказъ почтеннѣйшаго тайнаго совѣта ея величества, частныя письма членовъ онаго, наказы (торговаго) общества и многія другія памятныя записки моихъ пріятелей. Всѣ эти бумаги я сохранилъ до сего дня на свое утѣшеніе и на чтеніе моему потомству послѣ меня. Я провелъ нѣсколько времени въ увеселеніи (торговыхъ) старшинъ и купцовъ разными бывшими при мнѣ забавами: музыкой, пляшущими медвѣдями, игрой на дудкахъ, барабанахъ и трубахъ; угощалъ ихъ и щедро подѣлился съ ними моими припасами. Между тѣмъ я успѣшно отправилъ довѣреннаго служителя Замятина ко двору, къ Борису Федоровичу и къ другимъ боярамъ и саповникамъ съ моими письмами и покорными благодареніями за всѣ эти милости. Отъ него (Бориса) я получилъ милостивѣйшія письма ¹⁾ и новые подарки съ г-номъ Францискомъ Черри (который привезъ мнѣ) цѣльный кусокъ золотой парчи на платье, чтобы я ее носилъ на память Бориса Федоровича, и одинъ сорокъ хорошихъ соболей на подбивку его. Если кому угодно видѣть эти письма, ихъ стоитъ посмотрѣть и прочесть, какъ по ихъ наружному виду, такъ и по ихъ слогу.

Р. Послѣ всего этого хорошо снабженный и готовый (къ отъѣзду) я съ своими спутниками сѣлъ на большой корабль Центурионъ на другой день послѣ Св. Варѣоломея ²⁾ и ровно черезъ пять недѣль пріѣхалъ съ ними въ Тинмусъ ³⁾ въ Нортумберландъ; оттуда съ четырьмя слугами въ четыре дня я пріѣхалъ черезъ Йоркъ въ Лондонъ и явился ко двору въ Ричмондъ.

Стараніями лорда казначея и тогдашняго г-на (государственнаго) секретаря сэра Франциска Уэльсингэма, я былъ представленъ королевѣ; имѣлъ аудіенцію, вручилъ грамоты и привилегіи царя, дарованныя под-

¹⁾ В. Я также получилъ почетное письмо и подарокъ, присланные мнѣ бояриномъ Борисомъ съ Англичаниномъ, г-номъ Францискомъ Черри; подарокъ этотъ состоялъ изъ цѣлой половинки богатой золотой парчи и красивой пары соболей.—Здѣсь оканчивается Горсеево „Описаніе царскаго вѣнчанія“ и пр. (см. стр. 47). Статью эту онъ заключаетъ словами: „этотъ господинъ (т. е. самъ Горсей) замѣтилъ много другихъ странныхъ предметовъ въ этихъ странахъ и замѣчанія его въ послѣдствіи, если Богу угодно, въ болѣе способное и свободное время появятся въ свѣтъ“.

²⁾ Св. Варѣоломея по Англійскому календарю 25-го августа.

³⁾ Горсей пріѣхалъ въ Тинмусъ 30 сентября 1587 года. *Примѣчаніе Англ. издателя.*

даннымъ ея величества, какъ залогъ братской любви царя къ короле-
вѣ ¹⁾. Я далъ отчетъ въ данныхъ мнѣ порученіяхъ, о которыхъ ея ве-
личеству угодно было распросить меня весьма подробно въ милостивыхъ
выраженіяхъ и съ благосклоннымъ видомъ; послѣ чего ея величество
похвалила г-ну секретарю Уэльсингэму мое хорошее поведеніе и отпу-
стила меня на этотъ разъ.

Нѣсколько недѣль спустя, когда грамоты и привилегіи были пере-
ведены ²⁾ и прочтены королевѣ, она сказала: „Право, лорды, подарокъ
государя Московскаго истинно царскій и купцы этого не стоятъ ³⁾, но
я надѣюсь, что они лучше поступятъ съ моимъ слугою, Еремѣемъ Гор-
сеемъ, и лучше его наградятъ. Прошу васъ наблюсти за этимъ, (приба-
вила она), обращаясь къ лорду-казначею и къ г-ну секретарю. Потомъ
она приказала мнѣ стать около нея на колѣна, разсматривала въ гра-
мотахъ очертаніе буквъ, нѣсколько сходное съ Греческимъ, спрашивала
меня: не имѣютъ ли такія то буквы и знаки такого то значенія; ска-
зала: „я могла бы скоро выучиться этому языку“. Просила лорда Эс-
секса выучиться прекраснѣйшему и обильнѣйшему нарѣчію въ мірѣ.
Въ послѣдствіи его превосходительство очень любилъ этотъ языкъ и на-
ходилъ въ немъ удовольствіе, когда это (занятіе) не стоило ему труда и
не отнимало болѣе времени, чѣмъ сколько онъ могъ на него употре-
бить.

Корабли благополучно прибыли въ Лондонъ; мои подарки и запа-
сы были выгружены. Я испросилъ новую аудіенцію и былъ призванъ
въ Гриничъ. При мнѣ были двѣнадцать хорошо одѣтыхъ слугъ и про-
возжатыхъ, чтобы нести мои подарки; противъ моего желанія, ея ве-
личество приказала г-ну Геприху Сакфильду (Sackfield) провести ихъ зад-
нимъ ходомъ. Я вошелъ въ пріемную комнату, гдѣ сидѣла ея величе-
ство; при ней находились графъ Эссексъ, лордъ-казначей, сэръ Тома
Гинеджъ (Heanedge), сэръ Уальтеръ Ралей (Rawly т. е. Raleigh) и
др., лэди маркиза (the lady Marques), лэди Уарвикъ (Warwicke) и другія
лэди. Я вручилъ мои грамоты отъ боярина Бориса Ѳеодоровича, (изъяс-
нивъ) его санъ, передавъ его дружелюбныя и покорнѣйшія предложенія
услугъ и сказавъ, что онъ желаетъ служить ея императорскому и священ-
нѣйшему величеству предпочтительнѣе, чѣмъ кому либо изъ всѣхъ госуда-
рей и властителей въ мірѣ. (Королева сказала): „если этотъ князь столь
знаменитъ въ рѣчахъ, чего же должно ожидать отъ его грамотъ? Про-
шу ихъ распечатать: прочтите ихъ г-нъ секретарь?“ На это сей послѣд-
ній отвѣчалъ: „позвольте доложить вашему величеству, что нужно
время, чтобы ихъ перевести; я поручу (переводъ) ихъ тому, кто ихъ

¹⁾ II. По пріѣздѣ моемъ ко двору, который находился тогда въ Ричмондѣ, ея величество самымъ благосклоннымъ образомъ приняла отчетъ, который я отдалъ въ моемъ посольствѣ, и также изволила принять привилегіи и царскіе подарки, врученные мною ея величеству.

²⁾ „Онѣ были за золотыми печатями съ изображеніемъ парящихъ орловъ“.

³⁾ „Королева весьма гнѣвалась на купцовъ по причинѣ жалобъ сэра Ере-
мѣя Бауса и тяжбъ и распрей (возникшихъ) между ними“.

привезъ“. Тогда ея величество спросила подарки: они были принесены въ галерею. Королева приказала нѣкоторымъ (изъ присутствовавшихъ) остаться (въ комнатѣ) или уйти, боясь, чтобы они не выпросили (чего нибудь для себя). Я подавалъ ея величеству подарки: она дотрогивалась до каждаго своей рукой. Я подалъ четыре куска персидской золотой парчи и два цѣльные куска серебряной парчи необыкновенной работы, огромную богатую мантию бѣлаго штофа съ изображеніемъ солнца въ полномъ сіяніи, золотые и серебряные лучи его были вытканы самыми яркими цвѣтами, серебряные и золотые шелки, которые, для показанія ихъ красоты, были уложены въ гладь; большой прекрасный турецкій коверъ, четыре сорока очень богатыхъ, черныхъ соболей, шесть бѣлыхъ съ пятнами пушистыхъ рысѣхъ мѣховъ, двѣ бѣлыя горностаевыя шубы. Королева даже воспотѣла, перебирая золотую парчу, а въ особенности богатые соболя и другіе мѣха; она приказала двумъ своимъ горничнымъ г-жѣ Скадморъ (Skidmor) и г-жа Ретклифъ (Ratcliff) съ помощію г-на Ивана Стенгопа (Stanhope) уложить всѣ эти вещи въ кладовую ея величества. (Потомъ королева) смотрѣла изъ окна на двухъ бѣлыхъ кречетовъ, на ловчихъ соколовъ и на двухъ ястребовъ; приказала лорду Кумберланду и сэру Генриху Ли (Lee) взять ихъ на свое попеченіе и на свой отвѣтъ. Ея величество подняла руку и сказала, что это истинно рѣдкій и царскій подарокъ, поблагодарила меня и отпустила.

Я просилъ г-на вице-камергера, чтобы Лондонскіе купцы оцѣнили мѣха, суконники—золотую парчу, а лордъ Кумберландъ и сэръ Генрихъ Ли сказали бы цѣну птицъ для охоты.

Письма и привилегіи были переведены ¹⁾. Сэръ Роландъ Гейвардъ, сэръ Егоръ Барнъ, сэръ Иванъ Гартъ и г-нъ пріемщикъ Смиль, вмѣстѣ съ другими главными старшинами и купцами, получили свои привилегіи; причемъ имъ дано было строгое, хотя и милостивое наставленіе. Они очень меня чествовали и сдѣлали мнѣ дружескій пріемъ. Я замѣтилъ между ними раздоръ и видѣлъ старанія изъ подъ руки болѣе о частныхъ выгодахъ и прибыляхъ, чѣмъ объ общественномъ благѣ, такъ что ихъ несогласія и дурное завѣдываніе своею торговлею, какъ въ Англіи, такъ и въ чужихъ краяхъ помѣшало имъ воспользоваться льготами и преимуществами этой важной и милостивой привилегіи, а тѣмъ еще менѣе сохранить ее.

II. Королева также изволила щедро меня наградить за мои труды и старанія въ этомъ дѣлѣ.

Р. Мнѣ надоѣло кропленіе придворной воды, какъ мой почтенный, добрый пріятель, сэръ Францискъ Уэльсингэмъ, называлъ лъстивыя рѣчи и привѣтствія; мнѣ хотѣлось удалиться, чтобы вести жизнь болѣе безо-

¹⁾ II. Ея величеству угодно было самой объявить знаменитому обществу купцовъ, ея вѣрныхъ подданныхъ и всѣмъ торгующимъ въ тѣхъ странахъ, означенныя привилегіи, повелѣвая и предупреждая своимъ королевскимъ словомъ, чтобы они разумно соблюдали сіи привилегіи, исполняли и сохранили ихъ, по ихъ важности.

пасную, уединенную и спокойную, чѣмъ въ теченіи предшествовавшихъ семнадцати лѣтъ, которыя я провелъ среди опасностей, ужасовъ и безпокойствъ, проживая мой доходъ и гораздо болѣе того, чѣмъ сколько бы прожилъ разсудительный и умѣренный человѣкъ, который заботится о будущемъ. Я вознамѣрился основаться и собрать въ одно все свое бѣдное имущество и для того взять изъ рукъ общества мой капиталъ съ прибылями и барышами.

Вѣроятно по поводу этого расчета съ обществомъ, Горсей подвергся разнымъ обвиненіямъ, которыя побудили его уѣхать скрытно въ Россію, откуда онъ, въ 1588 году, былъ вытребованъ Англійскимъ правительствомъ и отосланъ назадъ въ Англію съ Елизаветинымъ посломъ докторомъ Флетчеромъ. Обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ Горсей умалчиваетъ въ своихъ сочиненіяхъ; единственный находящійся въ нихъ намекъ о его бытности въ Россіи въ 1588 году заключается въ слѣдующихъ двухъ статьяхъ.

II. Около двухъ лѣтъ спустя, помнится, былъ присланъ отъ царя къ ея величеству гонецъ ¹⁾ (съ объясненіями) относительно неудовольствій, происшедшихъ по поводу одного негодяя—Антоня Марша, который, въ бытность свою прикащикомъ купцовъ общества, занялъ за ихъ счетъ у дворянъ, купцовъ и другихъ подданныхъ царя около 20 тысячъ фунтовъ, истратилъ и промоталъ ихъ. Въ послѣдствіи деньги эти весьма неосновательно были взыскиваемы съ общества, и Маршъ былъ подкупленъ канцлеромъ Щелкаловымъ, чтобы вести искъ противъ общества.

Также въ 1588 году былъ посланъ отъ ея величества къ царю д-ръ Флетчеръ ²⁾. Прежнее благорасположеніе боярина Бориса въ это время много измѣнилось, какъ видно было по его дурному обращенію съ обществомъ, а также по дурному приему, сдѣланному д-ру Флетчеру. Я самъ въ это время былъ въ немилости у царя по поводу совершенно ложнаго доноса моего слуги, Фомы Устенэма; онъ влюбился въ одну Ливонскую дворянку и, чтобы сдѣлаться свободными, вмѣстѣ съ извѣстнымъ негодяемъ этой страны Щелкаловымъ, врагомъ ея величества и ея подданныхъ, оклеветалъ меня, будто бы я у себя за столомъ говорилъ о царѣ такія скверныя слова, которыя непристойно произнести. Объ этомъ было донесено совѣту, составленному изъ членовъ царскаго семейства (Годуновыхъ?); мнѣ сдѣланъ былъ строгій выговоръ, и на меня принесена была жестокая жалоба ея величеству. Вышеупомянутый Устенэмъ за этотъ доносъ былъ награжденъ землями и жалованьемъ, женился на означенной дворянкѣ, но скоро получилъ заслуженное наказаніе. Въ самой Москвѣ, на улицахъ онъ былъ осмѣянъ, битъ и заколоченъ всѣми проходящими и наконецъ умеръ въ самомъ несчастномъ положеніи. Однакоже, по необходимости, ея величеству было угод-

¹⁾ Регинальдъ (Елизаръ) *Бекманъ* поѣхалъ къ Елизаветѣ въ іюнѣ 1588 года, а возвратился въ іюль 1589. *Ю. Т.*

²⁾ Онъ пріѣхалъ въ Москву 25 ноября 1588 г., а выѣхалъ въ августъ 1589. *Ю. Т.*

но вновь послать меня къ царю и къ боярину правителю съ своими письмами и порученіями.

Р. Ея величеству и ея совѣту угодно было дать мнѣ порученіе болѣе трудное и болѣе опасное, чѣмъ какое либо изъ тѣхъ, которыя были прежде на меня возлагаемы ¹⁾).

Однажды королева завела серьезный разговоръ о бояринѣ правителѣ Борисѣ Ѳедоровичѣ, объ его величии и правленіи, о царицѣ и о бояринѣ, супругѣ его; спрашивала о разныхъ предметахъ и изъявила желаніе имѣть одно изъ ихъ (царицы и боярыни) самыхъ пышныхъ платьевъ ²⁾); (также говорила о томъ) какимъ искуснымъ политическимъ дѣйствіемъ можно склонить этого боярина, чтобы онъ исполнилъ свое намѣреніе и перевелъ свои сокровища на храненіе въ Англію ³⁾). На это я отвѣчалъ, что желалъ бы сохранить это въ тайнѣ, потому что нѣкоторыя другія тайныя порученія, на меня возложенныя, будучи разглашены не по моей винѣ, достигли ушей боярина и царицы и подали поводъ къ разнымъ неудовольствіямъ и неприятностямъ ⁴⁾), такъ что нѣсколько гонцовъ, а именно: Бекманъ, Крау и Гарляндъ, были нарочно присланы узнать, какое дѣйствіе имѣли эти слухи, отъ кого и какимъ образомъ они были распушены. Это повело къ большимъ неудовольствіямъ и причинило много неприятностей мнѣ и другимъ важнымъ лицамъ; о нихъ не слѣдуетъ говорить, а тѣмъ менѣе писать. Между прочими (клеветниками) да проститъ Богъ сэру Еремью Баусу. „Если такъ,“ сказала королева, „то намъ угодно, чтобы это дѣло было лучше разобрано и дознано.“—„Нѣтъ, умоляю васъ! Если ваше величество ожидаетъ хорошаго успѣха отъ моего посольства, предайте это дѣло молчанію и не поднимайте его вновь“.

Въ это время Фридрихъ, король Датскій, наложилъ въ своемъ Зундѣ и Копенгагенѣ запрещеніе на корабли и на товары Англійскихъ

¹⁾ „Это сдѣлано было единственно по причинѣ достигнутыхъ мною въ теченіи семнадцати лѣтъ опытности и познанія языковъ; нѣкоторыми изъ нихъ я хорошо владѣлъ, другіе же, какъ то Персидскій, Греческій, Польскій и Нѣмецкій зналъ только отчасти, по разговорамъ съ посланниками, дворянами и купцами. По желанію г-на секретаря Уэльсингема, который хотѣлъ знать взаимную ихъ разницу и произношеніе, я написалъ ему (нѣсколько реченій на разныхъ языкахъ)“.

По славянски: . . . . (приводится фраза, которая воспроизведена въ статьѣ Ю. Толстого, помѣщенной въ „Отечественныхъ Запискахъ“).

По польски: *Wozia da vachinins Coorovia malascova moia pana.*

По нѣмецки: *Der hemmell ys hoth und de erde doep averst der h^o.*

По персидски: *Sollum alica. Barracalla. Shonam cardash, alica so.*

По ливонски: *Cusha casha keil sop sull yu umaluma dobrofta. A. C.*

²⁾ „Что обошлось моему кошельку дороже, чѣмъ сколько я за него получилъ“.

³⁾ „Слишкомъ поздно“, приписываетъ Горсей на полѣ своей рукописи.

⁴⁾ Горсей очевидно намекаетъ на распросы свои относительно леченія безчадія царицы Ирины. Разглашенія этого тайнаго порученія его слѣдуетъ, кажется, приписать самой Елизаветѣ, которая приказала торговому обществу пріискать и отправить къ царицѣ повивальную бабу. Ю. Т.

купцовъ за неправильное внесеніе ими своихъ платевъ и товаровъ въ его таможду, чрезъ что все подверглось конфискаціи на его благоусмотрѣніе. Купцы просили королеву письменно требовать вознагражденія ихъ за убытки. О такихъ же письмахъ къ королю Польскому ходатайствовали купцы, торгующіе на Балтійскомъ морѣ по причинѣ разныхъ обидъ и несправедливостей, претерпѣнныхъ ими отъ его подданныхъ. Желая мнѣ возвышенія и добра, г-нъ секретарь думалъ, что я могу устроить все это проѣздомъ къ царю Московскому, (тѣмъ болѣе, что) мнѣ было назначено на моемъ пути заѣхать въ Кельнъ, куда созванъ былъ имперскій сеймъ, и проводить въ Германію сэра Горація Паллавичино и г-на де Френа ¹⁾, посла короля Французскаго (и Наваррскаго, Генриха 4-го). Я хорошо, какъ слѣдуетъ, изготовился къ отъѣзду. Мнѣ назначено было по сорока шиллинговъ въ день; даны были открытые листы и вѣрительныя грамоты для проѣзда чрезъ разныя государства и страны, а также всякаго рода наказы и наставленія. Королева дала мнѣ небольшую стклянку съ нѣкоторымъ количествомъ цѣлительнаго бальзама, полученнаго ею отъ сэра Франциска Дрэка, какъ весьма драгоцѣнное и вѣрное (лекарство) противъ яда и ушибовъ. Королева дала мнѣ также портретъ своего величества, вырѣзанный на прекрасномъ голубомъ сапфирѣ, (въ вознагражденіе) за разныя очень дорогіе Московскіе платки, наволоки, полотенца и т. п., богато вытканые изъ золотой и серебряной (биты) и изъ персидскихъ шелковъ; портретъ этотъ она просила меня носить на память о ея ко мнѣ милости. Я поцѣловалъ ея руки и простился.

Р. Одинъ ²⁾ изъ кораблей ея величества былъ назначенъ для сэра Горація Паллавичино и для Французскаго посланника; другой, по имени „Карль“, для меня съ товарищами. Я приѣхалъ въ Линцъ. Совѣтъ (королевы) былъ извѣщенъ, что входъ въ эту гавань опасенъ для королевинныхъ кораблей; поэтому намъ велѣно было сѣсть на корабли въ Ярмусъ. Дорогой мы заѣхали въ Кембриджъ по желанію Французскаго посла, но вопреки желанію сэра Горація; въ Кембриджѣ намъ былъ

1) Sir Orazio Pallavicino т. е. Sir Orazio Pallavicino, Генуэзецъ протестантъ, поселившійся въ Англіи, былъ усерднѣйшимъ агентомъ королевы Елизаветы въ собраніи и перевозѣ денегъ въ Германію и Нидерланды для вспоможенія протестантской партіи.

Monzer de Grezen, д. б. Philippe de Canaye, sieur de Fresne, Филиппъ де Канэ, владѣлецъ де Френъ, Французъ-протестантъ, былъ употребленъ Генрихомъ 4-мъ въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Англіей и Германіей. Въ 1589 г. онъ былъ присланъ королемъ въ Англію вмѣстѣ съ Иваномъ де ла Фень (Jean de la Fin, seigneur de Beauvoir de la Nocle). *Примѣч. Англ. издателя.*

2) П. Въ апрѣлѣ 1589 (д. б. 1590) года, получивъ въ Гриничѣ отъ ея величества мои наказы и мой отпускъ, я сѣлъ на одинъ изъ королевинныхъ кораблей, по имени „Карль“, который назначенъ былъ взять меня съ товарищами въ Ярмусъ и высадить меня въ Штаденъ.

Но, во выходѣ нашемъ въ море, благодаря неистукству шкипера, противный вѣтеръ загналъ насъ между двухъ опасныхъ мелей на Фрисландскомъ

сдѣланъ очень ученый пріемъ ¹⁾. Черезъ Норичъ мы пріѣхали въ Ирмусть, гдѣ будучи задержаны нѣсколько времени противными вѣтрами, были весьма учтиво приняты тамошними горожанами и сосѣдними дворянами. Между двумя посланниками было нѣкоторое несогласіе: одинъ былъ чрезмѣрно гордъ, другой бралъ надъ нимъ верхъ своимъ дипломатическимъ званіемъ ²⁾; я старался помирить ихъ, опасаясь, (чтобы это несогласіе) не помѣшало успѣху дѣла, по которому оба они были посланы. (Между тѣмъ) погода сдѣлалась благопріятна для нашего плаванія; мы отправились—они по своему порученію, а я по моему; но какъ я, такъ и они подверглись опасности быть выброшенными бурей на Эмденскій берегъ къ Штадену, куда мы наконецъ прибыли.

II ³⁾. Мнѣ оставалось до Эмдена около 30 миль и я былъ очень упорно преслѣдованъ бродягами солдатами, находившимися въ засадѣ; благодаря попутному вѣтру и (скорому ходу) нашей лодки, мы прибыли къ Эмденскимъ стѣнамъ прежде ихъ. Насъ подняли посредствомъ вѣрота черезъ стѣны, такъ какъ вѣрота съ этой стороны города были завалены. Я обратился къ Эмденскому графу съ просьбой дать мнѣ стражу для безопаснаго проѣзда черезъ его землю и предъявилъ ему грамоты и открытый листъ ея величества; ему угодно было назначить двадцать хорошо вооруженныхъ всадниковъ, чтобы проводить меня черезъ самыя опасныя мѣста до Бремена.

P ⁴⁾. Узнавъ корабли королевы по ихъ вооруженію и флагамъ, какъ жители города (Штадена), такъ и Англійскіе купцы сдѣлали намъ хорошій пріемъ, отвели каждому изъ насъ хорошее помѣщеніе, снабдили насъ винами, свѣжими съѣстными припасами и привѣтствовали рѣчами.

Изъ Штадена Паллавичино и де Френъ отправились къ герцогу Саксонскому и къ прочимъ имперскимъ принцамъ, главнымъ союзникамъ королевы, а я направился на Кельнъ. Пріѣхавъ въ Гамбургъ, я приказалъ своему слугѣ Ивану Фризу рано утромъ наклеить на двери

берегъ; поднялась буря, и корабль нашъ до того наполнился водою, что мы принуждены были очистить нашу палубу и побросать въ море канаты, орудія и тому подобные предметы; однакоже цѣлую ночь мы не имѣли никакой надежды спасти нашъ корабль и нашу жизнь. Многіе погибли не далеко отъ насъ. Мнѣ удалось пересѣсть въ Эмденскую лодку, оставивъ корабль и людей въ великой опасности.

¹⁾ „he and wee wear verie academicallie enterteined“, „онъ и мы были очень академически угощены“, вѣроятно: привѣтствованы рѣчами преподавателей и учениковъ. Ю. Т.

²⁾ Такъ, кажется, слѣдуетъ понимать выраженіе Горсея: „the other, takes advantage by pollacie“ — т. е. „по политикѣ“; — ибо Паллавичино былъ только агентомъ королевы Елизаветы, а де Френъ — посланникомъ короля Генриха 4-го. Ю. Т.

³⁾ Р. Сэръ Горацій и Французскій посланникъ едва спаслись отъ шайки бродягъ, которая ожидала ихъ близъ женскаго монастыря около Вуктогау (Wucktohow) и хотѣла взять съ нихъ окупъ.

⁴⁾ II. По пріѣздѣ моемъ въ Штаденъ, туда благополучно прибылъ корабль королевы.

городовой ратуши объявленіе на Латинскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ о томъ, что ея величество королева Англійская запрещаетъ какъ Гамбургъ, такъ и всѣмъ прочимъ Ганзейскимъ и приморскимъ городамъ, провозить въ Испанію черезъ Британскій каналъ какіе бы то ни было съѣстные припасы, зерновой хлѣбъ, военные снаряды, порохъ, канаты и иной какой такелажъ и морскія снасти, подъ опасеніемъ ихъ конфискаціи. Изъ Гамбурга я поспѣшно проѣхалъ 10 миль до Любека, гдѣ я вручилъ подобное объявленіе бургомистру, который началъ браниться, говоря, что они (Любчане) будутъ провозить свои грузы наперекоръ могуществу Англійской королевы ¹⁾.

Оттуда ²⁾ черезъ Липсвикъ (Lipswicke) я пріѣхалъ въ Кельнъ, гдѣ назначено было сейму собраться; но сеймъ этотъ не состоялся по невозможности имперскихъ принцевъ съѣхаться: епископъ Трирскій былъ боленъ; епископъ Майнцскій, Пфальцграфъ, герцоги Саксонскій и Бранденбургскій и другіе не пріѣхали. Согласно съ моимъ наказомъ, я отправилъ нарочнаго гонца, г-на Парвиса, увѣдомить королеву и совѣтъ, что сеймъ отложенъ на три года (и будетъ созванъ) въ Регенсбургъ; вслѣдствіе чего былъ оставленъ выѣздъ (изъ Англии) сэра Эдуарда Дейера, назначеннаго посланникомъ отъ ея величества. Любопытно однакоже было посмотрѣть на остальныхъ принцевъ, кардиналовъ, посланниковъ, на ихъ свиты, людей и запасы, которые были собраны тамъ (въ Кельнѣ).

Посланникъ королевы, сэръ Горацій Паллавичино, и посолъ короля Наваррскаго, г-нъ де Френъ вели переговоры съ герцогами Саксонскимъ, Бранденбургскимъ и нѣкоторыми другими имперскими принцами, прося ихъ послать восемь тысячъ Швейцарцевъ въ помощь королю Генриху 4-му для овладѣнія Французской короной, которую его подданные оспаривали у него. Принцы эти не сочли ни во что (просьбу) короля Французскаго и его посла; но изъ любви и уваженія къ ея Англійскому величеству и по ея поручительству въ уплатѣ (имъ денегъ за сіе войско), они согласились послать въ помощь королю Наваррскому восемь тысячъ опытныхъ солдатъ, изъ коихъ четыре тысячи были набраны и отправлены въ четырнадцать дней. Это было сдѣлано благодаря стараніямъ и кредиту сэра Горація Паллавичино: женившись на дочери Джильса Гофмана, онъ, посредствомъ сего послѣдняго, Антона Ансельмана и другихъ тамошнихъ значительныхъ купцовъ, занялъ подъ заемныя письма въ Франкфуртѣ, Штаденѣ и Гамбургѣ 20 тысячъ фунтовъ стерлинговъ, которые были употреблены на наборъ и снаряженіе этихъ Швейцарцевъ. (Между тѣмъ) Французскій король прислалъ свое-

¹⁾ „За что они и заплатились“—приписано на полѣ рукописи Горсея.

²⁾ П. Я намѣревался отправиться въ Кельнъ, по приказанію г-на секретаря Уэльсингэма, чтобы собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ имперскихъ принцевъ на сеймѣ, который долженъ былъ тамъ собраться; но дорогою узналъ что созваніе ихъ отложено. Послѣ чего я поѣхалъ черезъ Германію и второго мая прибылъ къ Польскому двору въ Варшаву.

му посланнику письма, съ тѣмъ, чтобы де Фрэнъ объявилъ тѣмъ изъ имперскихъ принцевъ, которые не хотятъ вѣрить ему, что прежде всего онъ считаетъ себя обязаннымъ своей любезной сестрѣ, ея Англійскому величеству; что онъ имѣеть въ готовности четыре тысячи Швейцарцевъ, что еще семь тысячъ охочихъ воиновъ присланы ему королевой Англійской, подъ предводительствомъ благороднаго начальника, лорда Виллоби; что съ этими силами и съ безчисленными толпами людей и приверженцевъ, ежедневно присоединяющихся къ его войску, онъ не только будетъ имѣть средства принудить къ миру своихъ враговъ внутри Франціи, но даже будетъ въ скоромъ времени готовъ осадить стѣны самого Рима; что, дабы не тратить денегъ на наборъ остальныхъ четырехъ тысячъ Швейцарцевъ, онъ можетъ ихъ распустить.

Однакоже я долженъ оставить эти дѣла тѣмъ, кому они поручены, и снова приняться за свои скучныя путешествія и за свой дневникъ.

Я поѣхалъ назадъ на Висмаръ и Ростокъ въ Мекленбургѣ, переправился моремъ въ Эльсенеръ, оттуда въ Копенгагенъ. Тамъ Датскій канцлеръ Рамеліусъ представилъ меня Фридриху (2-му) королю Датскому. Я вручилъ королю грамоты королевы и сказалъ рѣчь, не въ торжественной аудіенціи. Онъ поцѣловалъ меня.—Я поклонился ему до земли ¹⁾.—Онъ спросилъ меня о здоровьѣ своей любезной сестры, королевы. „При отъѣздѣ моемъ ея величество была здорова, чего желала и вашему величеству“. Я былъ отпущенъ и меня отвели въ мои покои въ домѣ Фридриха Лейеля. Король прислалъ ко мнѣ одного изъ своихъ докладчиковъ, Фридриха фанъ Варда, чтобы узнать: имѣю ли я что-нибудь сказать сверхъ содержащагося въ письмахъ королевы. Я сказалъ ему: „да, имѣю, если его величеству угодно будетъ назначить мнѣ для сего аудіенцію“.

Въ Копенгагенѣ былъ (тогда) прекрасный человѣкъ, нѣкто сэръ Андрей Кизсъ (sir Andrew Keith), посланникъ короля Шотландскаго, пользовавшійся большимъ уваженіемъ; онъ жилъ въ домѣ возлѣ моего. Сначала я смотрѣлъ на него непріязненно; (но) онъ познакомился со мной и показалъ мнѣ дружбу. Онъ сказалъ мнѣ, что уже рѣшено, что мнѣ отвѣчать, и что король сердится на королеву за то, что она, противъ ожиданія, неохотно согласилась на бракъ его дочери (Анны) съ королемъ (Яковомъ 6-мъ) ²⁾. Призванный (къ королю), я сказалъ его величеству какія только могъ придумать пріятнѣйшія для него привѣтствія. „Наша сестра, ея Англійское величество, требуетъ отъ насъ слишкомъ большой жертвы. Мы имѣемъ въ рукахъ 30 тысячъ фунтовъ (стерлинговъ) неустойки, слѣдующей въ нашу казну за мошенничество ея подданныхъ, которые своими обманами не только лишили нашу тамож-

¹⁾ Слово въ слово: „я положилъ свою руку на его щиколку“.

²⁾ Въ то время королемъ Шотландскимъ, вполслѣдствіи королемъ Англійскимъ подъ именемъ Якова 1-го. Ю. Т.

ню нѣсколькихъ тысячъ (фуптовъ), прощенныхъ имъ прежде изъ любви и искренняго дружелюбія нашего къ ея величеству, но еще побудили, къ чрезвычайному ущербу нашему, и другіе народы слѣдовать ихъ примѣру. Наше доброе расположеніе и желаніе продолжать прежній союзъ и дружество (съ королевой) наскучили ея адмиралу и ея казначею, и они не только оскорбляли насъ, но даже въ послѣднее время захватили у нашихъ подданныхъ разные корабли и товары потому единственно, что (корабли эти) для торговли плыли чрезъ Британскій проливъ, и наши подданные не могутъ получить ни вознагражденія, ни самыхъ кораблей и товаровъ. Относительно другой статьи (письма королевы),—ежедневной платы 100 розанныхъ побелей ¹⁾, эта плата есть ничто иное, какъ признаніе нашего права (владѣнія Зундомъ); это дань, которую всегда признавали и платили предки ея величества нашимъ предшественникамъ, владѣтелямъ и королямъ Норвегіи и всего прилежащаго (къ Норвегіи) океана; она была еще недавно, но зрѣломъ разсужденіи и по порученію ея величества подтверждена посланникомъ ея, Гербертомъ, и мы намѣрены пользоваться ею и не утратить ея. Таковъ отвѣтъ, который мы рѣшились дать на письма ея величества, любезной сестры нашей. (Теперь) вы видите—поздно и (вамъ) нѣтъ времени на возраженія. Если вы хотите, я назначу чиновниковъ принять ихъ (отъ васъ), но думаю, что возражать нечего“. Было уже за полдень. „Въ настоящее время я не стану утруждать вашего королевскаго терпѣнія возраженіями, такъ какъ вашему величеству угодно назначить чиновниковъ для принятія ихъ, что, впрочемъ, весьма неудобно. Прошу только ваше величество дать ея величеству письменный отвѣтъ“. Онъ сдѣлалъ мнѣ небольшой поклонъ и отвернулся, а я пошелъ домой къ обѣду, хотя нѣкоторые его слова отбили у меня охоту ѣсть ²⁾.

На другой день за мной прислали. Датскій канцлеръ, два докладчика и секретарь ожидали меня въ большой комнатѣ, красиво обитой, какъ мнѣ показалось, штофомъ. При мнѣ были только одинъ дворянинъ, мои слуги и четыре или пять купцовъ, давшихъ мнѣ наставленія.

„Милостивые государи! Его величеству не угодно выслушать меня; но, такъ какъ я присланъ не для соблюденія церемоній, а для переговоровъ о дѣлѣ, то, мнѣ помнится, изустный отвѣтъ его величества на двѣ статьи, содержащіяся въ письмѣ ея величества, былъ таковъ...“—и я, на память, въ точности его повторилъ. „На третью статью, которую его величеству угодно было прибавить и изложить съ большимъ умомъ и краснорѣчіемъ, я могу объясниться не иначе, какъ обсудивъ статью эту съ вами, ибо для отвѣта и для возраженія на нее достаточно истины, изложенной въ письмахъ ея величества. Не стану защищать вины

¹⁾ „Rose nobles. Нобель—тогдашняя Англійская монета съ изображеніемъ геральдическаго цвѣтка Англій розана. Ю. Т.

²⁾ Слово въ слово: „дома ждалъ меня обѣдъ; но мнѣ очень не по вкусу пришлось переварить нѣкоторые слова“.

купцовъ, которыя названы мошенничествомъ. Если они обвинены справедливо, то они готовы дать отвѣтъ и доказать свои показанія, что ими сдѣлано (только) то, что, съ вѣдома и дозволенія таможенныхъ чиновниковъ, дѣлалось всегда съ тѣхъ поръ, какъ эта насильственная пошлина на нихъ наложена. Списокъ количества и сортовъ ихъ суконъ былъ вѣренъ, не были включены только куски, обвертывавшіе каждый тюкъ; однакоже (вѣрность этого списка) по недоразумѣнію или по какому то неудовольствію подвергнута нынѣ подозрѣнію. Купцы, (полагаясь на) прочность дружбы и союза, существующихъ (между Англіей и Даніей), могли надѣяться, что, если они провинились не болѣе другихъ народовъ передъ подданными могущественнаго государя, который прощаетъ ту же вину другимъ, то ихъ корабли, подобно кораблямъ сихъ послѣднихъ, не подвергнутся задержанію ¹⁾. Понесенныя ими убытки, лишеніе ихъ (за это время) рынка и задержаніе въ торговлѣ, свободной для всѣхъ прочихъ, не только подвергли ихъ не вознаградимымъ потерямъ, но послужили для нихъ болѣе, чѣмъ достаточнымъ наказаніемъ, если даже они и провинились. Такъ какъ они невинны, то необходимость можетъ принудить ихъ прибѣгнуть къ какимъ-нибудь другимъ мѣрамъ. Но королева проситъ для нихъ только того правосудія, которое его величество оказываетъ безъ исключенія всѣмъ прочимъ. Что касается другой статьи, мнѣ велѣно объявить, что г-ну Герберту, послѣднему посланнику ея величества, не было дано наказа соглашаться на то, чтобы подданные ея величества, торгующіе въ моряхъ Сѣвернаго океана, платили ежегодно 100 розанныхъ нобелей; что право на подобную дань не можетъ быть признано, что она никогда не была платима предками ея величества предшественникамъ короля и что ни въ преданіяхъ, ни въ исторіи, ни въ лѣтописяхъ ни о чемъ подобномъ не упоминается. Когда подданные ея величества промышляютъ рыбною ловлею или торговлею въ одномъ изъ городовъ короля, въ Норбергравѣ, Дронтегемѣ или Вардгуусѣ на Датскихъ берегахъ, они имѣютъ платить одинакія подати съ прочими народами, которые не обложены никакими подобными налогами, а тѣмъ менѣе данью. Я опасаюсь даже, что самое слово *дань* произведетъ дурное впечатлѣніе и потому рѣшительно прошу не требовать ея и не настаивать на ней ²⁾. Что касается задержанія лордомъ казначеемъ и лордомъ адмираломъ Англіи кораблей и товаровъ, принадлежащихъ подданнымъ его Датскаго величества, то обстоятельство это не имѣетъ ничего общаго съ другими; но между прочимъ, милостивые государи, скажу, что ея Англійское величество всегда

¹⁾ Таковъ, повидимому смыслъ подлинника, весьма темнаго и, кажется, неполнаго въ этомъ мѣстѣ: „if other nacions have offended, they might, presume upon so firm amitie and league professed, snbjectsto so mightie a prince as dothe retribute the like tofarf noe worss then they, not qustioned at allithe steyof their shipsand of noe other nacions“.

²⁾ На полѣ приписано Горсеемъ: „это слово было приписано недоразумѣнію“.

заботилась о томъ, чтобы не дать никакого повода къ неудовольствію его Датскому величеству. Король можетъ быть напрасно гнѣвается. Задержанные корабли, хотя и проходили черезъ Зундъ, суть корабли Ганзейскихъ городовъ, отдаленныхъ отъ Датскихъ владѣній: (они шли) изъ Любека, Штетина, Данцига, Кенигсберга къ врагамъ ея величества съ грузомъ боевыхъ снарядовъ, пороха, канатовъ и сѣстныхъ припасовъ, которые запрещено провозить чрезъ принадлежащій королевѣ проливъ; точно также, безъ сомнѣнія, и король запретилъ бы поданнымъ ея величества и другимъ народамъ провозить (подобные грузы) чрезъ Зундъ и Балтійскія моря къ его непріятелю королю Шведскому, съ которымъ онъ находится въ такой же постоянной враждѣ, какъ Англія съ Шотландіей. Можетъ быть, нѣкоторые изъ подданныхъ короля, изъ собственныхъ видовъ, представили это обстоятельство не въ настоящемъ свѣтѣ, такъ какъ между Англіей и Даніей существуютъ столь прочный союзъ и дружба. Но пусть (капитаны задержанныхъ кораблей) докажутъ противное своими грамотами или накладными и нѣтъ сомнѣнія, что имъ будетъ оказано правосудіе, и будутъ возвращены (ихъ корабли и товары). О! не допустите, чтобы злоумышленники, которые нарочно возбудили эти недоразумѣнія, разстроили и разрушили древній союзъ сихъ двухъ великихъ державъ и подали поводъ къ воспрепятствованію поданнымъ ея величества проходить чрезъ моря океана, которыя, также какъ и Британскій каналъ, состоятъ, какъ извѣстно, въ единственномъ владѣніи королевы и суть источникъ доходовъ Великобританіи. До сего дня не было никакого удовлетворенія за нападенія и оскорбленія, претерпѣнные отъ вашего адмирала, Ивана Вольфа, поданными ея величества, промышлявшими рыбой и масломъ на сѣверныхъ берегахъ (Даніи): онъ насильственно отнималъ у нихъ жизненные припасы, паруса, канаты, якоря; безо всякаго милосердія оставлялъ ихъ на вѣрную смерть среди морей. Слуги и корабельные мастера ея величества были сманиваемы (въ Данію), чтобы учредить вашъ флотъ на англійскій образецъ. (Вспомните), сколько какъ мѣдныхъ, такъ и чугунныхъ орудій, ружей и другихъ снарядовъ было вывезено изъ владѣній королевы (въ Данію) во время самыхъ жестокихъ войнъ вашихъ со Шведами. Сколько разъ торговый флотъ купцовъ ея величества былъ приглашаемъ не только проходить въ Балтійское море безо всякаго платежа, но даже оставить Зундъ и черезъ моря Норвежское и Финляндское вести торговлю и промышлять въ Швеціи, Стокгольмѣ, Нарвѣ, Ригѣ, Ревелѣ, Данцигѣ, Кенигсбергѣ и во всѣхъ прочихъ торговыхъ приморскихъ городахъ ¹⁾; но они принуждены ходить черезъ Зундъ по прежнему обычаю, дабы сохранить миръ и дружбу (съ Даніей) наперекоръ тѣмъ государямъ, которые не признанны ни Англіи, ни Даніи и которые рады въ мало-

¹⁾ Горсей, какъ видно изъ этого мѣста его рѣчи, предполагалъ, что Скандинавія—островъ, отдѣленный отъ Россіи Финляндскимъ моремъ, которое, по его мнѣнію, соединяло море Балтійское съ Норвежскимъ т. е. Сѣвернымъ океаномъ. Ю. Т.

важныхъ причинахъ искать повода къ кровопролитіямъ. Не сомнѣваюсь, что вы,—главнѣйшіе сановники государства,—по благоразумію своему и мудрости, употребите стараніе предотвратить сіе“.

Они стали возражать; я извинился усталостью и нуждою въ отдыхѣ и отправился въ сопровожденіи одного дворянина. Король прислалъ узнать: данъ ли мнѣ наказъ рѣшить и окончить это дѣло. „Нѣтъ, мнѣ велѣно только сдѣлать предложенія и дать объясненія по точному смыслу письма королевы. Я не ожидаю ничего болѣе, какъ исполненія (ея требованій) и отвѣта“.—„Тише, сударь, въ такомъ дѣлѣ надобно два раза подумать“. Я обѣдалъ съ королемъ, но не могъ много пить: пилъ только здоровья ея величества, короля и королевы Софіи и проч.

Я получилъ письма его величества, золотую цѣпь, цѣною около 40 фунтовъ, откланялся и былъ отпущенъ; возвратился въ Любекъ, оттуда отправилъ (въ Англію) съ достойнымъ купцомъ г-номъ Данилою Бондомъ письма (короля) и записку о томъ, что я сдѣлалъ. Переговоры (мои), повидимому, имѣли довольно хорошій успѣхъ. Купцы, которые сначала соглашались было на уступки, стали отъ нихъ отказываться; по ихъ просьбѣ былъ посланъ (въ Данію) г-нъ докторъ Перкинсъ. Онъ вскорѣ исходатайствовалъ освобожденіе и отдачу купеческихъ кораблей и товаровъ; ему было не мало за это заплачено, я же, за свои труды, получилъ мало или (лучше сказать) ничего. Пришлось однакоже приняться за другое подобное дѣло.

По пріѣздѣ ¹⁾ моемъ въ Данцигъ, въ 500 миляхъ отъ Любека, депутаты и представители Англійскихъ купцовъ, г-нъ Баркеръ и другіе, услышавъ о моемъ пріѣздѣ, пригласили меня, по дорогѣ ко двору Польскаго короля прошать въ Эльбингъ, гдѣ они имѣли свое пребываніе, чтобы получить ихъ наставленія. Поэтому я прошалъ черезъ Торнъ и Подляхію, страну весьма плодоносную, въ Варшаву, гдѣ находился Сигизмундъ (3-й) и гдѣ я встрѣтилъ означеннаго депутата, г-на Баркера съ товарищами. Я былъ хорошо приготовленъ вступить въ новый лабиринтъ, не совсѣмъ подобный прежнему и еще болѣе запутанный. Великій канцлеръ (Янъ) Замоискій былъ въ десяти миляхъ отъ двора, въ собственномъ своемъ городѣ, называвшемся его именемъ. Прежде всего я желалъ имѣть доступъ къ нему, такъ какъ онъ былъ главнымъ воеводою, короннымъ гетманомъ и первымъ сановникомъ въ королевствѣ; но, опасаясь оскорбить прочихъ пановъ и чиновниковъ и повредить успѣху моихъ переговоровъ, я обратился къ главному секретарю (коронному писарю) и къ подканцлеру, которые исходатайствовали, чтобы король принялъ меня и мое письмо.

¹⁾ II. Второго мая я прибылъ къ Польскому двору въ Варшаву, вручилъ грамоты королевы королю Сигизмунду третьему. Въ теченіи 20-ти дней, которые я тамъ пробылъ, по просьбѣ депутата и его товарищей, Англійскихъ купцовъ, торгующихъ въ тѣхъ странахъ, я сдѣлался ходатаемъ предъ королемъ по ихъ дѣламъ.

II ¹⁾. Ходатайство мое у короля Сигизмунда за Англійскихъ купцовъ состояло въ томъ, что означенные купцы потерпѣли большія потери, довѣряя въ долгъ подданнымъ его величества и другимъ лицамъ, которыя живутъ въ королевствѣ на основаніи покровительственныхъ грамотъ его величества или его предшественниковъ; что вслѣдствіе сего означенные купцы покорно просятъ, чтобы его величество, впредь, при пожалованіи подобныхъ грамотъ такимъ лицамъ, за которыми есть долгъ Англійскимъ купцамъ, или съ которыми купцы сіи ведутъ торгъ, грамотами этими не лишали сихъ послѣднихъ справедливаго права на полученіе обратно своей собственности.

II ²⁾. Два дня сряду меня призывали на совѣщаніе по этому дѣлу съ главнымъ королевскимъ камергеромъ, паномъ Маркомъ Обросіемъ Лысноволоцкимъ, съ королевскимъ секретаремъ, съ подъ-камергеромъ и съ референдаріемъ.

Эти паны заговаривали со мною о другихъ предметахъ, какъ то: о дружбѣ и помощи, оказываемыхъ королевой Туркамъ, о прерваніи ею торговли Польскихъ подданныхъ съ Испаніей и пр.; но я отвѣчалъ, что не имѣю наказа вести переговоры по этимъ предметамъ.

Болѣе всѣхъ противился моимъ требованіямъ секретарь, говоря, что неприлично, чтобы король обязался жаловать грамоты такъ, какъ ему предпишутъ, а что онъ жалуется ихъ по своему королевскому благоусмотрѣнію.

„Не прошу никакого обязательства, а только того, чтобы король благоволилъ помѣщать оговорку или ограниченіе въ жалуемыхъ имъ грамотахъ. (Англійскіе) купцы желаютъ единственно огражденія отъ убытковъ. Никто здравомыслящій не сочтетъ это за оскорбленіе королю или за какое-либо стѣсненіе его королевской власти.

Референдарій отвѣчалъ, что эта просьба была уже прежде нѣсколько разъ повторяема и что коронный канцлеръ, панъ Замойскій ³⁾, по разнымъ причинамъ не считалъ удобнымъ удовлетворить ее.

¹⁾ Р. Жалобы королевы состояли въ томъ, что купцы ея, торгующіе въ Польскихъ владѣніяхъ, повѣрили въ долгъ суконъ и другихъ товаровъ, цѣною на 80-ть тысячъ фунтовъ стерлинговъ, купцамъ и подданнымъ Польскимъ; сіи послѣдніе оказались несостоятельными, перемѣнили мѣста своего жительства, а на деньги, добытыя продажею этихъ товаровъ, купили себѣ земли и дома, въ которыхъ поселились и къ величайшему убытку и ущербу купцовъ ея величества добыли себѣ несудимыя грамоты отъ короля.

²⁾ Р. Для совѣщанія со мною по этому предмету были назначены два комисара: секретарь Станиславъ и референдарій Оброскій. Они объявили мнѣ, что это новая жалоба, о которой они прежде никогда не слыхивали; что поэтому они не могутъ повѣрить справедливости свѣдѣній, дошедшихъ до королевы. Но купцы были на лицо, готовые доказать панамъ справедливость обвиненій и предъявить списки должниковъ и неуплаченные счета, по которымъ можно было видѣть, какъ долго они ждали платежа. „Все это можетъ быть такъ, но, можетъ быть, многіе изъ этихъ счетовъ уже заплачены и окончены; на разсмотрѣніе этого дѣла потребуется много времени... Нужно выслушать и обвиняемыхъ“.

³⁾ „Который въ это время, по какимъ то неудовольствіямъ, находился въ десяти миляхъ“ (отъ Варшавы).

„Съ дозволенія вашихъ ясновельможностей, я считаю, что исполненіе моего ходатайства современемъ принесетъ столь чрезвычайныя выгоды королю и его государству, что выгоды эти, по крайней мѣрѣ, будутъ равны выгодамъ, которыя оно доставитъ купцамъ. Несмотря на то, я не сомнѣваюсь, что исполненіе моей просьбы будетъ принято королевой съ большою благодарностію, когда я увѣдомлю ея величество обо всемъ, о чемъ обязанъ ей донести“.

„Если такъ, сказалъ секретарь панъ Лукашъ, то король разсмотритъ: можно ли ему на это соизволить. Прошу васъ, докажите намъ, какая будетъ выгода королю и государству отъ такого къ вамъ списхожденія? Выказывайте ваши доводы!“

„Благороднѣйшіе паны! Я слыхалъ, что главные столпы цвѣтущаго государства суть торговля и сношенія съ (иными) народами и что они (утверждаютъ) спокойствіе—этотъ вѣнецъ (всякой) страны. Своими дѣяніями, благородные совѣтники, вы являете свѣту политику, которой вы слѣдуете въ этомъ отношеніи, и предусмотрительность, съ которою заботитесь о сохраненіи этихъ условій. Вотъ почему ваши купцы богатѣютъ, ваши ремесленники находятъ себѣ работу, ваше дворянство имѣетъ хорошій сбытъ для произведеній, доставляющихъ ему главнѣйшій доходъ; ваша страна снабжена всѣми предметами, въ которыхъ она нуждается, въ томъ количествѣ, какое ей потребно: излишекъ вашихъ произведеній вывозится отъ васъ; казна ваша обогащается таможенными пошлинами, которыя увеличиваются многоразличными способами. Такимъ образомъ благосостояніе всего государства охраняется торговлею, которая единственно поддерживается хорошимъ обращеніемъ съ купцами и ласковымъ пріемомъ торговыхъ людей. Противное видимъ мы въ Испаніи и въ Португаліи, гдѣ главные города и самые богатые люди бѣднѣютъ и гдѣ подданные живутъ въ неудовольствіи и въ непокорности своему правительству съ тѣхъ поръ, какъ эти королевства начали войны съ Англійскою державою. Наши купцы довольны обращеніемъ съ ними Польскаго правительства. Прибавленіемъ еще этой (просимой ими) милости, они будутъ еще болѣе обязаны королю. Предоставляю все это на мудрое усмотрѣніе ваше и прошу извинить меня за мое разсужденіе“.

Они благодарили, я благодарилъ также; я нашелъ, что время было употреблено съ пользою, тоже нашли и они. Мы разстались съ большими привѣтствіями и встрѣтились опять на обѣдѣ у главнаго камергера, гдѣ я былъ пышно угощенъ.

Р ¹⁾. Я также, какъ и многіе изъ означенныхъ купцовъ, хотѣлъ знать отвѣтъ его величества. „Дѣло это будетъ доложено его величеству и прочимъ панамъ, и отвѣтъ вамъ будетъ данъ съ возможной поспѣшностію“.

¹⁾ *И*. По подачѣ этой просьбы, король отвѣчалъ, что разсмотритъ это дѣло съ своими совѣтниками и что они объявятъ мнѣ его рѣшеніе.

Но все дѣло было остановлено до прїѣзда великаго канцлера (Замойскаго) ко двору. Я всѣми средствами старался быть принятъ имъ, но не успѣлъ въ этомъ. Панъ Янъ Глѣбовичъ, воевода Ковенскій, былъ весьма имъ любимъ; я оказалъ услуги нѣкоторымъ изъ родственниковъ и друзей сего послѣдняго въ бытность ихъ въ плѣну у прежняго царя Ивана Васильевича. По ходатайству этого пана, канцлеръ принялъ меня съ почетомъ, но показалъ неудовольствіе за то, что я не подождать его прїѣзда. Однако же посредствомъ моего прїятеля воеводы, я опять обратился къ нему съ просьбою о милостивомъ его способствованіи къ моему отъѣзду. Неудовольствіе канцлера (между тѣмъ), повидимому, миновалось: по временамъ онъ посылалъ мнѣ привѣтствія и подарки. Я былъ призванъ предъ него и предъ прочихъ пановъ (королевскаго совѣта; онъ сказалъ мнѣ, что король весьма удивленъ, какъ Англійская королева посылаетъ къ нему, столь великому государю, такія настойчивыя письма по поводу мужиковъ, которыхъ жалобы могутъ быть безосновательны.

„Позвольте доложить вашей ясновельможности и остальнымъ панамъ, что ея высокое величество, королева Англійская, пишетъ къ его Польскому величеству точно въ такихъ же выраженіяхъ, какія употребляются ею въ сношеніяхъ съ прочими царствующими особами (*emperiall kings*), ея любезными союзниками и друзьями; она даже считаетъ и цѣнить его братскую любовь преимущественно предъ многими другими, и пѣтъ никакого справедливаго повода принимать за оскорбленіе тѣ обстоятельства, которыя изложены въ письмахъ ея величества, ибо обстоятельства эти изложены правдиво на основаніи изслѣдованныхъ должнымъ образомъ жалобъ. Жалобы же эти принесены ея величеству вѣрными ея подданными и настоящими купцами, которыхъ ея величество считаетъ гораздо выше сословія мужиковъ. Купцы сіи съ полною покорностью просятъ не болѣе, какъ той справедливости, въ которой король, по своему сану, никому не отказываетъ“¹⁾.

„Докажите ваши показанія, и правосудіе будетъ немедленно оказано. Познайте, пожалуйста, что ваша королева не можетъ ограничивать милостей его величества государя нашего, который, по своему королевскому усмотрѣнію, можетъ жаловать свою привилегію всякимъ, какимъ бы ни было подданнымъ, кого въ мудрости своей, сочтетъ ихъ достойными“.

„Объ ограниченіи не можетъ быть и помина, благородные паны. Все требованіе состоитъ въ томъ, чтобы, по правосудію королевства, подданные ея величества могли получить обратно свои товары и деньги, задержанные такими людьми, которые, можетъ быть, обманомъ добыли себѣ (несудимыя) грамоты. Слишкомъ хорошо извѣстно въ свѣтѣ съ ка-

¹⁾ Весь слѣдующій за симъ разговоръ есть очевидно повтореніе сказаннаго выше въ отсутствіи Замойскаго. Ю. Т.

кою просвѣщенной заботливостію Польское правительство, посредствомъ хорошаго обращенія со всѣми народами, поддерживаетъ съ ними торговыя сношенія. Они вывозятъ изъ Польскихъ владѣній излишекъ вашихъ естественныхъ произведеній и привозятъ изъ чужихъ странъ товары, потребные для васъ. Такимъ образомъ таможенныя пошлины увеличиваются, доходы дворянъ употребляются съ большою выгодною, купцы и всѣ прочіе промышленники находятъ для себя работу—и все государство, и весь народъ находится въ томъ цвѣтущемъ положеніи, которое ставитъ ихъ выше многихъ иныхъ народовъ. Все это предоставляю на ваше лучшее и мудрѣйшее усмотрѣніе, ясновельможные паны, прося извинить меня, если бы что либо (изъ сказаннаго мною) не было вами одобрено“.

Мы разстались дружелюбіе, чѣмъ встрѣтились. На слѣдующее утро канцлеръ прислалъ спросить меня, какъ я провелъ ночь, и просить, чтобы я прислалъ къ нему съ однимъ изъ купцовъ списокъ лицъ, кому слѣдуютъ въ уплату долги, и счета ихъ съ означеніемъ мѣстъ ихъ пребыванія. Я исполнилъ это и съ однимъ изъ моихъ слугъ послалъ ему красивый платокъ съ рѣзными узорами, пару надушенныхъ перчатокъ и цѣпь изъ сѣрой амбры. Канцлеръ принялъ этотъ подарокъ съ благодарностію и хорошо наградилъ моего слугу.

Между тѣмъ мы весело проводили время, ѣздили по городу, осматривали многія достопримѣчательности и гульбища, надѣясь (на хорошей успѣхъ) и ожидая, когда канцлеръ и паны призовутъ меня.

(Шаконецъ ¹⁾ канцлеръ) объявилъ мнѣ, что король согласился на просьбу королевы (Елизаветы), желаетъ жить съ нею въ дружбѣ и будетъ хорошо обращаться съ ея купцами, не допуская ихъ терпѣть несправедливости. Были напечатаны двѣнадцать воззваній для обнародованія глашатаями въ Эльбингъ, Данцигъ, Кенигсбергъ и въ другихъ подобныхъ большихъ торговыхъ городахъ, по указанію купцовъ.

Воззванія эти были такого содержанія: „что всѣ купцы и другіе подданные короля Польскаго, которые состоятъ должны кому либо изъ торгующихъ въ Польшѣ Англійскихъ купцовъ за какіе либо товары, или по денежнымъ займамъ или по договорамъ, имѣютъ немедленно удовлетворить этихъ купцовъ уплатою денегъ или миролюбивою сдѣлкою въ теченіи трехъ мѣсяцовъ со времени обнародованія сего указа, подъ опасеніемъ великаго гнѣва его величества, продажи и описи всѣхъ ихъ (должниковъ) имуществъ, земель, движимостей, домовъ и замковъ, несмотря ни на какія привилегіи, права и льготныя грамоты. Писано въ королевскомъ городѣ нашемъ Варшавѣ, въ послѣдній день іюля (по старому стилю) королевствованія нашего въ лѣто второе, отъ Рождества Христова въ 1589 г.“.

¹⁾ П. Великій камергеръ объявилъ мнѣ, что, по его ходатайству, король изъявилъ согласіе на мою просьбу и что секретарю велѣно отправить по этому случаю указъ или воззваніе для обнародованія въ Данцигъ, Эльбингъ, Кенигсбергъ и въ другихъ мѣстахъ.

Я обѣдалъ ¹⁾ у короля, разговаривалъ съ нимъ, получилъ письма и грамоты его величества, былъ допущенъ къ его рукѣ и получилъ отпускъ. Единственный его любимецъ, великій камергеръ, панъ Лука Обровскій, сдѣлалъ мнѣ угощеніе. Я отправилъ къ г-ну секретарю Уэльсингему купцовъ съ письмами обо всемъ происшедшемъ. Они поднесли мнѣ хорешій подарокъ, обѣщая, что ихъ общество еще болѣе меня наградить. (Посланный въ Польшу) передо мною, г-нъ Иванъ Гербертъ ²⁾ не имѣлъ успѣха (въ своихъ переговорахъ).

Позвольте удалиться немного отъ моего предмета, хотя слѣдующій рассказъ и не относится съ нему:

Мнѣ хотѣлось видѣть королеву Анну ³⁾. Я надѣлъ ливрею одного изъ моихъ слугъ и вошелъ во дворецъ. Передъ окнами дворца были разставлены рядами горшки съ яркоцвѣтными гвоздиками, Прованскими розанами, душистыми лиліями и другими пахучими ипоземными цвѣтами, которые издавали прелестнѣйшій запахъ. Вошедши въ комнату, королева сѣла за ужинъ; я стоялъ въ толпѣ другихъ дворянъ. Ея величество сидѣла подъ бѣлымъ шелковымъ балдахиномъ, въ пышныхъ креслахъ, подъ которыми былъ подосланъ большой турецкій коверъ; она была очепь дурна собой. Ея фрейлины и, находившіяся при ея особѣ, дамы ужинали въ той же комнатѣ, отдѣленные отъ нея большой перекладиной ⁴⁾. Я видѣлъ, какъ королевѣ подавали кушанье, какъ ей прислуживали и какъ она вела себя. На послѣдокъ меня замѣтилъ одинъ изъ видѣвшихъ меня прежде; онъ сказалъ пану дворецкому, который стоялъ за королевиними креслами. Дворецкій, посмотрѣвъ на меня, указалъ меня другому; я подвинулся назадъ, дворецкій сказалъ королевѣ. „Призовите его сюда—ничего, что онъ не въ придворномъ одѣяніи“. Старый панъ (дворецкій?) спросилъ меня: „желаете-ли вы чего-нибудь отъ ея величества?“—„Нѣтъ, сударь, я просто пришелъ посмотрѣть на королеву и на ея обращеніе. Если это предосудительно, то прошу меня извинить“.—„Ея величеству угодно говорить съ вами“.

Причиной вниманія королевы былъ необыкновенный покррой моего ворота. Придворныя дамы вскочили изъ-за стола и окружили королеву.—Когда я раскланялся, королева спросила меня: я ли Англійскій дворянинъ, который въ послѣднее время велъ переговоры съ королемъ?—Спросила также черезъ переводчика имя (Англійской) королевы. „Елизавета слишкомъ благословенное имя для такого бича католической

¹⁾ II. Послѣ этого угощенія (у великаго камергера), получивъ грамоты короля, я отправился въ путь.

²⁾ Онъ былъ посланъ Елизаветою въ Польшу въ 1587 году. *Примѣчаніе Англ. издателя.*

³⁾ „Дочь короля Сигизмунда третьяго, вдову короля Стефана Баторія“. Вдова Баторія, Анна была дочь Сигизмунда 1-го, сестра Сигизмунда 2-го (Августа) и тетка Сигизмунда 3-го, который былъ сыномъ ея сестры Екатерины. *Ю. Т.*

⁴⁾ Вѣроятно—за особымъ столомъ. *Ю. Т.*

церкви. Сестра ея, которую звали Маріей ¹⁾,—преподобная святая на небесахъ.—Я хотѣлъ говорить безъ посредства переводчика, который не хорошо передавалъ мси слова.—„Пожалуйста говорите“.

„Имя королевы Елизаветы пользуется во всемъ свѣтѣ знаменитостію и величайшимъ почетомъ у могущественнѣйшихъ и величайшихъ особъ и государей. Ей принадлежитъ титулъ оборонительницы истинной древней католической церкви и вѣры, и титулъ этотъ, воздаютъ ей, какъ должно, и друзья ея и ея недруги“.

„Полноте, сударь! Если она такова, зачѣмъ же она такъ жестоко предаетъ смерти столькихъ святыхъ католиковъ, каковы были Стори, Кэмпіонъ ²⁾ и другіе святые мученики“.

„Эти люди измѣнили Богу и королевѣ, замыслили свергнуть ее (съ престола) и погубить ея державу“.

„Но какъ же могла она пролить кровь помазанницы Господней, королевы гораздо знаменитѣйшей, чѣмъ она сама ³⁾, не предавъ ее суду ея равныхъ, всѣхъ христіанскихъ государей Европы и святаго отца папы?“.

„Подданные королевы и ея парламенты признали это нужнымъ, не имѣя на то ея королевскаго согласія, потому что ея безопасность и спокойствіе королевства находились въ ежедневной опасности“.

Она съ неудовольствіемъ потрясла головой при моемъ отвѣтѣ. Въ это время вошелъ духовникъ ея величества, знаменитый іезуитъ Поссевинъ ⁴⁾. Онъ былъ очень недоволенъ, увидавъ меня. Когда онъ былъ посланъ въ Москву ⁵⁾, я ему досадилъ и помѣшалъ успѣху его посольства. Ея величество спросила стопу венгерскаго вина и два куска хлѣба съ сыромъ; приказала пану дворецкому подать ее мнѣ: я отказывался, пока королева не взяла ее и изъ своихъ рукъ поднесла мнѣ. Послѣ этого я былъ отпущенъ и, возвратясь домой, съ радостью скинулъ свою ливрею; но вслѣдъ затѣмъ потребовали хозяйку моего дома, красивую

¹⁾ *Марія Кровожадная* (the bloody), королева Англійская, супруга короля Филиппа 2-го Испанскаго. Ю. Т.

²⁾ Докторъ правъ *Стори*, Англійскій бѣглець и агентъ герцога Альбы, схваченный въ Нидерландахъ, былъ казненъ въ Англии въ 1569 г. *Эдмундъ Кэмпіонъ*, агентъ іезуитовъ въ Англии; казненъ въ 1581 г. Ю. Т.

³⁾ *Марія Стюартъ*, королева Шотландская, была супругою: 1) Франциска 2, короля Французскаго и 2) лорда Дарнлея (Darnly), 3) графа Босуэля (earl of Bothwell), и матерью преемника Елизаветы Якова 1-го; казнена 3-го февраля 1586 г. Ю. Т.

⁴⁾ *П. Поссевинъ* давно былъ сердитъ на меня за то, что я досадилъ ему и его господину—панѣ передъ царемъ Русскимъ. Онъ приказалъ находившемуся въ то время въ Варшавѣ для церковнаго сбора папскому легату, отцу Антонію, поставить въ засаду одного служившаго тамъ Испанскаго солдата съ сорока конными людьми, которые должны были ограбить и перерѣзать меня и находившихся при мнѣ. Но одинъ изъ прежнихъ моихъ знакомыхъ, добрый протестантъ, воевода, панъ Иванъ Глѣбовичъ проводилъ меня безопасною дорогою, въ противность ожиданіямъ Поссевина.

⁵⁾ *Поссевинъ* былъ въ Москвѣ въ 1581 и 1582 годахъ. Ю. Т.

дворянку, хорошо известную королевѣ. Ея величеству угодно было видѣть ту жемчужную цѣпь, которая была на мнѣ въ воскресенье, когда я откланивался королю. Какой то наглый жидъ, главный поставщикъ королевскій, бралъ эту цѣпь въ руки и увѣрилъ короля, какъ говорила королева, что она сдѣлала изъ поддѣльныхъ жемчуговъ, изъ высушенныхъ рыбныхъ глазъ. Королева также хотѣла знать, какъ былъ накрахмаленъ мой воротъ: онъ былъ накрахмаленъ въ Англіи и держался на серебряной проволоцѣ. Моя цѣпь была мнѣ возвращена, и королева нашла ее красивою.

Пора, однакоже, приняться за серьезное и не утруждать васъ болѣе инымъ чтеніемъ.

Вечеромъ того дня, какъ я выѣхалъ изъ Варшавы, я переправился черезъ рѣку, на берегу которой лежалъ мертвый змѣй, крокодилъ, котораго мои люди разорвали рогатинами. Вонь отъ этого до такой степени меня разстроила, что я сдѣлался боленъ и принужденъ былъ остановиться на нѣсколько дней въ сосѣдней деревнѣ. Благодаря христіанскому благорасположенію, привѣтливости и пособіямъ, которыя были оказаны мнѣ, какъ чужеземцу, разными лицами, меня посѣтившими, я исцѣлился чудеснымъ образомъ.

По прибытіи въ Вильну, столицу Литвы, я представился великому князю воеводѣ Радзивиллу ¹⁾ и вручилъ ему, данныя мнѣ отъ королевы, вѣрительныя грамоты. Этотъ князь былъ высокыхъ качествъ, мужественъ, могущественъ и набожный протестантъ. Онъ много и пышно меня угощалъ. Сказалъ мнѣ, что хотя я и не имѣю къ нему никакого порученія отъ королевы, но изъ уваженія къ ея отличнымъ добродѣтелямъ и качествамъ, принимаетъ меня, какъ посланника ея величества. Онъ это сдѣлалъ съ намѣреніемъ, чтобы его подданные думали, будто бы я присланъ вести съ нимъ переговоры. Онъ водилъ меня съ собой въ свою церковь, гдѣ я отслушалъ божественную службу, псалмы и гимны, проповѣдь и отправленіе таинствъ по обряду реформатскихъ церквей; что возбудило негодованіе его брата, кардинала Радзивилла. Его высочество пригласилъ меня къ обѣду и прислалъ мнѣ почетную стражу, 50 сѣкироносцевъ, чтобы провести меня черезъ городъ; для моего приѣма передъ дворцомъ были разставлены стрѣльцы и 500 шляхтичей его стражи. Князь, въ сопровожденіи многихъ молодыхъ дворянъ, встрѣтилъ меня на крыльцѣ и проводилъ въ большую залу, въ которой играли органы и пѣли (пѣвчіе) и гдѣ былъ накрытъ длинный столъ; за столомъ

¹⁾ II. Около 12 іюня я прибылъ въ Вильну, къ великокняжескому Литовскому двору пана Христофора Радзивилла. Его свѣтлость угостилъ меня съ большимъ почетомъ и показывалъ мнѣ разныя увеселенія и забавы. Онъ постоянно отзывался съ величайшимъ восторгомъ о знаменитости и величіи ея всемілостивѣйшаго величества королевы Англійской. Онъ живетъ съ величайшею пышностію, которая изумляетъ всю его шляхту. Получивъ отъ него охранныя грамоты, весьма милостиво написанныя, я безо всякихъ опасностей проѣхалъ черезъ его владѣнія до Смоленска въ Россію.

сидѣли воеводы, паны и панны; князь сѣлъ подъ балдахиномъ; меня посадили противъ него, въ серединѣ стола. Трубы заиграли и барабаны зарокотали. Когда первыя кушанья были поданы, шуты и поэты начали увеселять (гостей) своими рѣчами, а громкіе и тихіе инструменты играли весьма пріятно; потомъ при нѣжной гармоніи, происшедшей отъ смѣшенія тихихъ и заунывныхъ звуковъ свирѣлей съ искуснымъ пѣніемъ, вошла въ залу толпа красиво одѣтыхъ карловъ и карлицъ. Радзивилль называлъ эту музыку кимвалами Давида и сладко звучными колокольчиками Аарона. При разнообразіи забавъ время шло скоро и пріятно. Его высочество пилъ здоровье ея величества *ангельской* королевы *Англійской*, говорилъ объ ея величій и качествахъ; каждый изъ именитыхъ князей и пановъ пилъ изъ своей стопы сладкаго вина провозглашенное имъ здоровье. Я своей стороны провозгласилъ здоровье Радзивилла. Подавали странныя кушанья: сдѣланныя изъ сахарнаго тѣста подобія львовъ, единороговъ, парящихъ орловъ, лебедей и проч., налитыя разными винами, смѣшанными съ пряностями и начиненныя всякими конфектами. Каждый (гость) имѣлъ особенную серебряную вилку. Рассказывать по порядку всѣ разныя кушанья и рѣдкости было бы утомительно. (Довольно будетъ сказать, что) я былъ хорошо угощенъ, мнѣ были оказаны большія почести и уваженіе. Домой меня отвели тѣмъ же порядкомъ, какимъ привели во дворець. Мнѣ были возвращены мои вѣрительныя грамоты и данъ дворянинъ, проводить меня черезъ Литву; послѣ чего я откланялся (Радзивиллу). Не уноминаю о нѣкоторыхъ странныхъ забавахъ съ львами, быками и медвѣдями. Прѣздомъ по Литвѣ я былъ хорошо принимаемъ и прибылъ на Русскую границу въ большой торговый городъ Смоленскъ.

Въ Смоленскѣ ¹⁾ былъ въ это время воеводою и главнымъ правителемъ мой старый знакомецъ, бывшій въ Москвѣ моимъ сосѣдомъ, князь Иванъ Голицынъ. Онъ принялъ меня съ грустнымъ видомъ, какъ то странно. Онъ, царь и бояринъ правитель уже знали о моемъ прибытіи, о моемъ пребываніи и приѣмѣ у Сигизмунда, короля Польскаго и у великаго князя Литовскаго: и мнѣ готовился худшій приѣмъ, чѣмъ я ожидалъ.—Князь Голицынъ пропустилъ меня, но послалъ вѣсть о моемъ прибытіи, такъ что миляхъ въ десяти отъ Москвы меня встрѣтилъ сынъ боярскій, который проводилъ меня и помѣстилъ въ домѣ Суздальскаго епископа ²⁾. Я находился тамъ не такъ какъ обыкновенно, но подъ строжайшимъ присмотромъ,

¹⁾ П. Немедленно по приѣздѣ моемъ въ Смоленскъ, тамошній воевода и правитель извѣстилъ о томъ царя и боярина Бориса Ѳедоровича. Вскорѣ потомъ отъ нихъ былъ присланъ значительный чиновникъ съ большою свитою, чтобы проводить меня ко двору въ Москву, куда я прибылъ въ послѣдній день іюня. Но за 3 мили до города меня встрѣтилъ одинъ изъ дворцовыхъ дворянъ, съ весьма ласковымъ привѣтствіемъ отъ царя и отъ боярина Бориса Ѳедоровича и проводилъ меня въ столицу, гдѣ мнѣ былъ отведенъ подъ помѣщеніе очень хорошій домъ, принадлежавшій одному изъ епископовъ.

²⁾ Вѣроятно на Суздальскомъ подворьѣ. Ю. Т.

изъ опасенія, чтобы я не имѣлъ совѣщаній съ посломъ короля Польскаго ¹⁾. Посольство это было прислано по весьма неприятному дѣлу: онъ требовалъ возврата южныхъ областей, принадлежавшихъ нѣкогда державѣ Польской. Онъ велъ себя очень надменно; его переговоры шли впередъ, а мои не подвигались. Нѣкоторые изъ моихъ старыхъ пріятелей подсылали мнѣ нищихъ женщинъ объявить мнѣ за тайну, что оборотъ дѣлъ измѣнился и чтобы я былъ остороженъ.

II. Три дня сряду приставъ мой былъ ко мнѣ присылаемъ съ объявленіемъ, что царь изволилъ меня пожаловать, приказалъ отпустить мнѣ мясо, питье и другіе припасы на меня, на 10 слугъ и на столько же лошадей. Я покорно благодарилъ его величество, но отвѣтилъ, что ея всемилостивѣйшее величество,—моя государыня и повелительница королева Англійская, изволила назначить мнѣ содержаніе, достаточное на всѣ эти издержки и что я не могу принять царскаго жалованья, пока не вручилъ писемъ ея величества и не объяснилъ причинъ моего пріѣзда. Нѣкоторымъ изъ моихъ старинныхъ служителей, уроженцамъ Русскимъ, было позволено остаться при мнѣ: они покупали мнѣ съ рынка съѣстные припасы и то, что мнѣ было нужно, я получалъ изъ Англійской конторы, такъ что я ни въ чемъ не терпѣлъ недостатка.

Старинный мой недругъ, канцлеръ ²⁾ часто присылалъ ко мнѣ, прося, чтобы я забылъ нашу прежнюю ссору и смягчилъ жалобы, которыя долженъ былъ принести на него. Онъ обѣщался всѣми средствами способствовать успѣху моихъ переговоровъ. Но зная, что онъ хитеръ и лукавъ, какъ лисица, я не смѣлъ ему вѣрится, чтобы не подвергнуться новымъ опасностямъ, и отвѣчалъ уклончиво, какъ считалъ лучше, такъ что онъ остался недоволенъ.

18-го іюля приставъ былъ опять ко мнѣ присланъ объявить, чтобы на другой день въ три часа я былъ готовъ явиться къ царю; но на слѣдующій день, около шести часовъ онъ пришелъ сказать мнѣ, что царь не здоровъ.

21-го онъ приходилъ съ такой же повѣсткой; но вышло тоже, что и прежде.—Тоже случилось и въ третій разъ.

29-го іюля мнѣ опять назначено было идти къ царю. Когда я пришелъ въ Кремль, меня отвели въ Посольскій приказъ, откуда, немного погодя, я былъ позванъ въ Казначейскую палату; тамъ я нашелъ главнаго казначея, Деметія Ивановича Черемисинова, и дьяка Посольскаго приказа Посника Дмитріева. Послѣ ласковыхъ привѣтствій, они объявили, что царю угодно знать: зачѣмъ я пріѣхалъ и отъ кого присланъ.

Я отвѣчалъ, что присланъ отъ ея величества королевы Англійской къ его царскому величеству и къ благородному боярину Борису Фодоровичу съ грамотами и съ порученіемъ вести переговоры. Они сказали,

¹⁾ Послы Сигизмундовы, Станиславъ Радоминскій и Гаврило Война, пріѣхали въ Москву 10 окт. 1590 г.; Радоминскій умеръ тамъ 6 декабря, а Война выѣхалъ обратно 23 янв. 1591 г. Ю. Т.

²⁾ Думный дьякъ Андрей Яковлевичъ Щелкаловъ. Ю. Т.

что донесуть объ этомъ; потомъ мы припомнили нѣкоторыя наши забавныя похождения, и на этотъ разъ я былъ отпущенъ домой.

1-го августа меня опять потребовали къ царю и опять привели въ Казначейскую палату: тамъ я засталъ царскаго свойственника, князя Ивана Васильевича Сицкаго ¹⁾, другаго близкаго родственника царя, Ивана Васильевича Годунова ²⁾, Черемисинова и Дмитріева. Потолковавъ за и противъ, они просили меня показать мою грамоту и, разсмотрѣвъ ее, объявили, что ее надобно представить царю, на что я согласился.

Р ³⁾. Меня призвали: я вручилъ грамоты королевы царю, который отдалъ ихъ Андрею Щелкалову, моему врагу по дѣлу сэра Еремѣя Бауса. Слабоумный царь, чѣмъ то встревоженный, началъ плакать и креститься, говоря, что никогда не давалъ мнѣ повода быть обиженнымъ. Меня поспѣшно увели съ его глазъ.

Много было взведено обвиненій на меня: объявлено было, что грамоты королевы, слогъ, которымъ онѣ писаны, и печать къ нимъ приложенная, не таковы, какъ въ прежнее время; что онѣ обидны для царя, оскорбительны для царицы, что я сносился съ королемъ Польскимъ и воеводою Виленскимъ и вывезъ большія сокровища изъ Россіи. На все это я далъ полныя и основательныя отвѣты и совершенно устранилъ всякія сомнѣнія. Мои отзывы пріобрѣли такую гласность, что я черезъ нихъ спискалъ любовь и расположеніе многихъ.

П. Потомъ отъ меня потребовали, чтобы я объявилъ, о чемъ я хочу вести переговоры, съ тѣмъ, чтобы приготовить отвѣты. Я объявилъ, что изложу требованія свои письменно, и что отвѣтовъ отъ нихъ также прошу на письмѣ. Я исполнилъ это, тщательно изложивъ свою записку на ихъ языкѣ, чтобы предупредить ихъ обыкновенныя отговорки, которыя они всегда употребляли, когда были убѣждены (въ своихъ ошибкахъ), будто бы толмачъ не понялъ смысла или будто бы подлинникъ искаженъ въ переводѣ.

Предметы переговоровъ разумѣется были весьма непріятны, въ особенности досадны для нихъ (Щелкаловыхъ?): предметы эти были таковы, что никогда никто не вель прежде подобныхъ переговоровъ, впрочемъ, при ихъ расположеніи, очень легко было на все отвѣчать.

Они очень удивлялись: какимъ образомъ, выѣхавъ передъ тѣмъ подъ царскою опалой, я осмѣлился пріѣхать къ царю съ грамотами, столь настоятельными и въ которыхъ царскій титулъ былъ сокращенъ.

¹⁾ Боярина, супруга двоюродной сестры царя Федора, Евфиміи Никитичны Романовой. *Ю. Т.*

²⁾ Боярина, внучатнаго брата царицы Ирины и Бориса. *Ю. Т.*

³⁾ *П*. Меня вновь призвали, и 10 августа я вручилъ царю грамоты королевы. Нашли, что къ грамотамъ приложена малая печать (*sygnet*), что въ нихъ сокращенъ титулъ и что онѣ писаны не въ тѣхъ выраженіяхъ, которыя были обыкновенно употребляемы ея величествомъ. Много прошло времени въ толкахъ объ этомъ, а дѣло не подвигалось. Я на все представилъ удовлетворительныя объясненія.

Я говорилъ: „что настоятельность привезенныхъ мною грамотъ есть лишь слѣдствіе обиды, сдѣланной ея величеству королевѣ и державѣ ея священнѣйшей монархіи, оскорбленіемъ ея добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ купцовъ, которые торгуютъ въ Россійскихъ областяхъ; что дѣйствительно, по лживымъ навѣтамъ, его царское величество изволилъ гнѣваться на меня, но, что благородному боярину Борису Фодоровичу, къ которому я также присланъ, лучше извѣстно, какъ я велъ себя и какъ служилъ царю въ теченіи 20 лѣтъ; милость и истинно княжеское благорасположеніе боярина всегда служили достаточнымъ ручательствомъ въ моей вѣрности. Ваши бояре знаютъ, какъ мнѣ хорошо извѣстны и титуль царя и выраженія, употребляемыя въ сношеніяхъ съ его величествомъ; слѣдовательно, я никоимъ образомъ не могъ ни сократить титуль царя, ни оскорбить его величество или его державу, ибо слова: *и многихъ иныхъ* безо всякаго перечета, заключаютъ гораздо болѣе, чѣмъ сколько есть (названій областей въ его титулѣ).—Сообразивъ все это, я не вижу никакого повода порицать меня за то, что я сюда пріѣхалъ, особенно будучи присланъ своей государыней, и не ставить мнѣ въ вину обстоятельства, которыя, какъ вамъ извѣстно, не справедливы и не относятся къ предмету моихъ переговоровъ.

Мы разстались по пріятельски. Вскорѣ потомъ я получилъ на свою записку весьма удовлетворительный и благоразумный отвѣтъ, такъ что, имѣя достаточныя доказательства противъ канцлера Щелкалова, я имѣлъ полную надежду сломать ему шею и уничтожить его вліяніе. Поэтому я торопился окончаніе переговоровъ и утвержденіе статей (моей записки), но въ послѣднемъ встрѣтилъ большую медленность.

Р. Бояринъ-правитель не присутствовалъ при моемъ представленіи царю; и я ничего не слышалъ о немъ, пока однажды вечеромъ, проѣзжая мимо моего дома, онъ не прислалъ ко мнѣ одного дворянина сказать мнѣ, чтобы я пріѣхалъ верхомъ къ нему въ его собственный дворецъ внутри стѣнъ Москвы. (Увидавъ меня), онъ приказалъ всѣмъ отойти въ сторону; по (русскому) обычаю поцѣловалъ меня, со слезами говорилъ, что не можетъ оказывать мнѣ прежней пріязни и милости. Я возразилъ, что весьма этимъ огорченъ, ибо совѣсть моя свидѣтельствуешь мнѣ, что я не подалъ повода къ его гнѣву и всегда служилъ ему вѣрно, честно и преданно.—„Пусть же это будетъ на душѣ у тѣхъ, которые хотѣли поссорить меня съ тобой!“—Потомъ онъ говорилъ о разныхъ предметахъ, которыхъ нельзя изложить на бумагѣ. Прощаясь, увѣрялъ меня, что не попуститъ единому власу спастись съ главы моей. Пустыя слова!

Вода, въ которой мнѣ варили кушанье, была отравлена. Питье и съѣстные припасы, которые мнѣ присылали, также были отравлены. Мою прачку подкупили, чтобы она меня отравила; она сама въ этомъ созналась, рассказавъ—кто, когда и какимъ образомъ ее подкупилъ. Мой поваръ и мой дворецкій, оба умерли отъ яда. Въ числѣ моихъ слугъ былъ нѣкто Агацій Дускерь, сынъ одного Данцигскаго дворянина: у

него па тѣлѣ вскочило двадцать нарывовъ и пузырей и онъ едва остался живъ.—При всемъ томъ я зналъ все, что дѣлалось.

И ¹⁾. Въ это время дѣлались большія приготовленія для пріема великаго посла короля Польскаго. Мнѣ неожиданно повѣстили, что, въ самый день его вѣзда въ Москву, я со всѣми бывшими при мнѣ долженъ выѣхать изъ этого города. По свойственной имъ подозрительности, они опасались, чтобы между нами не было какихъ либо отношеній. Приставленный ко мнѣ дворянинъ объявилъ мнѣ, что царю угодно, чтобы я ѣхалъ въ Ярославль, городъ, который находится въ 4-хъ или 5-ти дняхъ пути отъ Москвы, и что, послѣ отъѣзда Польскаго посла, я вновь буду допущенъ предъ царскіе очи и получу почетный отпускъ.

Я пріѣхалъ въ Ярославль въ ноябрѣ и оставался тамъ до іюня. Въ продолженіе этого времени я получалъ разныя письма отъ нѣкоторыхъ, бывшихъ у меня при царскомъ дворѣ, друзей: они предостерегали меня обо всемъ, что только могли довѣрить письму; (увѣдомляли), что всѣ требованія королевы будутъ исполнены, и что ея величество будетъ во всемъ удовлетворена; но что канцлеръ Щелкаловъ употребилъ всѣ, какіе только могъ придумать, средства меня оклеветать; обвинилъ меня въ томъ, будто бы я, въ поѣздку свою къ королю Польскому Сигизмунду, совѣщался съ нимъ и передалъ ему тайны царя, будто бы я тоже сдѣлалъ съ великимъ княземъ Литовскимъ Радзивилломъ, будто бы я пренебрегъ царское жалованье ²⁾ и будто бы, въ случаѣ моего пріѣзда къ морю прежде выгрузки кораблей, я намѣренъ овладѣть крѣпостью (Архангельскомъ), произвести замѣшательство въ торговлѣ и уничтожить царскій таможенный сборъ.

Р. Много случилось со мною другихъ происшествій, о которыхъ не стоитъ писать. Извѣстія, которыя я получилъ, были иногда пріятны, иногда ужасны. Богъ чудеснымъ образомъ сохранилъ меня.

Однажды ночью ³⁾ я предалъ свою душу Богу, думая, что часъ моей смерти пробилъ. Въ полночь кто-то постучался въ мои ворота. Вооружившись пистолетами и другимъ оружіемъ, котораго у меня было большой запасъ, я и около 15 моихъ слугъ подошли къ воротамъ.— „Добрый другъ мой, дворянинъ Еремѣй, мнѣ нужно говорить съ тобою“.— При мѣсячномъ свѣтѣ я узналъ Аванасія Нагого, брата вдовствующей царицы, матери отрока—царевича Димитрія, который находился въ Угличѣ, въ 25 миляхъ (отъ Ярославля).— „Царевичъ Димитрій скончался: около шестаго часа дѣяки его зарѣзали; одинъ изъ его слугъ признался на пыткѣ, что царевичъ зарѣзанъ по повелѣнію Бориса.—Царица отравлена и при смерти: у нея лѣзутъ волосы, сходятъ ногти и кожа. Име-

1) Р. Опасаясь оставить меня въ Москвѣ, гдѣ въ то время было много иностранныхъ посланниковъ, царь съ своей Думой велѣлъ мнѣ выѣхать на время за 250 миль въ Ярославль. Борисъ прислалъ мнѣ сказать, чтобы я ничего не опасался.

2) т. е. отказался отъ отпуска съѣстныхъ припасовъ.

3) 15 мая 1591 года.

немъ Христа заклинаю тебя—помоги и дай какое нибудь снадобье!“— „Увы! мнѣ нечего дать такого!“—Я не смѣлъ отпереть ворота, вбѣжалъ въ домъ, схватилъ стклянку чистаго прованскаго масла и коробку венеційскаго теріака ¹⁾.—„Вотъ все, что у меня есть,—дай Богъ, чтобы это помогло!“—Я передалъ ему эти вещи черезъ стѣну: взявъ ихъ, онъ помчался прочь.

Для за четыре передъ тѣмъ предмѣстія Москвы были подожжены и двѣнадцать тысячъ домовъ сгорѣло. (Во время пожара) Борисова стража грабила добычу. Подкупили четырехъ или пятерыхъ негодяевъ-воиновъ, чтобы они выдержали пытку и объявили, будто бы они наняты царевичемъ Димитріемъ, его матерью царицей и семействомъ Нагихъ, чтобы убить царя и Бориса Ѳеодоровича и поджечь Москву. Это было обнаружено съ цѣлью возбудить въ народѣ ненависть къ царевичу, его матери и ихъ семейству; но никто не повѣрилъ этой гнусной клеветѣ.

Епископъ Крутицкій (Геласій) былъ присланъ въ Угличъ съ 500 стрѣльцами и съ многими боярами и дворянами погребсти царевича Димитрія, кажется, въ главномъ придѣлѣ церкви св. Іоанна.—Отравленная больная царица была пострижена въ монахини и умерла для свѣта, заживо схороненная спасать свою душу.—Всѣ ея родственники, братья, дяди и друзья, чиновники и служители были разосланы въ разные невѣдомыя заточенія, осужденные никогда болѣе не видѣть свѣта Божія.

Вскорѣ потомъ Богъ, являющій Свое правосудіе во всѣхъ Своихъ дѣянїяхъ, послалъ ужаснѣйшую и очевидную кару на обличеніе и посрамленіе злодѣйства и преступленія; но въ то время не думали, что призракъ убіеннаго Димитрія явится такъ скоро и погубить Бориса Ѳеодоровича и весь его родъ.

Между тѣмъ мнѣ пора было возвратиться (въ Англїю); мнѣ объявили, что вслѣдъ за мною будутъ отправлены (къ королевѣ) письма отъ царя и отъ Бориса Ѳеодоровича. Много осталось (въ Москвѣ) разныхъ моихъ вещей, разныхъ долговъ и имущества, которые пропали и которые я охотно желалъ бы имѣть обратно; много моихъ денегъ осталось также за Борисомъ. Въ письмахъ своихъ, которыя и теперь находятся на лицо, онъ увѣдомлялъ меня, что ему нельзя было сдѣлать для меня все, что бы онъ хотѣлъ; что онъ будетъ всячески стараться о моихъ выгодахъ, но что ему нужно сперва устранить нѣкоторыя препятствія; что, между тѣмъ, если я нуждаюсь въ деньгахъ, онъ пришлетъ мнѣ денегъ изъ собственной своей казны.

II ²⁾. Въ Вологдѣ меня задержали до 6 іюля; въ этотъ день ко мнѣ былъ присланъ дворянинъ. Въ наказѣ, данномъ ему за подписью

¹⁾ „Стклянка эта была тотъ самый фіаль съ бальзамомъ, который мнѣ дала королева“... (см. стр. 79).

²⁾ Р. Ко мнѣ былъ присланъ приставъ проводить меня внизъ по Двинѣ и посадить на корабль. Я былъ столь же радъ, какъ сэръ Еремей Баусъ выбраться изъ Россїи.—Много дворянъ предлагали мнѣ свои услуги въ этомъ непрїятномъ положенїи.

канцлера (Щелкалова), ему велѣно было объявить мнѣ, что царю сперва угодно было, чтобы я явился къ его величеству и получилъ полные и окончательные отвѣты на мои предложенія; но, что случившіяся въ послѣднее время въ его народѣ большія смятенія побудили его величество измѣнить это намѣреніе и что я буду отвезенъ къ берегу моря и тамъ посаженъ на корабль. По пріѣздѣ моемъ (въ пристань Св. Николая) начальникъ замка объявилъ мнѣ, что на письма и требованія королевы, мною предъявленныя, посланы царемъ отвѣты, которые совершенно удовлетворяютъ ея величество.

Изъ этого видно, какъ Щелкаловъ меня боялся, этотъ лукавѣйшій изъ всѣхъ когда либо бывшихъ на свѣтѣ Скиѳовъ. Опасаясь, чтобы я не уличилъ его и не обнаружилъ его коварства, онъ, безъ вѣдома царя и правителя, помѣстилъ много оскорбительныхъ для меня выраженій въ письма, посланныя къ ея величеству отъ имени царя; я былъ уже предупрежденъ объ этомъ чрезъ бывшаго у меня при дворѣ пріятели. Изъ послѣдствіи, когда правитель упрекалъ въ томъ Щелкалова, сей послѣдній, по своему обыкновенію, клялся спасеніемъ своей души, что это неправда.

Такого рода злоупотребленіе весьма легко дѣлать въ Россіи, не давъ повода ни къ какому подозрѣнію, потому что порядокъ тамъ таковъ: главный дьякъ Посольскаго приказа сочиняетъ и излагаетъ грамоты, потомъ подаетъ ихъ въ чернѣ и самъ ихъ прочитываетъ; если ему заблагоразсудится, то онъ въ послѣдствіи измѣняетъ ихъ содержаніе по своему усмотрѣнію, потому что онъ никогда, или весьма рѣдко, пересматриваются вновь. Ни одна изъ нихъ не подписывается царскимъ величествомъ, но всѣ онѣ переписываются дьякомъ и печатаются печатью, которая находится у него самого на храненіи; онъ же надписываетъ грамоты и отправляетъ ихъ по принадлежности.

Щелкалову такія поддѣлки въ грамотахъ и наказахъ были такъ привычны, что онъ до конца продолжалъ ихъ, хотя всѣмъ было извѣстно, какъ онъ былъ въ этомъ уличенъ, обвиненъ и жестоко за это наказанъ. Старый царь (Иванъ Васильевичъ) держалъ его единственно, какъ орудіе для наказанія своего народа; правитель Борисъ Ѳедоровичъ, изъ уваженія къ его опытности, употреблялъ его нѣсколько времени въ помощь другому чиновнику; но наконецъ его коварство сдѣлалось до того невыносимо, что, какъ я слышалъ, его дьявольской и ненавистой жизни былъ положенъ самый несчастный конецъ.

Р¹⁾. Слава буди Богу! Я прибылъ въ Англію живъ и здоровъ; явился къ королевѣ и вручилъ свои письма: они оказались гораздо

---

¹⁾ П. Окончу начатый мною рассказъ. Сѣвши на корабль въ пристани Св. Николая, я скоро прибылъ въ Англію и 4-го октября 1590 года (т. е. 1591) года пріѣхалъ ко двору въ Ричмондъ, гдѣ ея всемилостивѣйшему величеству угодно было меня принять и выслушать мой рассказъ объ этомъ послѣднемъ моемъ посольствѣ, сопряженномъ съ такими опасностями.

лучше и пріязненѣе, чѣмъ я ожидалъ. Посредничествомъ четырехъ достойныхъ лицъ, всѣ бывшія между мною и обществомъ (купцовъ) дѣла были миролюбиво покончены. Общество уплатило мнѣ 1845 фунт. (стерлинговъ), которые оказались слѣдовавшими мнѣ за мое имущество и мои товары. Я оффиціально получилъ общую квитанцію и расчетъ за (надлежащими) подписями и печатами. Старшины, сэръ Егоръ Барнъ и сэръ Иванъ Гартъ, отъ имени общества и въ знакъ дружжелюбнаго окончанія дѣла, поднесли мнѣ красивую золоченую чашу съ крышкой.

Слѣдующая за симъ статья, въ которой Горсей исчисляетъ свои литературныя заслуги, помѣщена ниже, въ сличеніи съ двумя другими статьями его „Разсужденія“.

Не могу однакоже окончить моего повѣствованія, не рассказавъ тѣхъ происшествій, которыя служатъ необходимымъ дополненіемъ предъидущаго, хотя они случились уже послѣ моего отъѣзда изъ Россіи. Ихъ вызвала невинная кровь, пролитая въ это время гнетущаго тиранства; они явили несомнѣнное доказательство, что Богъ, къ утѣшенію Своихъ избранниковъ, караетъ праведнымъ судомъ Своимъ дѣянія злобы и коварства и справедливо наказуетъ тѣхъ, которые, не просвѣщенные благодатію, предаются внушеніямъ дьявола и слѣдуютъ собственнымъ своимъ похотямъ и честолюбивымъ наклонностямъ. Мнѣ желательнаго, чтобы читатель не имѣлъ сомнѣнія въ справедливости сказаннаго мною.

Вы слышали, хотя и не вполне, о жестокомъ, варварскомъ и тиранскомъ царствованіи царя Ивана Васильевича: о томъ какова была его жизнь, какъ онъ проливалъ безъ счета невинную кровь, и какіе ужасные грѣхи составляли его наслажденіе и были имъ совершены; о томъ каковъ былъ его конецъ и конецъ его старшаго сына, какъ послѣ него остался править его великой монархіей слабоумный его сынъ, прямая притча Соломонова. Слѣдствіемъ были еще большія кровопролитія. Сынъ этотъ былъ устраненъ (*made away*), а третій сынъ (царевичъ Димитрій), царевичъ десяти лѣтъ отъ роду, ума остраго и подававшій большія надежды, былъ зарѣзанъ.—Такимъ образомъ весь корень этого кровожаднаго роча, царствовавшаго болѣе 300 лѣтъ, прекратился и окончился въ крови.

Потомъ на престолъ вступилъ похититель, который по русски называется „Митхеринтъ Тирантъ ¹⁾“. Буррисъ Федоровичъ Годоновъ. Прошу обратиться немного назадъ и вспомнить, какъ я его оставилъ. Я имѣю и готовъ показать многія письма, полученные мною (изъ Россіи) отъ моихъ старинныхъ и достойныхъ друзей; у меня есть и другія извѣстія о положеніи дѣлъ въ этомъ государствѣ, я видѣлся также въ послѣдствіи съ двумя (тамошними) посланниками и съ однимъ знающимъ монахомъ.

¹⁾ Эти два слова въ подлинникѣ написаны славянскими буквами. Ю. Т.

II ¹⁾. Я узналъ, что съ того времени царь Ѳедоръ умеръ и что бояринъ Борисъ, по общему согласію и избранію, вѣнчанъ на царство; что его сынъ провозглашенъ наслѣдникомъ, и что преемники ихъ признаны царскою Думой (parleamante royalle) въ томъ же достоинствѣ на вѣчныя времена. Государь этотъ былъ выведенъ въ знатность старымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, который всегда любилъ его и жаловалъ совершенно наравнѣ съ двумя своими сыновьями и который наконецъ женилъ на его сестрѣ своего второго сына, покойнаго царя Ѳедора. При жизни своей (Иванъ Васильевичъ) поручилъ Борису руководить (soule governmente) Ѳедора, а въ болѣзнь свою усыповилъ его и по завѣщанію, утвержденному имъ самимъ, а послѣ него верховною Думою (counsell royalle), поручилъ ему (Борису) съ помощью 4-хъ другихъ знатныхъ бояръ царской крови, управление царствомъ, которымъ Борисъ и правилъ по смерти Ивана Васильевича. Мудростію своею и разумомъ правя государствомъ совершенно иначе, какъ оно было управляемо прежде, Борисъ царствуетъ надъ подданными, а не надъ рабами, которыхъ онъ удерживаетъ въ повиновеніи и въ вѣрности любовію, а не страхомъ и не тиранствомъ.

II ²⁾. Онъ высокъ ростомъ, весьма красивъ лицомъ и вообще величественъ въ приѣмахъ; привѣтливъ въ обращеніи, при этомъ мужественъ, уменъ, прозорливъ, важепъ, отъ роду ему около 50 лѣтъ; милосердъ, любитъ добродѣтель и добрыхъ людей, ненавидитъ злыхъ и строго караетъ несправедливость. Словомъ онъ лучшій изъ всѣхъ государей, когда либо царствовавшихъ надъ этимъ народомъ ³⁾. Его величество всегда имѣло особенное благорасположеніе къ моимъ соотечественникамъ, болѣе чѣмъ къ которому либо изъ другихъ народовъ.

---

¹⁾ Р. Борисъ съ своею семьею, какъ вы уже слышали, приобрѣлъ власть и большое могущество и сталъ постепенно угнетать и губить большую часть родовитыхъ и главныхъ бояръ, которыхъ онъ давно уже устранилъ (отъ правленія) и безнаказанно истязалъ, чтобы внушить къ себѣ страхъ и боязнь. Хотя уже на дѣлѣ царь—Борисъ заключилъ въ монастырь царя Ѳедора Ивановича и сестру свою, царицу (Ирину); принудилъ патріарха, митрополитовъ, епископовъ и монаховъ, вновь пожалованныхъ бояръ, чиновниковъ своихъ, купцовъ и всѣхъ остальныхъ своихъ клевретовъ, подать ему челобитную о принятіи имъ вѣнца на царство. Въ назначенное время онъ былъ торжественно возведенъ и вѣнчанъ на царство и изъ простаго дворянина сдѣлался Борисомъ Ѳедоровичемъ, царемъ и великимъ княземъ Владимирскимъ, Московскимъ и всея Руси, царемъ Казанскимъ, царемъ Астраханскимъ, царемъ Сибирскимъ и проч., какъ пишется (въ его титулѣ).

²⁾ Р. Онъ величественной наружности, красивъ лицомъ, привѣтливъ, пріятенъ въ обхожденіи, уступчивъ, но опасенъ для тѣхъ, кто даетъ ему совѣты, одаренъ хорошими способностями, имѣетъ отъ роду 45 лѣтъ; склоненъ къ чернокнижію, не ученъ, но быстраго ума, отъ природы краснорѣчивъ и имѣетъ звучный голосъ; лукавъ, очень вспыльчивъ, мстителенъ, не склоненъ къ роскоши, умѣренъ въ пищѣ, но любитъ великолѣпіе: пышно принимаетъ иноземныхъ посланниковъ, посылаетъ богатые дары иностраннымъ государямъ.

³⁾ „Я читалъ объ нихъ въ весьма древнихъ русскихъ лѣтописяхъ“.

Единственно благодаря его милости испросилъ я въ 1585 году жалованную грамоту знаменитому обществу (Англійскихъ) купцовъ, торгующихъ въ Россіи, которые съ тѣхъ поръ, благодаря своимъ благоразумнымъ распоряженіямъ и хорошему поведенію, постоянно пользовались дарованными имъ льготами ¹⁾).

Р. Съ намѣреніемъ явить свою славу, Борисъ старался о снисканіи, преимущественно предъ всѣми другими государями, дружбы и твердаго союза съ императоромъ Германскимъ и съ королемъ Датскимъ. Врагами его были ханъ Крымскій, король Польскій и король Шведскій, и къ нимъ присоединились всѣ его недруги: они его и погубили.

Онъ продолжалъ управлять государствомъ точно также, какъ управлялъ прежде (при царѣ Ѳедорѣ); только оказывалъ болѣе щедрости и болѣе заботливости о благоденствіи, безопасности и правахъ своихъ подданныхъ. Не будучи однакоже увѣренъ въ своей безопасности и боясь быть сверженнымъ съ престола, онъ желалъ упрочить свою державу бракомъ своей дочери съ герцогомъ Іоанномъ, третьимъ сыномъ короля Датскаго. Условія этого брака были утверждены, договоръ заключенъ, приданое изготовлено, время и торжественный чинъ бракосочетанія назначены. Женихъ былъ мужественъ, молодъ и подавалъ большія надежды; рассчитывая на его помощь и на его родственныя связи, царь надѣялся сдѣлать чудеса. Но герцогъ, внезапно заболѣвъ, умеръ въ Москвѣ: бракъ не совершился и съ тѣмъ вмѣстѣ рушились всѣ надежды и намѣренія Бориса. Вскорѣ потомъ онъ былъ поставленъ въ крайность Крымцами, Поляками и Шведами, которые одни за другими вторгались въ предѣлы его государства.

Умалчиваю о многихъ другихъ странныхъ случаяхъ, происшедшихъ между Борисомъ, его боярами и его народомъ, и приступаю къ бѣдствіямъ, постигшимъ въ послѣднее время его и участниковъ его замысловъ. Вы слышали прежде о главномъ любимцѣ и наперсникѣ великаго царя Ивана Васильевича, Богданѣ Бѣльскомъ, который былъ

¹⁾ „Многіе изъ этихъ купцовъ старались затмить мои заслуги въ этомъ дѣлѣ, испрашивая бесполезныя переписки грамоты, мною исходатайствованной. Тѣмъ не менѣе ей обязаны они поддержаніемъ упавшей торговли общества; черезъ нее они приобрѣли себѣ много славы, большія выгоды, двойную прибыль; вывозить излишекъ естественныхъ произведеній изъ нашего королевства и привозить въ оное предметы, необходимыя для государства, которое содержать флотъ; кромѣ того посредствомъ этой грамоты они особенно полезны королевѣ, ибо образуютъ для флота ея величества лучшихъ и славнѣйшихъ моряковъ; притомъ торговлею своею вывозной и привозной разными путями, чрезвычайно увеличиваютъ таможенные доходы ея величества.—Будь Богъ имъ въ помощь! Такимъ достойнымъ подданнымъ стоитъ пожелать много добра“.

Здѣсь оканчивается Горсеево „Разсужденіе о двухъ его посольствахъ въ Россію въ 1585 и 1589 (т. е. 1590) годахъ“. Разсужденіе это онъ заключаетъ двумя статьями, которыя, для сравненія, сличены съ статьею, помѣщенной въ его „Повѣствованіи“, предъ разсказомъ о происшествіяхъ, случившихся въ Россіи послѣ его отъѣзда (см. „Приложеніе“ стр. 109—110).

вѣрнымъ клеветомъ царя Бориса и помогаль ему въ достиженіи его цѣлей. Никто не былъ столь ему преданъ, никто не имѣлъ столько могущества, никто не былъ столь способенъ губить величайшихъ враговъ Бориса, бояръ и другихъ его недоброжелателей. Бѣльскій однако же получилъ награду, обыкновенно воздаваемую орудіямъ коварства. Царь (Борисъ), его сестра, (вдовствующая) царица и все семейство Годуновыхъ со всѣми ихъ приверженцами страшились ковъ Бѣльскаго. Борисъ нашель средства и разные поводы избавиться отъ его присутствія: отправилъ его съ его приверженцами въ опалу въ мѣста, повидимому довольно отдаленныя и безопасныя, чтобы препятствовать имъ замыслять и дѣйствовать ко вреду государства. Но, во время своего могущества, Бѣльскій собралъ несчетныя богатства и огромныя суммы денегъ и, опасаясь утратить свою власть, отправилъ ихъ за-границу. Это помогло ему отмстить. Онъ бѣжалъ изъ своей ссылки въ Польшу и, вмѣстѣ съ многими недовольными боярами и могущественными вельможами, рѣшилъ не только вступить въ службу короля Польскаго, но и возбудить его и знатнѣйшихъ воеводъ и могущественнѣйшихъ князей Литовскихъ (противъ Бориса). Увѣренные, что въ Россіи они встрѣтятъ достаточныя пособія, (Поляки и Литовцы) съ малочисленнымъ войскомъ вторглись въ ея предѣлы, объявляя, что они прибыли радостными вѣстниками объ ея искупленіи и ведутъ истиннаго и законнаго наслѣдника вѣнцу и царству, царя Димитрія, сына Ивана Васильевича, (мнимо) убиеннаго коварствомъ царя-похитителя Бориса Ѳедоровича; что Димитрію, промысломъ Божиимъ и состраданіемъ бѣдствующаго народа, была чудесно сохранена жизнь и что онъ находится въ ихъ войскѣхъ и идетъ въ Москву избавить и утѣшить Россію. Царь Борисъ, съ преданными ему друзьями и боярами, поспѣшно вооружился, изготовилъ снаряды, пушки и всѣ остальные запасы въ изобиліи, но не имѣлъ мужества сразиться (съ непріателемъ); и это его погубило. Ничто не могло остановить дальнѣйшаго хода происшествій: воскресшій Димитрій съ Польскимъ войскомъ и со многими воеводами осадилъ Москву и занялъ всѣ выходы изъ нея, не оставивъ никакой надежды къ побѣгѣ. Царь Борисъ Ѳедоровичъ, царица супруга его, ихъ сынъ и дочь, всѣ приняли яда, положили вмѣстѣ головы и легли на полъ. Трое изъ нихъ немедленно лошнули и умерли на мѣстѣ. Изнеможеннаго же сына нѣкоторые изъ главнѣйшихъ изъ его семьи, въ надеждѣ успокоить взволнованные умы народа, провозгласили Иваномъ (т. е. Ѳедоромъ) Борисовичемъ, царемъ всея Россіи и проч.; но онъ вскорѣ умеръ. Тогда народъ, еще болѣе жадный до новости, желалъ видѣть своего убитаго Димитрія. Отворили ворота Москвы и Димитрій вступилъ въ нее съ своимъ войскомъ.

Овладевъ столицею, онъ поселился во дворцѣхъ внутри Кремля. Все духовенство и весь народъ присягнули ему. Онъ былъ провозглашенъ и вѣнчанъ царемъ и великимъ княземъ всея Россіи, хотя былъ самозванецъ и обманщикъ, сынъ попа, бродившаго по Россіи и торговавшаго водкой. Перемена эта возбудила въ народѣ ропотъ, особенно народъ

былъ недоволенъ дерзостію и своевольствомъ Поляковъ. По овладѣніи городомъ было всепародно повелѣно укротить населеніе и толки народные. Чтобы утвердить свою безопасность и свою власть, главный воевода (Юрій Мнишекъ), имѣвшій начальство надъ Польскимъ войскомъ и приведшій лже-Димитрія (въ Москву), былъ припужденъ выдать за царя Димитрія свою дочь, которая такимъ образомъ сдѣлалась царицей. Поляки, всегда надменные и наглые въ счастіи, стали оскорблять Русскихъ бояръ, ругаться надъ ихъ вѣрой, исказать правосудіе, тиранствовать, угнетать, расхищать казну, истребили родственниковъ и приверженцевъ Бориса, предавая ихъ позорнымъ казнямъ, требуя съ нихъ выкуповъ; словомъ—вели себя какъ завоеватели, такъ что русскіе бояре, митрополиты, епископы, монахи и всѣ сословія народа весьма раскаялись въ томъ, что измѣнили порядокъ правленія, роптали и, оставивъ свои раздоры, рѣшились воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы покарать и укротить своеволие Поляковъ. Но на каждого Русскаго воина была сотня Польскихъ. Пользуясь этою выгодною, король и королевичъ Польскіе, всегдашніе враги Москвитянъ, стали готовить войско для овладѣнія престоломъ Русскимъ и всѣмъ государствомъ. Въ это время Русскіе напали на царя-самозванца Димитрія: умертвили его стражу; его самого изъ постели его жены царицы вытащили на крыльцо. Стрѣльцы и воины пронзили его ножами, изрубили ему голову, ноги и принесли куски его тѣла на площадь, гдѣ они въ теченіи трехъ дней были выставлены на позорище всему городу. Народъ толпился, проклинавшая самозванца и измѣнниковъ, которые привели его въ Москву. Воевода, тесть самозванца съ своею дочерью, бывшею царицею, и Польскими воинами были отпущены: челоуѣколюбіе, котораго они не заслуживали. (Бояре) приступили къ избранію новаго царя изъ среды своего сословія; называли двоихъ: князя Ивана Ѳедоровича Мстиславскаго и князя Василія Шуйскаго. Оба боялись избранія въ это мятежное время, когда Русскіе были въ войнѣ съ Поляками и въ междоусобныхъ раздорахъ, когда всѣ связи государства распались и правительство, повидимому, не могло быть водворено и усмирено на долгое время. Однакоже князь Василій Петровичъ (т. е. Ивановичъ) Шуйскій, честолюбивѣйшій изъ двоихъ, прельстился вѣнцомъ и царствомъ; онъ былъ мужественный и великодушный князь, третій братъ благороднаго боярина князя Ивана Шуйскаго, который, какъ вы слышали, былъ задушенъ¹⁾.

Этотъ бояринъ былъ возведенъ на престолъ ко всеобщему удовольствію, вѣнчанъ на царство съ большимъ торжествомъ, по стариннымъ русскимъ обрядамъ и обычаямъ, и наименованъ княземъ Василіемъ Петровичемъ (т. е. Ивановичемъ) Шуйскимъ, царемъ и великимъ княземъ всея Россіи, со всѣми прочими принадлежащими царю титу-

¹⁾ Царь Василій Ивановичъ, второй сынъ боярина князя Ивана Андреевича Шуйскаго (уб. при Коловерѣ т. е. Лодѣ въ 1573 г.), былъ не братомъ, а лишь дальнимъ родичемъ боярина князя Ивана Петровича Шуйскаго; ихъ прадѣды были двоюродными братьями.

лами. Онъ вооружился съ своимъ народомъ не только, чтобы положить конецъ бѣдствіямъ Россіи, но также, чтобы изгнать Поляковъ и изготовиться на случай новаго ихъ вторженія.

Къ новому царю князю Василию былъ присланъ гонецъ съ требованіемъ признать себя данникомъ Польской короны, потому что Польскій король объявилъ царство и великое княжество всея Россіи присоединеннымъ къ своей державѣ, внесъ его въ свой титулъ и не хотѣлъ отказаться отъ него такъ легко, имѣя много Дмитріевъ въ запасѣ, чтобы поддержать его притязанія. Никакіе доводы, разсужденія, дружелюбные отвѣты не могли склонить его къ миру. Поляки ковали желѣзо, пока оно было горячо, утвердивъ свое вліяніе между утомленными (безначаліемъ) боярами и народомъ Русскимъ, который былъ очень доволенъ своимъ царемъ-княземъ Василиемъ и молилъ Бога о продолженіи его державы. Но Богъ не услышалъ ихъ молитвъ, готовя новую кару этому коварному и нечестивому народу. Поляки съ храбрымъ и многочисленнымъ войскомъ напали на рабскія ¹⁾ войска и па города Москвитянь: съ обѣихъ сторонъ пало много воеводъ и храбрыхъ воиновъ. Поляки одержали верхъ и вновь овладѣли Москвой; многіе были умерщвлены, царь-князь Василій былъ взятъ въ плѣнъ и многіе изъ бояръ уведены съ нимъ въ неволю; его посадили въ крѣпкое заточеніе въ замокъ Вильны, столицы Литовской. Поляки начали неистовствовать и ругаться надъ Русскими еще болѣе, чѣмъ прежде; захватили ихъ имущество, деньги, сокровища и богатства. Много отправлено было добычи и сокровищъ въ Польшу и Литву.—Но тѣ сокровища, которыя были скрыты старымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ и царемъ Борисомъ Ѳедоровичемъ по разнымъ тайникамъ, безъ сомнѣнія до сего дня остаются по большей части не найденными, потому что участники въ сокрытіи ихъ или знавшіе тѣ тайники никогда не оставались въ живыхъ. Русскіе покорились королю Польскому и сдѣлались его данниками, признавъ его своимъ царемъ и государемъ: они просили его торжественною грамотою, которая навѣки сохранится въ лѣтописяхъ ихъ державы, что бы его сынъ былъ вѣнчанъ ихъ царемъ и королемъ и пріѣхалъ жить между ними въ знаменитомъ городѣ Москвѣ. Но король не согласился удовлетворить ихъ просьбу и довѣрить имъ своего сына; самовластные вельможи—паны Польскіе не хотѣли лишить Польшу королевича, подававшаго большія надежды, и оказать своимъ врагамъ такую честь; ихъ намѣреніе было подчинить Россію мало по малу, дать ей Польскіе законы и постановленія и владѣть ею по своему произволу, пока судьба ея не будетъ окончательно рѣшена. Русскіе терпѣли и съ скорбящимъ сердцемъ рѣшались все переносить, пока не нашли способа освободиться. Поляки были весьма тревожены набѣгами Крымскихъ Татаръ. Луговая (Черемиса), Ногайцы и Мордва, Татары и Черкасы, съ своими князьями и предводителями ненавидѣли Польскаго короля,

¹⁾ fainte—hanted правильнѣе перевести малодушные. А. С.

ибо, находясь давно въ подданствѣ Русскаго царя, который обходился съ ними лучше, чѣмъ съ прочими подвластными ему племенами, они чувствовали себя угнетенными и стѣсненными въ своихъ преимуществахъ Польскимъ правительствомъ. Будучи всѣ вообще хорошими наѣздиками и храбрыми воинами, они оказали важную услугу и себѣ, и Русскимъ. Составивъ многочисленное ополченіе, они вооружились, напали на Поляковъ, грабили и убивали столькохъ изъ нихъ и поставили ихъ въ такое опасное положеніе, что Поляки были принуждены съ возможною поспѣшностію бѣжать, захвативъ свою добычу и свои сокровища. Такимъ образомъ Россія освободилась отъ поляковъ.

Оставшіеся бояре, духовенство и всѣ сословія народа ободрились; начали совѣщаться объ устроеніи своего государства, выслали всѣхъ Поляковъ и прочихъ иноземцевъ, отказавшись отъ чужеземнаго подданства на разныхъ условіяхъ и съ разными благоразумными распоряженіями. Хотя имъ и удалось свергнуть иго Поляковъ, но они были принуждены уступить нѣкоторые изъ своихъ пограничныхъ городовъ и областей, издавна принадлежавшихъ державѣ Польской ¹⁾. Они весьма скорбятъ о своемъ послѣднемъ царѣ-князѣ Василю Шуйскомъ, котораго не отдають на выкупъ и который до сихъ поръ содержится въ тяжкомъ заточеніи. Между тѣмъ невозможно было столь многочисленному народу и такому обширному государству оставаться безъ главы и государя: стали совѣщаться объ избраніи новаго царя. Вы слышали, какъ Борисъ Ѳедоровичъ, въ началѣ своего правленія, не желая имѣть соправителя болѣе себя знаменитаго, волшебствомъ лишилъ жизни дядю царя Никиту Романовича (Юрьева), который отъ его чаръ онѣмѣлъ. Старшій сынъ этого боярина Ѳедоръ Никитичъ, бояринъ мужественный и исполненный надеждъ, былъ постриженъ въ монахи и, несмотря на молодья лѣта, сдѣланъ епископомъ Ростовскимъ; теперь онъ, говорятъ, патріархъ Московскій. До вступленія своего въ монашество, онъ имѣлъ сына: сынъ этотъ, по единогласному и единомудушному выбору всѣхъ чиновъ государства воцарился теперь на наслѣдіи своихъ предковъ и вѣнчанъ на царство подъ именемъ Михаила Ѳедоровича, царя и великаго князя всея Россіи. Пошли ему Богъ болѣе безопасности, счастья, мира и успѣха, чѣмъ имѣли его предшественники, ибо онъ вступилъ на престоль при весьма неблагопріятныхъ обстоятельствахъ: главнѣйшее изъ нихъ есть недостатокъ казны, которая была расхищена, и другихъ средствъ нужныхъ государю для поддержанія своей державы и своего правительства. Несмотря на то, онъ царствуетъ съ большимъ искусствомъ, сообразуясь съ обстоятельствами и слѣдуя во всемъ благоразумнымъ совѣтамъ своего многоопытнаго родителя ²⁾. Не могу умолчать

¹⁾ Слово въ слово: „хотя они и сняли удило, но принуждены были оставить узду (Польскаго владычества) на нѣкоторыхъ изъ своихъ пограничныхъ городовъ“ и пр.

²⁾ „Сему послѣднему, когда онъ былъ молодъ, угодно было, чтобы я написалъ для него Славянскими буквами въ родѣ грамматики Латинскихъ словъ и рѣченій; грамматика эта доставила ему большое удовольствіе“.

случая, заслуживающаго гласности: знаменитое товарищество Англійскихъ купцовъ, торгующихъ въ тѣхъ странахъ, недавно предложило царю заемъ въ сто тысячъ фунтовъ (стерлинговъ) на удовлетвореніе издержекъ его величества. Это доказываетъ похвальную благодарность купцовъ за любовь и милость къ нимъ предковъ царя.

Относительно послѣдующихъ происшествій и нынѣшняго состоянія тѣхъ странъ, я долженъ сослаться на разсказъ сэра Оомы Смейса и въ особенности на свѣдѣнія сэра Ивана Меррика: первый былъ тамъ посланникомъ, второй много разъ тамъ бывалъ и многое тамъ испыталъ. Въ послѣднее время было нѣсколько пересылокъ между Россіей и Англіей; но, если вѣрить общей молвѣ, они касались болѣе частныхъ (чѣмъ общественныхъ) выгодъ и по своимъ слѣдствіямъ оказались скорѣе невыгодными, чѣмъ полезными.

Многое могъ бы я еще сказать и многое прибавить, но боюсь, чтобы скучные мои разсказы не утомили вашего терпѣнія; поэтому я не внесъ и не прибавилъ многихъ объясненій относительно именъ, рѣченій и выраженій, которыхъ вы не привыкли читать (и которыхъ могли бы не понять), написанныхъ моимъ худымъ почеркомъ. Предоставляю на зрѣлое обсужденіе ваше обдумать не безъ удивленія странныя событія, столь быстро совершившіяся, которымъ подобныхъ не упоминается ни въ одной исторіи и которымъ за грѣхи сего міра Божественный Промыселъ попустилъ совершиться надъ нечестіемъ и злодѣяніями людей.

Съ тѣхъ поръ образъ моей жизни измѣнился. Болѣе тридцати лѣтъ провелъ я въ плодоносномъ графствѣ Букингамскомъ: былъ тамъ главнымъ шерифомъ, во всѣхъ служебныхъ должностяхъ всѣми силами старался отправлять свою обязанность, какъ слѣдуетъ честному мирному судьѣ; воздавалъ должное судьямъ, которые руководствуются совѣстію, челоуѣколюбіемъ, благоразуміемъ и разсудкомъ; имѣлъ случай снискать много дружбы и благорасположенія въ судьяхъ, въ помѣстныхъ владѣльцахъ и во всѣхъ другихъ сословіяхъ. Благословеніемъ Божиимъ много дѣлаеть добра въ Англій ревностное проповѣданіе Евангелія достойнѣйшими учеными, благочестивыми и набожными богословами. Да благословить ихъ Богъ и да продлитъ сіе на долгое время!

Я служилъ также болѣе тридцати лѣтъ въ парламентѣ. Приобрѣтенный мною какъ въ отечествѣ, такъ и въ иныхъ странахъ, опытъ сего нечестиваго міра внушаетъ мнѣ желаніе жить въ мірѣ лучшемъ. Покуда довольствуюсь тѣмъ, что, подобно старому кораблю, совершившему много плаваній, остаюсь въ пристапи, пока не разснащенъ. По истинѣ скажу, что изо всѣхъ извѣстныхъ въ свѣтѣ городовъ и царствъ нѣтъ ни одного, который бы въ благоденствіи могъ сравняться съ нашимъ трижды благословеннымъ народомъ и съ нашей Англіей—ангельскимъ царствомъ Ханаана.

Засимъ я отказываюсь отъ всякаго дальнѣйшаго опыта и познанія сей жизни и слѣдую справедливому правилу: „будь христіаниномъ—объ остальномъ не заботься“.

Приложеніе.

Въ заключеніе своего *Описанія второго и третьяго Посольствъ* Горсей пишетъ:

„Частыя мои сухопутныя путешествія по многимъ странамъ и двадцатилѣтній опытъ доставили мнѣ случай сдѣлать много любопытныхъ, достопримѣчательныхъ и достойныхъ напечатанія наблюденій о странѣ Китайской, великомъ ханѣ, которую Персіяне и Бухарцы называютъ Богатой Индіей ¹⁾); о положеніи Персіи, Бохары и Грузіи, о великомъ ханѣ Крымскомъ, Скиоскомъ татаринѣ и о всѣхъ прочихъ странахъ Татарскихъ, о Сибирякахъ и Самоѣдахъ, о Московіи и Россіи, о Литвѣ, Ливоніи и Польшѣ, о Валахіи, Трансильваніи и Венгріи, о Швеціи, Даніи и Норвегіи, о Германіи и о всѣхъ отдѣльныхъ ея владѣніяхъ; о почвѣ, климатѣ и пространствѣ этихъ государствъ, образѣ ихъ правленія и именахъ ихъ государей съ разными ихъ титулами, объ естественныхъ произведеніяхъ и главныхъ городахъ каждой страны, постройкахъ, тамъ употребляемыхъ и матеріалахъ, идущихъ на эти постройки, о монетахъ каждой страны, природѣ и качествахъ народовъ, ее населяющихъ, ихъ вѣроисповѣданіи, древностяхъ и памятникахъ, образѣ войны, оружіи и знаменахъ и пр.

Если бы я имѣлъ смѣлость и могъ легко изложить все тѣ обильныя свѣдѣнія, которыя имѣю о положеніи и особенностяхъ исчисленныхъ странъ, я охотно предоставилъ бы ихъ въ распоряженіе ученаго и благороднаго кавалера сэра Роберта Коттона, который принялъ на себя достохвальный трудъ напечатать эту мою книгу. Заключающіяся въ ней свѣдѣнія такъ рѣдки, что подобныхъ не собиралъ еще доселѣ ни одинъ исторіографъ. (Отъ дальнѣйшихъ сочиненій) удерживаютъ меня главнѣйшія двѣ причины: во-первыхъ—я желаю не выходить изъ предѣловъ истины и говорить только о томъ, что мнѣ извѣстно по личному моему наблюденію или въ чемъ я убѣдился достоверными распросами; во-вторыхъ—потому что я не имѣю ни искусства, ни учености, ни послѣдовательности, ни искусства изящно изложить свое сочиненіе. Несмотря на то, съ помощію Божіею, я надѣюсь вскорѣ употребить все свои старанія, чтобы исполнить это по лучшему моему разумнію“.

²⁾ Я имѣлъ много сношеній съ людьми, бывавшими въ этой странѣ.

Этой заключительной статьѣ *Описанія Посольствъ Горсея* соотвѣтствуетъ слѣдующая статья изъ *Разказа объ его путешествіяхъ*, которая въ англійскомъ подлинникѣ помѣщена послѣ разказа объ окончаніи расчетовъ съ обществомъ и предшествуетъ изложенію событій, случившихся въ Россіи по возвращеніи Горсея въ Англію.

„Я сохранилъ всѣ указы, наставленія, письма, привилегіи и всѣ важныя бумаги, полученныя мною отъ общества; копіи съ грамотъ королевы, съ ея наказовъ и наставленій, также мною сохранены, равно какъ всѣ бумаги, относящіяся ко всѣмъ (моимъ) переговорамъ и посольствамъ въ чужихъ краяхъ. Всѣ эти документы весьма замѣчательны, и стоитъ ихъ пересмотрѣть и прочесть. Орывки изъ нихъ были давно напечатаны въ книгѣ путешествій г-на Гаклюйта, нѣкоторые другіе изданы г-номъ Кемденомъ (Camden); большая же часть ихъ изложена въ особенномъ, болѣе ученомъ трактатѣ доктора Флетчера, которому я доставилъ свѣдѣнія о природѣ и естественныхъ качествахъ Русскаго народа, о законахъ, нарѣчіяхъ, правленіи, о порядкѣ управленія ихъ церкви и государства, о доходахъ, произведеніяхъ, климатѣ и положеніи, о главныхъ элементахъ, которые составляютъ Россію и о томъ, съ кѣмъ она находится въ союзѣ и ведетъ торговлю. Я обѣщаль (см. стр. 1—2) написать еще два трактата о томъ, что знаю относительно Польши, Литвы, Ливоніи, Венгріи, Трансильваніи, Германіи, верхнихъ и нижнихъ кантоновъ (Швейцаріи), семнадцати Соединенныхъ Областей (Нидерландовъ), Даніи, Норвегіи и Швеціи. Для этихъ трактатовъ написано мною нѣсколько разсужденій согласно съ моими наказами, по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя я самъ имѣлъ и какія могъ собрать. Пусть мои друзья увидятъ въ этомъ доказательство, что я провелъ время съ большимъ желаніемъ усовершенствоваться и приобрѣсть познанія, и что я готовъ съ радостью дѣлиться съ ними свѣдѣніями обо всемъ, что они желаютъ знать.
